

Л. А. ЧИНДИНА

**ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ
СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ
В ЭПОХУ ЖЕЛЕЗА**

Л. А. ЧИНДИНА

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ
СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ
В ЭПОХУ ЖЕЛЕЗА

КУЛАГСКАЯ КУЛЬТУРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Томск — 1984

Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. — Томск: Изд-во Томск. ун-та. 1984. — 12,5 л. — 1 р. 90 к. .... экз. 0504000000.

Монография написана на основе археологических источников и вводит в научный оборот обширные новые материалы. Значительное место в работе отводится проблемам происхождения и этапам формирования кулайской культуры, существовавшей в Среднем Приобье в VI в. до н. э. — V в. н. э. Особое внимание уделяется вопросам социально-экономического развития культуры в сложных экологических условиях, рассматриваются процессы миграций кулайцев и причины их перемещения на обширных территориях Приобья.

Для археологов, этнографов, историков, географов.

Рецензент — канд. ист. наук Л. М. Плетнева

Редактор — член-кор. А. П. Деревянко

Ч $\frac{0504000000}{177 (012)-84}$ 20-84

ВВЕДЕНИЕ

Эпоха раннего железа Сибири охватывает значительный хронологический отрезок: VIII в. до н. э. — V в. н. э. Общепринятое деление раннего железного века на скифский (или скифо-сакский) и гушский (или гунно-сарматский) проведено на основе историко-археологических особенностей развития степных районов Евразии. И хотя данная периодизация не является универсальной для всей Сибири — на северной периферии Великого пояса степей процесс развития выразился в других социально-экономических формах и протекал неодинаково в различных районах, тем не менее она остается наиболее приемлемой в плане исторического сравнения отдельных сибирских регионов. Внедрение нового металла — железа — в хозяйство отдельных районов проходило неодновременно и неравномерно. Следует напомнить чрезвычайно важный фактор в истории металлургического производства Сибири. Первый, скифский, период относят к раннему железному веку, учитывая известную условность такого отнесения для Южной Сибири: почти весь период там господствовала бронза как основной поделочный материал в орудийном производстве. Как известно, данная ситуация не являлась показателем отсталости экономики южносибирских культур. Высококачественная местная бронза еще не уступала первым изделиям из железа. Собственные мощные металлургические центры обеспечивались необходимым сырьем, что долго сдерживало освоение нового металла.

В Западной Сибири первоначальное освоение железа осуществлялось одновременно с южными районами. Это объяснялось традиционно высоким уровнем бронзообработки у западносибирского населения, возникшей

еще в эпоху бронзы. В лесные районы сырье поступало в основном из южных металлургических центров, что укрепляло многовековые экономические контакты этих двух регионов, с одной стороны, с другой — ставило лесные племена в экономическую зависимость от юга. Любые существенные изменения в металлургии юга служили долгое время своеобразным сигналом для изменений на севере. Как только южные культуры перешли к широкому использованию железа, то же самое произошло у их северных соседей. По-видимому, это относится к III в. до н. э., хотя начальный этап употребления железа племенами Хакасско-Минусинской котловины, Саяно-Алтайского нагорья приходится на V—IV вв. до н. э. [Киселев С. В., 1951; Сунчугашев Я. П., 1979]. Время VIII—VI вв. до н. э. повсеместно считается переходным от эпохи бронзы к эпохе железа. Освоение собственной черной металлургии, основанной на местном сырье, освободило лесные западносибирские племена от необходимости завозить металл для массового производства орудий, обеспечило самостоятельное развитие новой отрасли хозяйства, предопределило новую эпоху в культурной истории края.

Ранний железный век ознаменовался развитием полукочевого и кочевого скотоводства в степных и лесостепных районах Сибири. Формирование общества кочевников, распад общинных отношений, возникновение первых племенных союзов (усуней, юэчжей, динлинов) изменили взаимоотношения сибирского населения. Резко увеличилась его подвижность, частота военных столкновений, этническая и культурная пестрота. Захватнические войны приводили к покорению одних племен, вытеснению других, втягиванию в свои союзы третьих. Начавшееся движение всколыхнуло не только кочевой мир, но определенным образом отразилось на судьбах северных соседей.

Резкие различия форм хозяйства лесных и степных районов, природная изолированность лесного Приобья обеспечили независимое сосуществование двух систем. Равновесие сохранялось до того времени, пока степняки не перешли от грабительских набегов за добычей к захвату северных территорий и установлению даннических отношений. Но это произошло уже в эпоху средневековья.

На территории лесных районов происходят важные культурно-исторические процессы внутреннего развития, вызванные прогрессивным влиянием освоения железа, интенсивными культурно-обменными связями. Неравномерность экономического развития Северной периферии приводила к усилению одних культур и ослаблению других. Неизбежный рост народонаселения усилившихся культур в условиях в основном присваивающего хозяйства со слабой технической базой требовал отлива избыточного населения. Последнее осуществлялось путем захвата чужих территорий, освоения малонаселенных земель или опустевших в результате разорительных походов кочевников.

Регион настоящего исследования ограничен Средним Приобьем, под которым подразумевается часть Обского бассейна от устья Иртыша на севере до широты современного г. Новосибирска, водораздела рр. Оми и Тары на юге и до границы с лесостепью Кузнецкого бассейна на юго-востоке; от правобережья Иртыша на западе до левобережья Енисея на востоке. Общая площадь региона составляет примерно 708 750 кв. км. В основу районирования положены гидрологические и физико-географические схемы, принятые на современном этапе для Западной Сибири [Западная Сибирь, 1963; Земцов А. А., 1976; Российская Федерация..., 1978].

В Среднем Приобье выделяются три крупных района: Томское Приобье — от южной границы региона до устья Чулыма, Нарымское Приобье — до устья Ваха и Сургутское Приобье — до устья Иртыша. Кроме природных особенностей деление на три района в значительной степени традиционно и связано с освоением русскими Западной Сибири. Продвигаясь вверх по Оби, они по мере колонизации создавали крупные административные центры — уезды в Сургуте, Нарыме и Томске с прилегающими к ним территориями — волостями.

Сургутское и Нарымское Приобье в природном отношении сходны между собой и входят в одну зону тайги, хотя и в разные ее подзоны. Томское Приобье занимает зону лиственных лесов. Природные особенности края складывались исторически и в позднем голоцене менялись неоднократно. В период раннего железа, особенно в скифское время, природные различия Нарымского и

Томского Приобья проступали менее отчетливо, чем в современности, поэтому при реконструкции древней истории важно этот фактор учитывать.

Томское Приобье граничило с лесостепью и степью. Здесь активно осуществлялись взаимные контакты вплоть до проникновения сюда инокультурного населения. Сургутское и Нарымское Приобье более монолитно в культурном отношении, тем не менее в Сургутском Приобье на протяжении всей истории развития района заметно значительное зауральское и нижнеобское влияние. Нарымский край был как бы ядром среднеобских культур, менее затронут внешним влиянием. Данный фактор чрезвычайно важен при исследовании исторических процессов, связанных с происхождением, внутренней динамикой, внешними контактами местных культур. В целом развитие культурной истории среднеобского населения в эпоху раннего железа в значительной степени определялось ходом общенсторического процесса, характерного для Южной и Западной Сибири в целом.

Основоположителем теории этнокультурного развития в Приобье является В. Н. Чернецов. В обобщающих работах 50-годов им было выделено несколько культур эпохи раннего железа [Чернецов В. Н., 1953, 1957]. В Нижнем Приобье и Прииртышье в V в. до н. э. возникла потчевашская культура. Она сформировалась из саргатского и местного зеленогорского компонентов и принадлежала уграм. В керамике этой культуры четко выделялась группа с фигурно-штамповой орнаментацией. На территории Нижнего Приобья в IV в. до н. э. — II в. н. э. существовала усть-полуийская культура. Исходными компонентами ее формирования явились местный палеазиатский и пришлый потчевашский (южноугорский), давшие угорский синтез. В Верхнем Приобье, по его мнению, существовала синхронная усть-полуийской форминская культура, выделенная М. П. Грязновым (1952, 1956) как культура раннего средневековья. В Омском Прииртышье к I в. н. э. складывается средненртышская культура. В Среднем Приобье В. Н. Чернецов выделил район кулайской культуры, «граничащей с усть-полуийской и потчевашской и очень близкой каждой из них» [Чернецов В. Н., 1953, с. 223]. В Среднее Приобье он включал тогда области от устья Иртыша до устья Томи.

Выше р. Томи до верховьев Оби им была предварительно намечена верхнеобская культура. Позднее, учитывая новые данные из Нарыма и Притомья, он пересмотрел этот тезис. Исследуя наскальные изображения Притомья, он включил эту территорию в состав обширной кулайской культуры, а ее носителей связал с предками селькупов [Чернецов В. Н., 1971, с. 105]. Взгляды В. Н. Чернецова разделяла В. М. Мошинская (1953, 1953 а, 1965).

Этнокультурная схема Приобья, построенная В. Н. Чернецовым на обширном археологическом и этнолингвистическом материале, глубоком понимании процессов исторического развития, долгое время являлась господствующей. Многие его положения не потеряли значения и до сих пор. Однако уже в начале создания схемы возникли разногласия между двумя крупнейшими исследователями истории Сибири — В. Н. Чернецовым и М. П. Грязновым — по вопросам хронологии и культурной принадлежности памятников, содержащих керамику с фигурно-штамповой орнаментацией, где основным элементом являлась общеизвестная теперь «уточка» (другие варианты — S-видный зигзагообразный). Разрыв в датировках, данных учеными, насчитывал как минимум четыреста лет [Грязнов М. П., 1956, с. 137; Чернецов В. Н., 1953, с. 226]. В ходе последующих исследований в Западной Сибири эти расхождения продолжали усугубляться.

Бурное накопление источников в конце 60 — начале 70-х годов дало богатейшие материалы из различных районов Приобья. Не сразу исследователи разобрались в новом потоке информации. Сложившаяся ранее схема довлекла. Попытки вырваться из привычных рамок носили локальный характер. Однако археологи вновь и вновь возвращаются к проблеме культур раннего железного века в лесном Приобье. Она становится одной из основных на западносибирских совещаниях, посвященных хронологии и этнокультурной истории края¹.

В. А. Могильников, придерживаясь схемы В. Н. Чернецова, уточняет границы некоторых культур, в частнос-

---

¹ Материалы опубликованы в специальных выпусках: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970; Из истории Сибири. Томск, 1973, вып. 7.

ти, расширяет пределы среднеуртышской культуры и включает в ее состав памятники с фигурно-штамповой керамикой, которые раньше относились к саргатской культуре [Могильников В. А., 1970, 1973]. В. Ф. Геннинг и его свердловские коллеги не признали потчевашскую культуру как культуру раннего железа, а отнесли ее к раннему средневековью, датировав V—VIII вв. Население этой культуры считали не угорским, а самодийским. Сперановскую и большеложскую керамику исследователи включили в ранний, сперановский этап этой культуры [Геннинг В. Ф. и др., 1970; Геннинг В. Ф., 1972]. Новая хронология памятников сперановского типа вызвала возражение ряда ученых [Могильников В. А., 1973; Мошинская В. П., 1978].

Решение проблемы заходило в тупик, так как исследователи исходили из неверной посылки об однотипности и хронологической ограниченности существования в пределах одной культуры или даже этапа всей фигурно-штамповой керамики, содержащей уточку.

Исследования автора в Нарымском Приобье в 60—70-х годах дали возможность сформулировать гипотезу о трех хронологических типах фигурно-штамповой керамики, относящихся в Среднем Приобье к двум культурам — кулайской (васюганский и саровский) и релкинской (малгетско-релкинский). В целом существование этой керамики определялось тысячелетием — IV в. до н. э. — VII в. н. э. [Чиндрина Л. А., 1970, 1971, 1973]. Такая постановка проблемы позволила решить ряд задач: 1) установить хронологическую связь конкретных комплексов с фигурно-штамповой керамикой с культурами Приобья; 2) выявить составные компоненты известных культур и их происхождение. Кроме того, выяснилось, что споры между исследователями велись по керамике саровского типа, адекватного сперановской, большеложской, усть-полуйской, ярсалинской, фоминской керамике во всем Приобье, в отличие от локальных среднеобских типов: васюганского и малгетско-релкинского.

Генетическая преемственность трех типов керамики в Среднем Приобье и отсутствие ее на территориях усть-полуйской, потчевашской, верхнеобской культур свидетельствовали в пользу миграций в эти районы носителей фигурно-штамповой керамики из Среднего Приобья,

где в эпоху раннего железа существовала кулайская культура. Такой вывод, в свою очередь, требовал принципиально иной оценки происхождения таких культур, как усть-полуйская и фоминская. Автором была высказана и позднее развита точка зрения о кулайском происхождении основных компонентов этих культур [Чиндина Л. А., 1970, 1973, 1978, 1979, 1983]. Результаты исследований в других районах подтверждали высказанное положение. Л. М. Плетнева, исследуя памятники Притомья, выделила там пришлый компонент фигурно-штамповой керамики с территории кулайской культуры [Плетнева Л. М., 1970, 1973]. В. А. Могильников племена среднеиртышской культуры считает пришлыми из Среднего Приобья, генетически не связанными с местным населением [Могильников В. А., 1970, 1973, 1978]. Т. Н. Троицкая также выделяет пришлую с севера керамику в районе Новосибирска [Троицкая Т. Н., 1973, 1979]. Стало очевидным, что одним из решений этнокультурной проблемы лесных районов Западной Сибири является дальнейшее углубленное исследование среднеобского региона, где протекал генезис фигурно-штамповой керамики в рамках кулайской культуры.

Впервые кулайские древности стали известными благодаря исследованиям И. М. Мягкова (1927, 1929). Им были опубликованы необычные бронзовые ажурные предметы с зоо- и антропоморфными изображениями и сопровождавшие их оружие, бронзовые «скифские» котлы, зеркала и круглые бляшки. Он же впервые занялся проблемами, связанными с загадочным бронзовым литьем: какого времени эти комплексы, какой культуре принадлежали, что означали. И. М. Мягков считал специфические находки из Нарымского края культовыми предметами, принесенными во II в. до н. э. — IV в. н. э. на священные жертвенные места населением культуры местного происхождения.

Позднее В. Н. Чернецов эту культуру назвал кулайской, датировав IV в. до н. э. — I в. н. э. Ее население отнес к самодийскому этносу [Чернецов В. Н., 1953, с. 228; 1971, с. 105].

В 50-е годы появляются новые материалы Кривошенского и Парабельского кладов. Р. А. Ураев, используя накопившиеся материалы по культовому литью, дал новую датировку культуре — начало н. э. — середина

I тыс. н. э. Территория определялась им в следующих границах: Васюган, Тым—Кемерово, Новосибирск, Енисей — верховья Васюгана. Принципиально по-новому он решал проблему происхождения культуры. По его мнению, она генетически связана с южносибирскими и алтайскими древностями и продолжала карасукские и тагарские традиции [Ураев Р. А., 1959]. Твердой точки зрения на этническую принадлежность кулайцев у Р. А. Ураева не сложилось: он связывал их с предками кетов, самодийцев [Ураев Р. А., 1956, 1959].

Отсутствие связи литья с другими культурно-определяющими комплексами и прежде всего с керамикой затрудняло разработку проблемы кулайской культуры. Находки с жертвенных мест часто содержали разновременный и разнокультурный сопровождающий материал. Специфика этих памятников предопределила их длительное существование. Поэтому необходимы были закрытые комплексы, содержавшие литье и керамику.

В 60-е годы значительное место исследованию хронологических проблем кулайской культуры уделяет М. Ф. Косарев (1964, 1969). Он первый предпринял удачную попытку связать с кулайским бронзовым литьем среднеобскую керамику с фигурно-штамповой орнаментацией, содержащей элемент уточку, известную к тому времени в Приобье по усть-полуйским, потчевашским и фомпским материалам. Его идею поддержали В. А. Могильников (1970), Л. М. Плетнева (1970) и автор. Однако отсутствие закрытых комплексов с однослойных памятников ослабляло позиции ученых.

В создавшейся ситуации даже появилось сомнение в существовании кулайской культуры вообще. В 1970 г. А. А. Каприелов выступил с докладом на урало-сибирской группе ИА АН СССР «Кулайская культура — миф или действительность?» В нем была развита также мысль о пересмотре хронологии кулайских древностей и датировке их временем раннего средневековья. Позднее это положение вошло в литературу [Каприелов А. А., 1974].

Дискуссии на западносибирских совещаниях по поводу генезиса и культурно-хронологической принадлежности фигурно-штамповой керамики в Западной Сибири показали, что кулайская проблема является далеко не частной, а узловой для региона. К этому времени уже

было ясно, что с кулайской культурой можно связывать два выделенных авторами типа керамики — васюганский и саровский. Степановские памятники на р. Васюгане дали, наконец, закрытые комплексы керамики, культового литья и кулайских стрел. В самой культуре наметилось два этапа [Чиндина Л. А., 1973, 1973 б]. По поводу этапов возникло другое мнение. Ю. Ф. Кирюшин высказал предположение, что это были не этапы, а две сменявшие друг друга культуры — кулайская с васюганским типом керамики и саровская [Кирюшин Ю. Ф., 1973]. Т. Н. Троицкая в Новосибирском Приобье раскопала два могильника — Каменный Мыс и Ордынское I, которые она вначале связала с культурой каменно-мысского типа, возникшей в результате смешения пришлого с севера населения с большебереченским [Троицкая Т. Н., 1973]. Позднее памятники были отнесены ею к кулайской культуре [Троицкая Т. Н., 1978].

В 1976 г. в г. Новосибирске был проведен специальный семинар, где обсуждались вопросы происхождения, хронологии и границ кулайской культуры, взаимоотношений ее с соседними районами². Большинство исследователей поддержали точку зрения автора о существовании в культуре двух этапов: раннекулайского с васюганским типом керамики — V—II вв. до н. э. и позднего — II в. до н. э.—V в. н. э., включавшего саровский тип [Чиндина Л. А., 1978]. Однако многое осталось неясным. По-прежнему обойдены были вопросы социально-экономического развития и этногенеза. В последующие годы к кулайской проблеме исследователи обращаются постоянно. Вышла в свет монография Т. Н. Троицкой «Кулайская культура в Новосибирском Приобье» (1979). В ней опубликованы и проанализированы ценнейшие источники по кулайской культуре в Новосибирском Приобье со времени прихода туда кулайцев в конце III в. до н. э., дана их поэтапная культурная характеристика. Это важное исследование в значительной мере систематизирует данные по культуре, по одному, сравнительно небольшого периферийного района.

В настоящее время накоплен обширный фактический и исследовательский материал из Среднего Приобья.

---

² См.: Ранний железный век Западной Сибири. Томск, 1978.

Однако обстоятельного, обобщающего исследования по кулайской культуре пока не появилось. Имеющиеся данные оказываются в хранилищах или разбросаны по отдельным статьям, в большинстве которых проблемам кулайской культуры внимание уделяется попутно либо исследования ученых касаются локальных районов. Все это не создает целостного представления о культуре, которая сыграла особую роль в истории формирования народов Среднего Приобья и их культур. Ее существование охватывает длительный период. За 1000 лет ее границы постоянно расширялись, временами достигая громадных размеров. Кулайские традиции наложили особый отпечаток на культуры занимаемых земель. Облик самой кулайской культуры от этапа к этапу менялся, однако не терял яркой самобытности, которая четко выделяла ее среди окружающих культур раннего железа.

Сложившаяся ситуация в истории исследования кулайской культуры определила цель данной работы — обобщить накопленный материал по культуре, проследить ход культурно-исторического процесса в Среднем Приобье в эпоху раннего железа. Для этого было необходимо провести всесторонний типологический анализ имеющегося материала, рассмотреть вопросы происхождения и социально-экономического развития кулайской культуры. В это время хорошо фиксируется широкое распространение кулайского населения в Приобье. Поэтому в книге уделяется особое внимание важной проблеме — миграции кулайцев, что явилось основой развития культуры вширь, чем был вызван этот активный процесс.

В работе обобщены материалы 185 памятников, находящиеся в различных хранилищах страны: в государственных музеях Эрмитажа, МАЭ, в краеведческих музеях Бийска, Колпашева, Новосибирска, Омска, Тобольска, Томска, Тюмени, а также в специализированных музеях и кабинетах ИИФФ СО АН СССР, Омского, Новосибирского пединститутов, Томского и Уральского университетов. Часть этих материалов опубликована или упоминается в литературе. К наиболее крупным публикациям следует отнести собственно Кулайку [Мягков И. М., 1927, 1929], Кривошеинский клад [Ураев Р. А., 1956], материалы из района Новосибирска

[Троицкая Т. Н., 1979]. Остальные источники даны исследователями фрагментарно, сжато, например, материалы Барсовского комплекса, сборы П. И. Кутафьева в Нарымском Приобье и др. Тем не менее все они широко используются в нашей работе в качестве аналогов, иллюстраций или основных показателей. Материалы 65 памятников привлекаются впервые. Это небольшие разведочные сборы Г. И. Гребневой, Н. М. Зинякова, Ю. Ф. Кирюшина, М. Ф. Косарева, Л. М. Плетневой, В. А. Посредникова, И. В. Рудковского, В. А. Рябцева, Н. В. Федоровой, Я. А. Яковлева и Л. А. Чиндиной. Используются случайные поступления от частных лиц в различные хранилища, например, Напасские находки, из с. Молодежного, Кижировские, Рыбинские с р. Кети и др.

В основу исследования были положены материалы памятников, раскопанных автором в Нарымском Приобье (поселения Малгет 5, 6, Степановка I, II, III, IV, V, Саровское, Сохта II, Кривошеинское и Степановское городища, Шаманский Мыс и др.). Для разработки некоторых историко-культурных вопросов полностью публикуются материалы Шеркалинского могильника. Комплекс бытовых, хозяйственных, военных, культовых источников, полученных в поселенческих и погребальных памятниках, позволяет на основе сравнительно-исторического метода достаточно полно и достоверно осветить историю развития кулайской культуры. Особое место среди источников занимает керамика. Как уже отмечалось, на ее основе было выделено два этапа в кулайской культуре. Дальнейшее исследование керамики позволяет выявить в васюганском и саровском типах хронологические и генетические группы, связать их с другими категориями и типами источников, тем самым преодолеть их многолетнюю несогласованность и вывести накопившиеся материалы по культуре из состояния инерции.

Впервые публикуются материалы с Парабельского культового места. Основная часть коллекции собрана в окрестностях с. Парабель, у д. Малые Бугры и передана в дар Колпашевскому краеведческому музею Парабельским райкомом КПСС [Фонды ККМ]. Позднее место было осмотрено Р. А. Ураевым и собран дополнительный материал, хранящийся в Томском краеведче-

ском музее (фонды ТОКМ). Частично привлечены материалы Тух-Сигатского и Тух-Эмторского комплексов из раскопок Ю. Ф. Кирюшина [Фонды МАЭС].

В изучении проблем кулайской культуры оказали большую помощь ихтиологические, остеологические, спектральные, металлографические и радиоуглеродные исследования кулайских материалов, проведенные А. Н. Гундризером, В. К. Вершинным, В. П. Данильченко, Н. М. Ермоловой, Н. Н. Ковалюхом, Н. Ф. Сергеевой, Ю. И. Паскалем, Е. Н. Черным.

Поскольку гипотеза о двух этапах развития кулайской культуры, выдвинутая автором десятилетие назад, уже утвердилась в литературе, в предлагаемой работе источники сразу даны с учетом этапов, снабжены максимальным картографированием и необходимым историко-культурным анализом. Названия этапов, известные как раннекулайский и позднекулайский, унифицируются с типами керамики и в дальнейшем звучат как васюганский и саровский.

ИСТОЧНИКИ ПО КУЛАЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

ПАМЯТНИКИ ВАСЮГАНСКОГО ЭТАПА

Кулайские археологические памятники васюганского этапа довольно разнообразны. Это были поселения, городища, могильники, жертвенные места (святилища), клады, случайные находки и местонахождения (рис. 1)³. Однако представлены они неодинаково как в количественном отношении, так и территориальном. Наиболее распространенный вид — поселения открытого типа: из 85 зарегистрированных нами раннекулайских памятников 37 относятся к поселениям. Значительная часть их не раскапывалась, с них поступали только сборы. Раскопки проводились на поселениях разных районов Среднего Приобья.

Однослойные поселения уже визуально дают представление о характере топографии и планировке памятника (Степановское I, II, III, IV, Нововасюганское, Кривошенинское и др.). Из многослойных памятников Васюганские поселения выделены по типологии керамики. Иногда ее удается связать с жилищными объектами, иногда нет (Тух-Сигат VII, Тух-Эмтор IV, Малгет 5, Книжирово, Басандайка, Саровка, Тенга и др.).

Пожалуй, самыми представительными являются поселенческие комплексы из Сургутского и Нарымского Приобья. Наиболее изучены в настоящее время Степановский и Барсовский комплексы. Поскольку последний опубликован незначительно, то возможности анализа поселенческой специфики данного источника крайне ограничены. Тем не менее сравнение топографических и планографических особенностей поселений разных райо-

---

³ В некоторых случаях, где вид памятника неизвестен, дается местонахождение.

нов кулайской культуры позволяет выяснить следующие закономерности.

Судя по современным географическим данным, большинство поселений возникало на берегах небольших рек недалеко от устья, в незатопляемых местах, поэтому могли функционировать круглый год (Степановские, Нововасюганское, Кондрашкинские, Кривошенское, Басандайские и др.). В ряде случаев поселения существовали в затопляемых местах, обычно в озерных районах (Маллет 5, Лемпичный Чвор). В таежных областях они располагались кучно, недалеко друг от друга, занимая побережье на сотни метров, а то па 2—3 км (Степановские, Барсовские, Тымские). Особенно наглядно это прослеживается на речках Лемпе и Водопойной (притоки р. Васюгана), Кондрашкиной Акке (приток Тыма), Утоплой (приток Оби) и др. (рис. 2). Количество жилищных западин на поселениях различное: от 2—3 (Максимкин Яр III, Горшечное, Кондрашкино V) до 10—15 (Кондрашкино IV, Степановское I, IV).

Городища васюганского типа были небольшими—400—1200 кв. м. Чаще всего занимали мысовые участки, хотя далеко не обязательно, но всегда на господствующей над окружающим пространством местности. Достоверно раннекулайских городищ известно не менее 17.

По особенностям искусственных укреплений их можно разделить на круговую, трехстороннюю и одностороннюю системы обвода (рис. 3, 1—4). В свою очередь по форме они были прямоугольные, дугообразные или подковообразные (Барсов городок I/10, 11, 12, 13, Степановское), овальные (Барсов городок III/1), прямоугольные (Богатырские Бугры). Валы и рвы городищ были 1,5—3,0 м шириной, высота вала — 0,6—0,9 м, глубина рва — 0,6—0,8 м. За укреплениями обычно находилось 2—15 западин. Более подробные данные об особенностях городищ можно получить из анализа почти полностью раскопанного Степановского городища на Васюгане (рис. 4). Городище занимало 6—7-метровый мыс у излучины р. Лемпы, левого притока Васюгана, в полутора километрах от ее устья, и было обнесено подковообразной системой укреплений. Внутри находились три жилищные западины с дополнительной обваловкой вокруг каждой. До постройки место выжигалось. Осно-

ванне и стенки будущего вала укреплялись деревянной ситемой в виде сложного каркаса из вертикальных столбов и горизонтальных мелких бревен, выложенных на дне (под валом) клетью. Крепида вала сооружалась с внутренней стороны городища и с внешней. Эти особенности четко прослеживались по остаткам деревянных конструкций под валом и вертикальным срезам валов. В настоящее время вал сильно оплыл (его высота не более 70 см). Однако учитывая высоту и количество сброса при разрушении, насыпь в свое время была 100—120 см высотой и 200 см шириной. Сверху насыпи существовали еще какие-то деревянные сооружения (забор, частокол?), остатки которых соскользнули под внешний откос и были погребены под оползавшей насыпью (разрез северной стенки траншеи). Если учесть, что глубина рва при сооружении была 80—100 см, то Степановское городище представится достаточно мощной крепостью.

Жилища как на поселениях, так и на городищах были однотипны, поэтому рассмотрены будут в совокупности (табл. 1). Они полуназемного типа. Заглублялись в землю не более 70 см. Котлован рыли до плотных материковых слоев, глубоко в них не входя (в среднем 20 см), по-видимому, до уровня промерзания грунта, чтобы пол был теплым. В большинстве случаев котлованы приближались к квадратным или прямоугольным формам площадью от 8 до 50 кв. м. Однако необходимо отметить, что безусловная правильность контуров названных форм встречалась редко (Степановка II, Тух-Сигат VII, Барсов городок I/2). Чаще из-за плохой сохранности стен в слабых песчаных грунтах при малой заглубленности контуры искажались, приобретая вид трапеции, ромба, иногда овала. Трудности имеются в определении конструктивного вида и типа жилищ. В ряде случаев сохранились столбовые ямки, позволяющие говорить о каркасном строении и хотя бы приблизительно реконструировать его. В жилищах Степановского и Барсовского 1/2 городищ [Чемакин Ю. П., Сосновкин И. Н., 1979, рис. 1] столбовые ямы располагались внутри котлована, значительно отступая от стен. Они фиксировали остатки основной несущей конструкции. Четыре вертикальных столба закреплялись сверху рамой или сопряжены попарно. На них опирались кося

поставленные боковые и угловые прогоны для шатрового покрытия берестой, корой, мелкими жердями. Другой тип каркасных жилищ восстановлен Т. Н. Тронцкой (1979, табл. VI, 3а) на Дубровинском Борке 4. Несущие конструкции примыкали плотно к стенам котлована. Стены, по-видимому, забирались бревнами в паз опорных столбов и выводились на необходимую высоту над котлованом вертикально. В Нарымском Приобье такой тип жилищ встречается на Степановских поселениях I, II, IV, Тух-Сигате VII.

Для обоих типов жилищ характерна последующая после постройки присыпка стен землей. Сохранившиеся до сих пор вокруг жилищных западин обваловки (остатки завалинок и осыпавшихся стен) и ямы для взятия грунта подтверждают эту мысль уже при визуальном осмотре. Раскопки дают стратиграфические доказательства, например, на Степановском городище (рис. 4).

В ряде случаев удалось обнаружить в жилищах широкие коридорообразные выходы размерами от 70×60 см до 300×120 см (поселения Степановка I, II, IV, городище Дубровинский Борок 4, Барсов городок 1/11).

Очаг в жилищах, как правило, был один, хотя есть и исключения (на городище Барсова Гора 1/2 в жилищах 1 и 2 по два-три очага). Он располагался в центре или ближе к выходу. Судя по незначительным остаткам от столбиков и четкости контуров, вокруг кострища сооружался прямоугольный сруб или каркас высотой 30—40 см. Удивительно стандартна стратиграфия и состав очагов на всей территории культуры. В верхних слоях они заполнены бурой с углистой примесью супесью, затем — углисто-золистые слои и ниже провал. В очагах большое количество жженных, дробленых, растрескавшихся костей животных и керамики. Здесь же найдены выплески бронзы, нелее и в обломках тигли.

В некоторых случаях рядом с очагом находились ямы, где сосредоточивались скопления сырых костей животных (СП-I, ж. 4; СП-II, ж. 2; СП-III, ж. 1; Дубровинский Борок 4).

Что касается распределения находок в котлованах, то они, как правило, тяготели к очагам. Это скопления керамики, предметы труда, быта, культа. Иногда скопления керамики концентрировались у стен или в углах жилищ.

Таблица 1

Характеристика жилищ васюганского этапа

Памятник	№ жилища	Форма	Размер	Глубина	Выход	Очаг				Столбовая система					
		круглая овальная прямоугольная квадратная	см	от дневной поверхности в материк, см		размер, см	ориентация количество в центре у стены прямоугольный	овальный круглый	размер, см	количество по периметру внутри камеры в центре	яма у очага обваловка жилища				
1	2	3	4	5	6	7		8		9	10				
Степановское городище	1	+	315×270	40	16	110×80	ЮВ	1	+	+	100×60		+		
	2	+	400×314	60	20		ЮЗ	1	+	+	180×70		+		
	3	?	? 400×380	55	17			1	+	+	130×80	3	+	+	
Степановка I	1	+	370×340	90	30	140×90	В	1	+	+	100×90				
	2	+	360×300	60	30	300×150	Ю					4	+	+	
	4	+	480×500	40	—		ЮЗ	1	+	+	180×100	8	+	+	
Степановка II	3	+	300×260	58	25— 30	70×60	СЗ	1	+	+	80×50	—		+	+
	6	+	400×340	30	15			3	1	+	90×50			+	
	7	+	420×300	70	35				1	+	+	120×220			+
	9		280×220	40	20		СЗ	1	+	+	170×90	2	1	1	+

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
Степановка III	1		+	370×360	50 30	90×55	СЗ	1 +	+	160×120	+ ?
Степановка IV	1		+	440×320	60 40	160×85	ЮЗ	1 +	+	160×80	+
	8		+	320×320	55 20	70×60	В	1 +	+	100×100	+
	9			640×700	50 30	160×120	ЮВ	1 +	+	80×60	+
Барсова Гора 1/12	1		+	700×650	40 15		В	1 +	+	200×160	?
Барсова Гора 1/2	1		+	900×900	25 ? —40		?	2 +	+	260×120 210×160	около очага ? +
	2		+	800×600	50 ?		?	2 ? ?	+	130×100	?
	3		+	850×600	30 ?		?	1 +	+	190×130 240×150	?
Барсова Гора 1/10	1			700×600	70 ?		?	1 +	+	310×310	? +

Примечание. + — есть; ? — неизвестно; пустая клетка — нет.

Могильники. В раннекулайское время их известно два на южной периферии—Новочекино 2 (IV—III вв. до н. э.) и Каменный Мыс (III—II вв. до н. э.).

Т. Н. Троицкой на могильнике Каменный Мыс раскопано 8 курганов и вскрыто 72 погребения [Троицкая Т. Н., 1979]. Основные черты обряда сводятся к следующему. Умерших хоронили в неглубоких могилах (от 10 до 80 см) вытянуто на спине, с преобладающей ССВ ориентацией, обернутых в бересту, надмогильные сооружения в виде срубов и настилов засыпались землей. В результате длительного периода последующих погребений в одном месте возникали курганы. Вероятно существование отдельных кладбищ для детей. Погребальный обряд сопровождался жертвоприношением животных (барана, собаки, коня, птиц). Т. Н. Троицкая (1979, с. 9) подчеркивает значительное влияние на погребальный обряд пришлых кулайцев местных больше-реченских традиций, относя к последним бревенчатые накаты-перекрытия в могилах и повторность захоронений с последующей присыпкой насыпей курганов.

Вопрос о культурной принадлежности курганного могильника Новочекино 2 спорный. Авторы раскопок В. И. Молодин и Н. В. Полосьмак в северной Барабе выделяют особую культуру новочекинского типа [Молодин В. И., 1983, с. 23—24] или кыштовскую [Полосьмак Н. В., 1982], подчеркивая специфику керамики, продолжавшую гребенчато-ямочные традиции в орнаментации посуды, отличающейся от кулайской и усть-полуйской керамики. Погребальный обряд, по их мнению, отличается от кулайского отсутствием бревенчатого наката и берестяного перекрытия [Полосьмак Н. В., Молодин В. И., 1981, с. 85]. Заметим еще раз, что Т. Н. Троицкая перекрытия на могилах Каменного Мыса считает не кулайской, а больше-реченской чертой. Тем самым, казалось бы, спорные признаки не могут влиять на кулайскую принадлежность Новочекино 2. Однако окончательный вывод на этот счет считаем преждевременным. Незначительность публикаций по Новочекинскому могильнику не дает возможности для более глубокого сравнительного анализа погребальных обрядов этих двух могильников. Главная же сложность заключается в отсутствии погребальных комплексов из Нарымского

Приобья, в связи с чем пет четкого представления о кулайском обряде.

В сложившейся ситуации решающую роль играет керамика. В. М. Молодин и Н. В. Полосьмак в свое время подчеркивали специфику новочеккинской керамики по сравнению с каменномысской. В орнаментации продолжались гребенчато-ямочные традиции эпохи бронзы, и сосуды «не имеют ничего общего ни с кулайской керамикой ни с усть-полуйской» [Полосьмак Н. В., Молодин В. И., 1981, с. 85]. Исследования керамики Нарынского Приобья, как увидим в дальнейшем, показали единство развития орнаментов Васюганья и Тары. Повочеккинская керамика отражала начальные этапы формирования кулайской культуры, когда еще не сложилось фигурно-штамповое направление. Однако это специфика не культурного, а хронологического плана, поэтому авторам не удалось найти прямых аналогий ни с керамикой более позднего могильника Каменный Мыс, ни тем более с Усть-Полуем.

Культовые места можно считать ярчайшими культурно-определяющими памятниками кулайской культуры за самобытность и чрезвычайно обширную информативность вещей — зоо-, антропоморфных изображений, оружия, круглых блях и зеркал, собранных на ограниченных площадях большими скоплениями. Первоначально в литературу они вошли под термином «клады». Своеобразие состава находок уже на ранней поре их изучения заставило исследователей сомневаться в назначении данных памятников как кладов, т. е. скрытых, спрятанных материальных ценностей (А. А. Спицин, И. М. Мягков, А. Ермолаев, В. Н. Чернецов). Духовное назначение большинства находящихся в «кладах» вещей предопределило их суть как остатков древних святилищ [Чернецов В. П., 1971, с. 80].

Точное число культовых мест в Среднем Приобье в кулайское время установить даже по имеющимся данным трудно, так как большая часть коллекций получена от случайных лиц и могла представлять случайные сборы. Трудно, например, определить, с одного ли места собраны коллекции Л. Н. Зинченко па рр. Бундюр, Нюрсе, Парабелли, они приобретены им в разное время у местного населения. В ряде случаев сведения о появлении коллекций настолько скудны (Пиковский клад),

что тоже не дают четкого представления о характере памятника⁴.

Из этнографии известно, что культовые места различались. Они могли быть местом хранения культовых предметов (домашних духов, вместилищем души умерших и т. п.) в доме, в семье, но могли быть и местами поклонения больших общественных групп. По-видимому, эта особенность фиксируется и археологически. Часть кладов найдена на крупных специальных святилищах, таких как Кулайское, Кривошенское, Бакчарское, Истяцкое, Мурлинское, Парабельское. Находки небольших скоплений, отдельных культовых предметов на поселениях, в жилищах свидетельствуют о наличии домашних культовых хранилищ (Степановка I, Степановское городище, Тимирязевское I, Барсов городок III/6).

Петроглифы. Наскальные изображения, которые можно связать с кулайской культурой, известны на Писаных Камнях р. Томи. Однако в ходе изучения исследователи к кулайскому комплексу относили различные стилистические группы.

Впервые изображения Томской писаницы с кулайской культурой связал В. Н. Чернецов (1971). Он считал, что томские изображения резко отличаются от ангарских и уральских сильной стилизацией и гипертрофическим подчеркиванием характерных черт животных. «Головы лосей вытянуты, морды неестественно раздуты и выгнуты. Задняя часть непропорционально мала по сравнению с передней. Все эти стилистические особенности хорошо известны по зооморфным поделкам ажурного литья кулайской культуры» [Чернецов В. Н., 1971, с. 105]. Во время своих исследований В. Н. Чернецов располагал фрагментарной информацией по Томским писаницам, по-видимому, поэтому им были объединены в единую кулайскую группу как изображения раннего железа, так и позднего неолита с Камней III и V.

Позднее А. П. Окладников и А. И. Мартынов (1972) полностью опубликовали материалы Томской, Новоромановской и Тутальской писаниц и выделили на них несколько хронологических групп изображений. К позд-

---

⁴ Там, где назначение памятника не выяснено, оставлено прежнее определение — «клад» или «находка».

нейшим рисункам авторы отнесли в основном расположенные на Новоромановских Писаных Камнях. Их особенностью является «грубое членение всего тела животного на части с помощью толстых линий. Это как будто размазанные рисунки лосей, нарочито уродливые с безобразно вытянутыми мордами, схематичными толстыми ногами, удивительно схожи с широко известными в лесной части Западной Сибири предметами художественного литья кулайской культуры». Авторы рассматривают кулайские ажурные бляшки и небольшую группу схожих с ними томских наскальных изображений как произведения одной культуры, сложившейся в конце I тыс. до н. э. [Окладников А. П., Мартынов А. П., 1972, с. 242].

Кроме новоромановских изображений к кулайским можно отнести рисунки № 67, 88, 123, 124, 148, возможно, 202 с Камней V, VI, VII Томской писаницы.

К васюганскому этапу петроглифы отнесены до некоторой степени условно. Их стилистические черты соответствуют ажурным кулайским изображениям, но возникнуть рисунки могли как в конце васюганского этапа, так и позднее, подобно тому как и сами ажурные изображения еще долго сосуществовали с новыми типами литья уже саровского этапа.

ИНВЕНТАРЬ ПАМЯТНИКОВ ВАСЮГАНСКОГО ЭТАПА

Вещественный материал раннекулайских памятников Среднего Приобья состоит из орудий труда и предметов быта, украшений, оружия, зоо- и антропоморфных изображений. Собран на поселениях, могильниках, культовых местах. Значительную часть материалов составляют случайные находки. К числу массовых категорий вещей относятся керамика, наконечники стрел, кельты, культовые изделия. Другие предметы встречаются, как правило, единично.

В основу общей классификации положены категории вещей материал, форма. Внутри категорий подразделение ведется по разделам, видам, типам. Типом того или иного вида предметов является исторически сложившаяся совокупность характерных устойчивых признаков.

Внутри типов, в свою очередь, могут выделяться особые группы и варианты изделий.

Часть кулайских материалов опубликована и подвергалась классификации. В тех случаях, когда новые данные не нарушают уже известных классификационных схем или материал по-прежнему остается единственным, автор ограничивается перечислением и хронологией предметов со ссылкой на литературу или источник.

Орудия труда и предметы быта

В данную категорию выделены ножи, топоры-тесла, предметы литейного производства (тигли, литейные формы и шишки), посуда, песты и терочницы, точила, пряслица.

Ножи изготовлялись из бронзы и железа. Известно четыре бронзовых ножа (из Степановского I поселения и с Барсовой Горы I/12 и III/4). Все они с цельнолитой рукоятью. По форме лезвия и деталей рукояти выделено две группы.

1. а. Нож с городища БГ I/12 пластинчатый с выгнутой спинкой, прямым лезвием и слабо выделенной короткой рукоятью с отверстием на конце (рис. 7, 7). Это архаичная форма, восходящая к эпохе бронзы. Ю. П. Чемякин по аналогии с большереченским датирует нож VII—VI вв. до н. э. [Чемякин Ю. П., 1979, с. 140, рис. 3, 3].

б. Ножи с поселения БГ III/4 с прямой спинкой без выделенной рукояти, датируются VII—V вв. до н. э. [Елькина М. В., 1977, с. 114].

2. Два ножа со Степановского I поселения с выгнутой спинкой, прямым лезвием с чуть заметным уступом и длинной рукоятью. На лезвии одного из ножей вдоль спинки нанесен орнамент крупным треугольным штампом, расположенным в шахматном порядке (рис. 7, 5). Несмотря на местное, судя по декору, производство, ножи имеют типологическое сходство с ножами лесостепной большереченской и тагарской культур тисульского этапа V—IV вв. до н. э. [Комарова И. Н., 1952; Грязнов М. П., 1968; Мартынов А. И., 1979, табл. 34, с. 77].

Железные ножи (18 шт.) известны гораздо шире — из могильника Каменный Мыс, поселений Тух-Эмтор IV,

Тимирязевского I, городищ Степановского и Шаманский Мыс. Все они небольших размеров (5—10 см с рукоятью). Делятся на ножи с прямой спинкой и четко выраженным черенком (рис. 7, 9, 10) и с вогнутой спинкой и закругленным лезвием (рис. 7, 11, 12).

Топоры-тесла изготовлялись из бронзы и железа. Наиболее массовые бронзовые кельты (27 шт.). По известной классификации В. Н. Чернецова относятся ко второй, третьей и четвертой группам западносибирских кельтов. Все кельты шестигранные в сечении. Средняя грань расширяется к слегка закругленному короткому лезвию. Кельты имеют внутреннюю перегородку, отличаются пропорциями, декором, наличием или отсутствием «пещерки» (отверстие на средней грани для закрепления сердечника).

I тип. Широкие укороченные кельты без пещерок. 3 экз. Различаются декором.

На двух кельтах из поселения Тух-Эмтор IV и с Молодежного [Кирюшин Ю. Ф., 1975н, табл. 13, 1; Фонды МАЭС] кроме рельефных гребней между гранями никаких декоративных деталей нет (рис. 8, 1, 3).

Третий кельт из городища Набегн [ККМ, № 240] орнаментирован на средних гранях (рис. 8, 4). С одной стороны изображен двухрядными рельефными линиями треугольный шеврон. На другой стороне посередине три вертикальные рельефные линии, расходящиеся у борта втулки треугольником.

Единичность находок данного типа кельтов не означает их малую распространенность на территории кулайской культуры. Из Васюганья известны остатки глиняных форм идентичных кельтов — с городища Шаманский Мыс и поселения Тух-Сигат VII. Ю. Ф. Кирюшин и А. М. Малолетко отнесли эти вещи из многослойных памятников, где есть комплекс васюганской керамики, к эпохе бронзы [Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М., 1972, с. 55—57, 64—66]. Однако данный тип кельтов не известен в памятниках эпохи бронзы. Прежде всего не соответствуют пропорции — в эпоху бронзы кельты, даже с обедненным орнаментом, уже и длиннее. Кроме того, перегородчатость — явление, присущее уже эпохе раннего железа.

В. Н. Чернецов подобные кельты включал по классификации во вторую и третью группы западносибирских

кельтов и датировал их VII—VI вв. до н. э. [Чернецов В. И., 1974, с. 71]. Кельты соседней зауральской иткульской культуры также найдены в комплексах VI—IV вв. до н. э. [Бельтикова Г. В., 1977, с. 132]. Исследования последних лет в Приуралье позволили уточнить датировку раннеананьинских кельтов, которые служили аналогами при датировке западносибирских и иткульских кельтов: хронологические границы их определены VI—V вв. до н. э. [Патрушев В. С., Халиков А. Х., 1966, с. 94; Патрушев В. С., 1975; Халиков А. Х., 1977, с. 119—123].

II тип. Известно 27 экземпляров кельтов, обнаруженных в могильниках (Новочекино 2, Каменный Мыс), городищах (Степановское, Дубровинский Борок) и случайные находки. Они зауженных удлиненных пропорций с пещеркой на одной средней грани. По декоративным особенностям делятся на две группы.

1-я группа. Кельты с двухъярусным орнаментом на средней грани. Верхняя грань состояла из трех вертикальных рельефных лент из волнистых, прямолнейных, «лестничных» и меандровых композиций. Она отделена горизонтальным орнаментированным поясом от нижнего яруса — пары вертикально спускающихся лент-«усов» (рис. 8, 5, 6).

2-я группа. Кельты с одноярусным орнаментом на средних гранях. Обычно это была прямоугольная заставка из рельефных меандровых композиций (рис. 8, 8, 9).

В. И. Чернецов, впервые обративший внимание на внутритиповые особенности этих кельтов, обе группы (у него 3-я и 4-я группы) считал хронологически различными. Третья отнесена им к VII—IV вв. до н. э., четвертая — к IV в. до н. э. [Чернецов В. И., 1947, с. 65, 75]. Т. Н. Троицкая, поддерживая точку зрения о хронологической последовательности групп, считает, что кельты, объединенные нами в первую группу, появляются значительно позднее — в последней трети I тыс. до н. э. [Троицкая Т. Н., 1979, с. 11]. Ее мнение разделяют Н. В. Полосьмак и В. И. Молодин [1981, с. 84]. Не противоречит новой датировке и находка глиняной модели со Степановского городища, весь комплекс материалов которого укладывается в IV—III вв. до н. э. [Чиндина Л. А., 1973, 1982]. Следует только указать, что, по-

видимому, кельты первой группы существовали весь IV в. до н. э., а не только в конце его. На Степановском IV поселении найдена одна половина литейной шишки для перегородчатой втулки кельта (рис. 8, 10).

Вторая группа кельтов («тобольские») более поздняя, в комплексах Новосибирского Приобья они появляются не ранее II в. до н. э. [Троицкая Т. Н., 1974, с. 48]. Известны они из потчевашских курганов [Мошинская В. И., 1953]. Характерны для второго этапа кулайской культуры.

Железные топоры-тесла известны в конце васюганского этапа только в комплексах Каменного Мыса. Они с сильно расширенной округлой втулкой и коротким лезвием [Троицкая Т. Н., 1979, табл. VIII, 25, 27].

Функциональное использование кельтов было универсальным. Судя по профилю, они были симметричные и асимметричные в разрезе. Первые могли служить топорами, теслами, мотыгами, вторые ограничены в применении — тесло или мотыга. Асимметричность клина для топора малопригодна, так как дает косой (скользящий) удар. Топор — орудие целевого назначения — для рубки, раскалывания. Принцип его работы — вертикальный удар. Условие работы — при раскалывании соответствующих тел на топор оказывается почти одинаковое сопротивление с двух направлений. Поэтому топору придается форма симметричного в профиле клина. При откалывании частей от общей массы тела более удобен полуклин, а не клин, поэтому теслам, мотыгам придается асимметричная форма [Никишин И. И., 1947]. Однако приведенные соображения полностью не решают вопроса о функциональном назначении, так как нам ничего не известно о рукоятках: как крепилась рукоять, какой она была формы. От особенности крепления рукояти, ее формы, веса зависело назначение ручного орудия и его КПД [Горячкин В., 1925; Патрушев В. С., 1971].

Неоднозначно решается вопрос об использовании кельтов как рабочих или боевых топоров. Т. Н. Троицкая относит их к оружию (1974, 1979). Мы разделяем точку зрения большинства исследователей, считающих кельты прежде всего топорами. Как оружие они использовались в крайних случаях.

Предметы, связанные с литейным производством, составляют значительный процент находок при раскопках раннекулайских памятников. Однако далеко не все они могут быть включены в классификацию. Это прежде всего отходы литейного производства, многочисленные капли или бесформенные куски застывшей бронзы, ошлаковки, шлаки, куски глиняной обмазки, обломки бронзовых котлов, служившие сырьем для литья.

Тигли — глиняные сосуды для плавки металла. Известны в большинстве раннекулайских поселений. Точное количество дать невозможно, так как большая часть материалов не опубликована (во всяком случае количественный состав вещей). Из сборов на Шаманском Мысу, Богатырских буграх, Кривошенинском, Кижировском поселениях и Степановских памятниках сейчас известно не менее 35 экземпляров. Тигли различаются размерами и формой. По форме дна делятся на две группы: круглодонные и плоскодонные. Большая часть тиглей круглодонные. По контуру устья делятся на три варианта.

1. а Чашевидные, т. е. с круглым контуром устья, с дугообразным или прямоугольным литником на венчике (рис. 9, 1). Известны в Барсовом комплексе, Кижирове [Плетнева Л. М., 1977, рис. 2, 6].

б. Ладьевидные с овальным устьем, с дугообразным или прямоугольным литником в торце венчика (рис. 9, 3, 4).

в. Ладьевидные с яйцевидным устьем, литник дугообразный (рис. 9, 5, 6). Последние два варианта найдены во многих памятниках Нарымского и Сургутского Приобья. В ряде случаев край венчика или стенки тиглей орнаментированы (СП-II, СП-IV).

Плоскодонные делятся на два варианта по контуру устья.

2. а. Овальные устья, толстые отвесные стенки снаружи и овально-обтекаемые внутри (рис. 9, 7). Дугообразный литок в торцевой стенке.

б. Яйцевидное устье, стенки слегка изогнуты, литок дугообразный в вытянутой торцевой стенке (рис. 9, 8). Известны с Барсовой Горы [Елькина М. В., 1977, рис. 5, 7, 7, 5], Шаманского Мыса и Кривошенинского поселения.

Почти все тигли были в употреблении: па них сохранились остатки ошлаковки и бронзовых капель, трещины и оплавленность краев от сильного термического воздействия. Тигли имели универсальную рабочую нагрузку — были сосудами для расплавки металла, ковшами для разлива его по формам, а иногда изложницами.

Специальных разливных ковшей-лячек было мало. Есть обломок ручки со Степановского II поселения и целая льячка из Кижировского [Плетнева Л. М., 1977, рис. 2, 7]. Последняя небольшого размера в форме круглодонного ковшика с литником-носиком в боковой стенке (рис. 9, 10, 11).

Значительно чаще встречались глиняные формы различных вещей: стрел, клевца, кельта, украшений. Формы были односторонние, двусторчатые, трехсторончатые, снабженные литниками для заливки металла, фиксаторами для неподвижности створок. Обычной находкой были и обломки, изредка целые, глиняные литейные шпички различных форм.

В закрытых комплексах довольно часто предметы литейного производства лежали скученно в одном месте. Например, тигли, вставленные один в другой, тигли и обломки металла в жилище 4 Степановского IV поселения.

С литейным производством следует связать обломки глиняного кирпичика со Степановского IV поселения со следами термической обработки (рис. 9, 12). Подобные кирпичики известны с Шайтанского городища, где они служили для устройства очага [Косарев М. Ф., 1981, с. 198].

Универсальную группу орудий составляли лошिला из битой посуды. Ими пользовались в качестве наждака при обработке литейных швов, удалений заусениц с металлических изделий и заглаживания керамики.

К числу массовых изделий васюганского этапа следует отнести пряслица. Большое количество пряслиц из глины, камня известны в Каменном Мысу, на городищах Кижирово и Киреевском III. Они были дисковидные, чаще всего каменные, большие в диаметре, по толщине (7×0,7 см), обычно с орнаментом. Узоры, несмотря на индивидуальность, содержат одинаковый набор элементов (ломаные и прямые, зубчатые линии, штрихованные и чистые треугольники, уточки). В композиции

общее направление наблюдалось в распространенности каймы в виде концентрических кругов и взаимопроницающих треугольников и радиально расходящихся «лучей» из прямых зубчатых линий и рядов уточек. Последняя наносилась и по окружности (рис. 10, 12).

Цилиндрические пряслица, обычно глиняные и костяные, иногда каменные, размером: $d=3-5$ см, высота — 1,5—2,0 см. Они были не орнаментированы (рис. 10, 11)—Киреевское III городище и орнаментированы ямками, линиями [Троицкая Т. Н., 1979, табл XVI, рис. 6, 7, 8].

В хозяйстве широко использовались каменные изделия: терки и песты, топоры-молоты, отбойники шлифовальные и точильные камни (рис. 10, 3—7). Терки в виде плоских галек с небольшими углублениями, песты из удлиненных галек, иногда подправленных шлифовкой (Степановское IV поселение, Каменный Мыс).

Украшения

Среди украшений наиболее распространены стеклянные и бронзовые бусы. Стеклянные и пастовые найдены в основном в могильнике Каменный Мыс, подробно описаны и датированы Т. А. Троицкой (1979, с. 13—14). В поселениях они встречаются редко (например, единичные находки на Степановском городище). Эти украшения, как уже известно, кулайцами не изготавливались, а привозились ими из разных мест. Бронзовые бусы и пронизки, наоборот, отливали на месте, о чем свидетельствует находка глиняной формы из Книжирова [Плетнева Л. М., 1977, рис. 1, 3, 4].

В конце васюганского этапа появляются бронзовые бляхи-пронизки (Каменный Мыс, Книжирова) с меандровым орнаментом (рис. 10, 9, 10).

Другие бронзовые украшения в хронологическом и художественном отношении маловыразительны и в литературе были подробно освещены [Троицкая Т. Н., 1979, с. 12—15].

Кулайцами применялись и керамические украшения в виде плоских подтреугольных подвесок с орнаментом (рис. 10, 1) и пронизок калачевидной и каплевидной форм (рис. 10, 2, 3).

Оружие

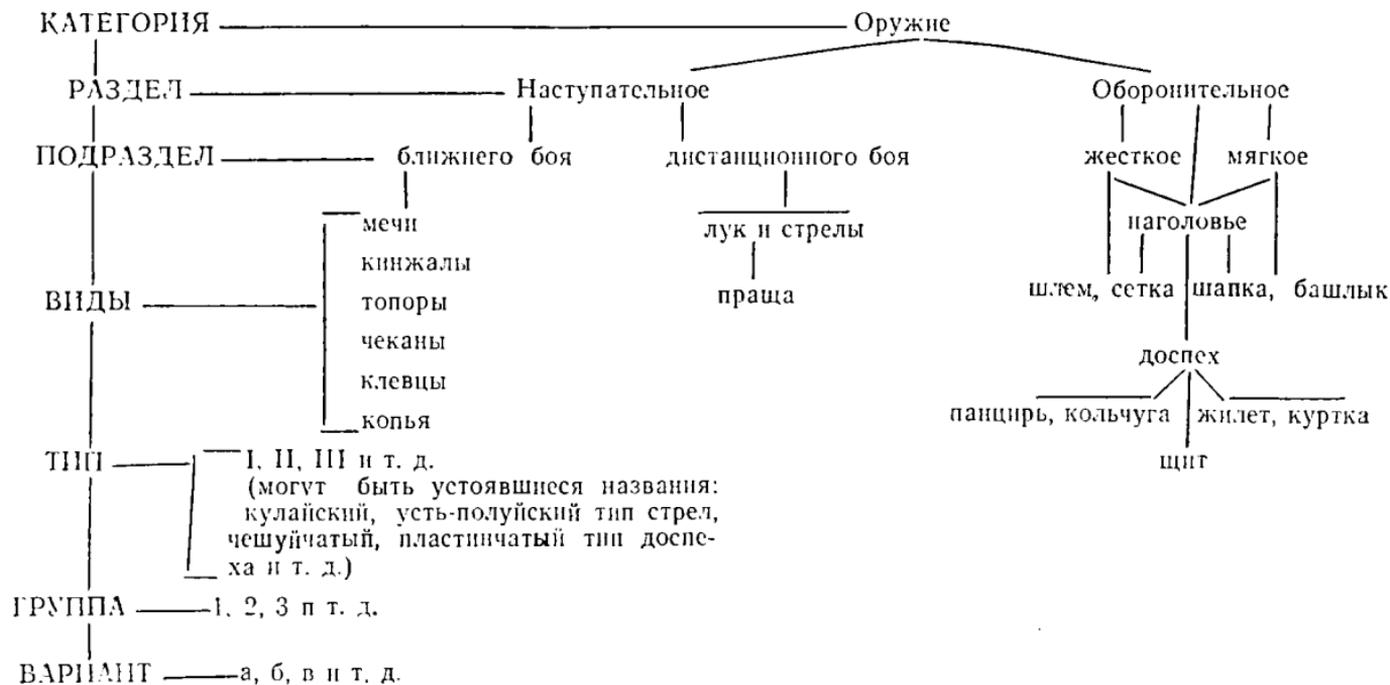
В сложной системе подразделений оружия (табл. 2) для кулайского времени можно выделить: категории — по назначению оружия, разделы — по тактическим свойствам, виды — по особенностям поражающих или защитных свойств, группы и варианты — по формальным признакам деталей оружия, устойчивое сочетание которых составляет тип.

Наступательное оружие дистанционного и ближнего боя

Основным оружием дистанционного боя у кулайцев были лук и стрелы. Стрелы изготовлялись из бронзы и кости. Все бронзовые наконечники относятся к сводчатым трехлопастным, втульчатым. По способу сопряжения с древком, конструкции втулки наконечники объединены в две группы. По строению боевой головки (формы лопастей, острия) в них выделяются варианты. Удалось ознакомиться по публикациям и коллекциям с 94 экземплярами. Точное количество известных сейчас наконечников дать, к сожалению, невозможно, так как значительная часть их не опубликована или в публикациях нет количественных данных, в некоторых старых коллекциях часть вещей утрачена, в том числе и наконечники стрел.

Первая группа. а. Наконечники стрел трехлопастные, втульчатые длиной 5—6,5 см. Втулка выступающая, головка меньшая (3—4 см), лопасти в верхней части сильно сужаются, в нижней расширяются, иногда образуя жальца. Втулка массивная, длинная (рис. 12, 1, 2, 3). Известно их мало: на поселениях Барсовского комплекса, Тух-Эмтор IV и Нововасюганском. В последнем найдены обломки трехстворчатых форм для наконечников [Кирюшин Ю. Ф., 1976, табл. 2, рис. 17, 20]. Ближайшими аналогиями являются наконечники группы II/36 из Степановского культового места около Томска [Плетнева Л. М., 1977, с. 71, рис. 24]. Подобные наконечники широко распространены в VI—IV вв. до н. э. на огромной территории сакского и сарматского мира и в комплексах ананьинской культуры.

Классификационная схема оружия

Примечание. По данной схеме не все подразделы и виды сохранились в кулайских материалах. Мягкий оборонительный доспех, праща, щиты внесены условно.

б. Трехлопастные, втульчатые наконечники длиной 7—10 см с выступающей втулкой. Отличаются от предыдущего варианта вытянутостью пропорций, более крупными размерами боевой головки и малым размером втулки. Лопастни по внешнему скосу прямо или ярусом сужаются от основания к вершине. Длинные жальца нависают над втулкой (рис. 12, 4, 5). Известны в Кулайке [Мягков П. М., 1929, табл. III, 10] и Каменном Мысу [Тронцкая Т. Н., 1979, табл. IX, рис. 14—15].

Вторая группа кулайских наконечников характеризуется крупными размерами (8—10 см), трехлопастностью, втульчатостью, но втулка скрытая. Самая многочисленная. Является классическим типом кулайских ракетаобразных стрел. Выделено два варианта.

в. Трехлопастные, со скрытой втулкой. По пропорциям делятся на узкие и расширенные. Скос лопастей — ярусный, причем конец сильно заужен, с одинаковыми или асимметричными жальцами (рис. 12, 6—11). Самый массовый вариант наконечников. Известны в поселениях Степановское I, Барсова Гора III/6, Тимирязевское I, Степановском городище и в культовых местах (Кулайское, Парабельское).

г. Трехлопастные со скрытой втулкой, зауженных пропорций, с прямым скосом лопастей, плавно сужающихся к вершине, с длинными одинаковыми или асимметричными жальцами (рис. 12, 12, 13, 14).

Вопрос о датировке кулайских стрел обсуждается давно. Трудности хронологического анализа объясняются двумя моментами. Кулайские стрелы представляют особый тип, характеризуются ярко выраженной спецификой, индивидуальностью (формы, размеры), что резко ограничивает возможности свободно оперировать сравнительным методом. Точных аналогов кулайским наконечникам нет. В связи с этим возрастает роль комплексного подхода в сопоставлении материалов. Здесь исследователи сталкиваются с другой трудностью: кулайские стрелы встречаются в разновременных комплексах, к тому же диапазон существования сопутствующих типов вещей широк. Да и комплексы эти немногочисленны и еще нуждаются в уточнении датировок. Тем не менее исследования последних лет внесли некоторую ясность в данный вопрос.

Выделенные группы и варианты кулайских стрел хотя и функционировали длительный срок и определенное время сосуществовали, тем не менее возникли и формировались на разных этапах.

Группа 1.а относится к наиболее ранним типам наконечников стрел. Именно эти стрелы обнаруживают большое сходство с известными типами апашинских [Збруева А. В., 1952, табл. IV, 3], сакских и савроматских наконечников [Акишев К. А., Кушаев Г. А., 1963, с. 117; Смирнов К. Ф., 1964], относящихся к VI—IV вв. до н. э. В кулайских комплексах они обнаружены с кельтами VI—V вв. до н. э. из Тух-Эмтора IV и ранним типом керамики этого и Нововасюганского поселений. Существование этой керамики длилось не дольше V в. до н. э.

Позднее эти стрелы почти полностью сменили классические кулайские наконечники вариантов б, в, г. Начиная с IV в. до н. э. они встречаются в комплексах с ножами и кельтами местных типов и скифо-сарматскими стрелами (могильники Новоческино 2, Каменный Мыс, Степановские городище и поселение I). Очень убедительной хронологической привязкой может служить находка базисного наконечника стрелы в позвоночнике одного умершего в групповом погребении кургана I из Новоческино 2 [Молодин В. П., Полосьмак Н. В., 1981, рис. 4]. В этом же погребении лежали кулайские наконечники второй группы. Базисные стрелы навязывают сарматский мир в V—IV вв. до н. э., распространяясь широко за его пределами [Смирнов К. Ф., 1961; Мошкова М. Г., Гепинг В. Ф., 1972, с. 109]. В Степановском и Барсовом комплексах поселений кулайские наконечники сосуществуют с керамикой, появившейся в конце V—IV вв. до н. э. Кулайские наконечники (варианты б, в, г) просуществовали, видимо, до II в. до н. э. В раннесаровское время бронзовые наконечники еще функционируют, но значительно изменяются [Чиндина Л. А., 1978]. Боевая головка становится короче, приобретает пулевидные контуры. Симметричные жальца по-прежнему выступают за пределы скрытой втулки, но становятся не пластинчатыми, а гранеными (рис. 12, 15, 16, 17). В Мурзинском кладе стрелы имели переходные формы. Четкое разграничение между 2-й группой и поздними образцами провести трудно. Можно только отметить такую закономерность — зауженные пропор-

ции наконечников 2-в характерны для более поздних комплексов васюганского этапа.

Другую категорию наконечников стрел составляют костяные. Основная масса их обнаружена в могильниках Каменный Мыс [Троицкая Т. Н., 1979] и Новочекино 2 [Молодин В. Н., Полосьмак Н. В., 1981] и опубликована. Есть они и на поселениях, но в малом количестве [Степановское городище, Кривошенское поселение, Шаманский Мыс]. Все наконечники делятся на трехгранные и ромбические с уступом (жальцами) и без уступов. Черешки были уплощенные и, как исключение, круглые (Степановское и Шаманское городища).

Оружие ближнего боя в кулайское время было разнообразным и за длительное время существования культуры значительно менялось как в использовании различного сырья для изготовления (бронза, железо, кость), так и в видовом составе. К наиболее распространенным видам в раннее время можно отнести копья и чеканы. Книжжало, боевые топоры встречаются на территории культуры очень редко. Находки оружия ближнего боя получены из могильников и культовых мест.

Чеканы. Известно только два: из д. Дунаево Колпашевского района Томской области и Парабельского клада. Хранятся в Томском [Фонд, № 297/40] и Колпашевском краеведческих музеях. Дунаевский чекан опубликован М. Ф. Косаревым (1974, с. 136, рис. 43, б).

1. Дунаевский чекан натуральных размеров с шестигранным в сечении бойком и четырехгранным наконечником. Длина бойка 15 см. Обушок граненый, длина 5,5 см. Втулка цилиндрическая, длинная — 7 см, над бойком выступает немного (на 1 см). Внизу между бойком и втулкой — головка птицы, между обушком и втулкой — петля (рис. 13, 2). Чекан прекрасной выделки, отлит из высококачественной бронзы, покрыт благородной патиной. М. Ф. Косарев датировал его первой стадией тагарской культуры (1974, с. 136). По классификации Н. Л. Членовой (1967, с. 27—28, 36), подобные чеканы появляются в V в. до н. э. Характерной хронологической особенностью чеканов этого типа является появление в углу между бойком и втулкой головки хищной птицы. На соседней с кулайской территории лесостепной тагарской культуры эти чеканы были

распространены на тисульском этапе V—IV вв. до н. э. [Мартынов А. П., 1979, с. 79, табл. 34].

2. Парабельский чекан натуральной величины, длина бойка 10,5 см. Сечение бойка и наконечника круглое. Обухок овально-уплощенный в сечении, расширенный на конце, отчего имеет грушевидную форму. Втулка конусовидная, закрытая сверху, орнаментирована двумя горизонтальными валиками. В углу между бойком и втулкой — нечеткое изображение головы животного (рис. 13, 1). Чекан отличается размытостью контуров, был вылит в непроработанной форме: остроконечник тупой, места сопряжения деталей сглаженные, нечеткие. Несмотря на индивидуальность, связанную скорее всего с церемониальным назначением, можно сказать, что парабельский чекан относится к типам, появившимся вслед за гранеными позднетагарскими типами.

Существование точных аналогов среднеобским чеканам в тагарских древностях наводит на мысль, что этот вид оружия не местный, а заимствованный. Тем не менее новая идея привилась в местной среде лесных племен, о чем красноречиво свидетельствует наличие формы чекана на Кижировском поселении [Плетнева Л. М., 1977, с. 14, рис. 1, 1, 2]. Сохраняя основные функциональные детали оружия неизменными, среднеобские литейщики вносят местную декорировку, например, пояса уточек по втулке и обуху в кижировской форме для чекана (рис. 13, 4, 4а).

В Среднем Приобье бронзовые чеканы перестали изготавливаться, по-видимому, к рубежу нашей эры или несколько раньше. Их сменили железные клевцы поздних форм. Надо отметить, что среди кулайского оружия неизвестны миниатюрные чеканы. Как на раннем, так и на позднем этапах использовались чеканы и клевцы в натуральную величину.

Известен один вток из Парабельского клада. Он лопатообразной формы, причем края лопатки острые. Втулка линзовидная в сечении (рис. 13, 3). По мнению Н. Л. Членовой, такие втки появляются только с V в. до н. э. (1967, с. 38) и затем эти же формы продолжают бытовать среди миниатюрных изделий позднего тагара.

Копья. В раннекулайское время известны бронзовые копья двух типов: листовидные с прорезями на перо и трехлопастные. Большинство из них неоднократно описано в литературе [ОАК, 1898, с. 118; Чернецов В. Н., 1953, рис. 1; Косарев М. Ф., 1971, рис. 47, 8, 9; Троицкая Г. Н., 1979, с. 20, табл. VI].

Бронзовые копья известны как случайные находки. Дунаевское копьё найдено вместе с вышеописанным чеканом, мурзинское — вместе с ажурным павершьем. Все они однотипны. Различаются только размерами, формами и величиной отверстий-пещерок (рис. 14, 1, 2, 3, 5). Это трехлопастные узких пропорций копья. Очертания боевой головки иволистые, лопасти неширокие, втулка, расширяющаяся к основанию, массивная, всегда длиннее боевой головки. Например, копьё из Омского музея: при общей длине 43 см боевая головка 17,5, втулка 15,5 см; у дунаевского копья общая длина 34 см, боевая головка — 16 см, втулка — 18 см и т. д. На втулках есть пещерки разной формы и размеров для заклинивания древка. Копьё выливалось в трехстворчатых формах. Об этом можно судить по трем литейным швам. Литейных форм пока неизвестно. На поселениях Степановском I и V есть только длинные литейные шишки, по размерам и длине скорее всего применяемые при литье копий (рис. 14, 4).

Трехлопастная форма копий неизвестна за пределами лесных районов Западной Сибири, на что обратил внимание еще В. Н. Чернецов (1953, с. 231). Это сугубо местная традиция. М. Ф. Косарев усматривает генетическую связь с копьями сейминского типа, указывая на классическую выдержанность пропорций. Думается, здесь несколько преувеличена возможность такой связи. Строго говоря, только выдержанность пропорций и высокое качество выделки может как-то связывать с турбинно-сейминской традицией, но не более. Основные же признаки, характеризующие копья как особый вид, — форма пера, соотношение его со втулкой, особенности сопряжения с древком — принципиально новые.

Кулайские копья имели небольшое перо и превосходящую его массивную длинную втулку. У турбинно-сейминских копий было все наоборот. В эпоху железа тенденция увеличения втулки наблюдалась повсеместно и

особенно ярко она проявлялась в обществах с высоко-развитой военной системой: скифо-сарматский мир, римское государство. Причем это явление было характерно для армий, где большую роль играла пехота.

В кулайском обществе усилившаяся роль военных действий требовала совершенствования оружия. Специфика географических условий в значительной мере определяла и специфику некоторых видов оружия. Совершенствуется большой сложный лук. Используется новый тип наконечников стрел, изобретается новое копьё. Боевые качества новых форм оружия определялись особенностями военной тактики в сложных условиях. С одной стороны, учитывалась местная специфика, изобреталось своеобразное оружие, с другой — использовались образцы оружия соседних степных территорий для борьбы на чужой земле. Однако кулайцы почти не выходили за пределы лесных районов. Обращает на себя внимание постоянчивое сохранение местных традиций.

Железные копья и дротики появляются только в конце III в до н. э. Два образца известны из могильника Каменный Мыс и описаны Т. Н. Тронцкой (1979, с. 12, табл. VIII, рис. 22, 24).

В Каменном Мысу обнаружены остатки железных княжалов с обоюдоострым лезвием, прямым перекрестьем и грибовидным навершьем конца III—II вв. до н. э. [Тронцкая Т. Н., 1974, рис. 1, 1, 2].

Зоо-антропоморфные изображения

Основная масса изображений кулайского времени выполнена в бронзовом литье. Кроме того, есть керамические скульптурные изображения и рисунки на керамике. Культовое кулайское литье, послужившее в свое время основой для выделения особой культуры, благодаря своеобразию и широкой информативности, продолжает вызывать неизменный интерес исследователей.

Первую классификацию кулайского литья по сюжетно-видовому составу провел М. Ф. Косарев (1974, с. 133—135). Предложенная классификация может быть использована и сейчас, так как отражает самые общие особенности бронзовых изображений. Тем не менее появление закрытых комплексов, уточнение хронологии

и выделение этапов кулайской культуры заставляет вновь вернуться к кулайскому литью. Нами выделено три типа изображений, встречающихся в кулайских памятниках. Они отличаются техникой литья, стилистическими особенностями, преобладанием определенных видов и сюжетов в типе и отражают хронологические этапы развития кулайского литья.

I тип характеризуется плоской односторонней ажурной техникой литья, стилизованностью изображений (гипертрофированность некоторых деталей, полиморфизм — многовидность, видовое несоответствие признаков «скелетность» изображения). Первый тип доминировал в васюганское время, два других свойственны последующим этапам. Особенности именно этого типа литья в свое время рассматривались И. М. Мягковым (1929), В. Н. Чернецовым (1953, 1953 а, 1971), М. Ф. Косаревым (1974) и Р. А. Ураевым (1956).

Наиболее массовый материал I типа литья получен с жертвенных мест горы Кулайки и Кривошенинского клада. Ряд находок культовых изображений обнаружен из насыпей могильника Каменный Мыс, на Степановских и Барсовских поселениях и других памятниках.

По сюжетным и видовым особенностям в I типе выделяется четыре группы с конкретными вариантами особенностями:

I-я группа — простые зооморфные изображения, включавшие в сюжет один образ животного или птицы. По видовому составу выделяется три варианта.

1. Изображения лосей. Все профильные, ажурные. Голова непропорционально большая по сравнению с конечностями и туловищем, которое чаще всего передано «скелетным» мотивом либо дано одной узкой полосой (рис. 15). Встречались на Кулайском и Парабельском культовых местах, в Кривошенинском и Бакчарском кладах и Степановском городище [Мягков И. М., 1929; Косарев М. Ф., 1974, с. 133—134; Ураев Р. А., 1956; Чиндина Л. А., 1973]. По односторонности изобразительных средств в эту группу можно отнести три фигурки лошади из кулайской коллекции.

2. Изображения хищников — медведя (Тимирязевское I поселение, Ишимская коллекция), волка (Мурлинский клад, случайная находка в Нарымском При-

обье, Кривошеинский клад), щуки из Самусь III, Тимирязевского поселения I [Ермолаев А., 1914; Плетнева Л. М., 1978; Ураев Р. А., 1956]. При наличии общих стилистических признаков с первым вариантом здесь есть особенности: зубастые пасти всегда открыты (рис. 16, 1, 2, 3). Группа по сравнению с первой незначительная.

3. Изображения птиц немногочисленные, им характерны те же стилистические особенности, что и изображениям первых двух вариантов (рис. 16, 4, 5, 6). Видовой состав определить трудно, но очевидно, что это не хищники.

2-я группа — сложные зооморфные изображения. Эта группа труднее поддастся видовому анализу из-за сильного схематизма. М. Ф. Косарев (1974, с. 134) выделяет их в группу древовидных идолов, увенчанных головами различных животных. Количество использованных видов довольно многочисленно (лось, хищный зверь, хищные и пехищные птицы, лягушка, щука). Их сочетание также разнообразно. Однако в подавляющем большинстве композицию составляли лось и птица, либо птица с птицей и лось с лосем. Другие сочетания известны реже. В передаче образов отмечается характерная деталь — хищники изображены агрессивными с раскрытыми зубастыми пастьями, птицы — с раскрытыми клювами, лосям тоже присуща динамика (рис. 16, 13, 14).

К этой же группе можно отнести четырехугольные решетки, по долевой или торцовой сторонам которых находились фигуры или головы птиц и животных [Мягков И. М., 1929, табл. II, 1, 15, 17; Косарев М. Ф., 1974, рис. 45, Ермолаев А., 1914, табл. VII, 1, 5, 7].

3-я группа — простые антропоморфные сюжеты обычно изображали личину (точнее голову) или фигуру одного человека (рис. 17, 1—7).

1. Для личин характерна горизонтально усеченная верхняя часть головы с изображением очелья в виде ленты с зигзагообразным или рубчатым орнаментом (Кулайка, Кривошеинский клад). На Кулайской личине очелье завершает пара птиц (одна обломилась) с раскрытыми крыльями [Мягков И. М., 1929, табл. III, 5]. Над Шайтанской личиной было пять голов животных с раскрытыми пастьями [Косарев М. Ф., 1974, рис. 45, 7]. Венец из голов животных, как увидим ниже,

был характерен для фигурных изображений. На некоторых личинах нанесены только детали лица. Это басандайское и кулайское изображения [Басандайка, 1947, табл. X, 5; Косарев М. Ф., 1974, рпс. 46, 15].

2. Изображения фигуры человека встречались чаще. В этой подгруппе есть вариантыные различия, обусловленные стилистическими особенностями.

а. Полная фигура человека. Несмотря на заметную крупноголовость и схематизм изображений, в целом пропорции тела выдержаны, четко выражены, даже подчеркнуты конечности (рис. 17, 1, 2, 5, 7). Человек стоит с опущенными руками — напасские фигуры [ККМ, № 683, 684] с Шаманского Мыса [ККМ, № 718], с Шайтанской II стоянки [Косарев М. Ф., 1974, рпс. 46, 11], либо с поднятыми руками в молитвенной позе — Степавовское городище, напасская фигурка [Фонды ККМ, № 257].

б. Фигура человека. Туловище и конечности переданы схематично. Необычайно крупная голова. В этом варианте, как и в предыдущем, преобладает усеченность верхней части головы и рубчатое очелье (рис. 17, 5). Известны в Рыбнских находках [МАЭС, б/№], в Мурлинском кладе [Чернецов В. Н., 1953а, табл. XII, 6] и в находках с р. Чан и Васюгана [Мягков И. М., 1929, табл. III, 1, 2, 4].

4-я группа — изображение человека в сочетании с другими образами в различных сюжетных композициях. Последнее определяло вариантыность в группе.

1. Изображение фигуры человека, аналогичное 3-й группе (2.б) — резкая непропорциональность фигуры, схематизм в изображении туловища и конечностей. Отличие заключалось в том, что над головой у них воспроизведены дополнительные образы — лоси, птицы, бобы (рис. 18, 1, 2, 5). В эту же подгруппу можно отнести усложненное схематизмом и многочисленностью образов изображение «всадницы»⁵ из Каменного Мыса [Тронцкая Т. Н., 1979, табл. XIII, 1] и с горы Кулайки [Мягков И. М., 1929, табл. III, 7]. На кулайском изображении человек стоит, широко расставив ноги, вместо

⁵ В описание данного изображения необходимо внести небольшое уточнение: всадница (а почему не всадник?) сидит на корпусе идущего лося, но головы у него нет, вместо нее изображена птица, подобная той, что сидит на крупе.

рук у него лосиные головы, на плечах по какому-то животному (бобер?), на бедрах по птице (рис. 18, 3).

2. Подгруппа древовидных изображений. Они аналогичны зооморфным (2-я группа), только помимо животных (лосей, птиц) появляется человек (рис. 18, 4, 6, 7, 10).

3. Решетки с изображением голов человека (рис. 18, 9).

Две последние серии, видимо, по смысловому содержанию и назначению были однотипными с зооморфными.

В антропоморфной серии выявляется ряд закономерностей. Как уже отмечалось, существовало четкое деление изображения формы головы на коническое и усеченное. Делалось это намеренно. В этом отношении показательно изображение двух человек, сидящих на спине птицы (лебедь?) из Нарымского Приобья (рис. 18, 8). Первая фигура имеет усеченную форму головы, другая — конусовидную. Траптовка этой детали различная — корона, солярный знак, шлем и т. д.

В изображениях людей можно отметить еще ряд моментов: деление на ушастые (чаинские, рыбнские, напасские) изображения и безухие. Отмечается ряд индивидуальных особенностей — татуировка на лице (рыбнские), бороды (напасское), линии жизни (кулайские). Последний признак встречается и на зооморфных изображениях.

Среди раннекулайских изображений людей и животных есть еще одна группа, выполненная графически и скульптурно.

Гравированные изображения сохранились на каменных плитах, керамических сосудах из Кижировского поселения [Плетнева Л. М., 1977]. По стилистическим особенностям антропоморфные рисунки имеют те же признаки, что и литые из бронзы: схематизм, «скелетность» туловища, крупноголовость, остроголовость или усеченность головы, рубчатость головного убора (рис. 19, 2—6).

О скульптурном искусстве известно пока немного. На поселении Степановка IV обнаружен обломок глиняной скульптуры лося. Сохранилась только безрогая головка небольших размеров, с удивительно реалистично переданными чертами натуры (рис. 19, 1). По-видимо-

му, реализм вообще был характерен для скульптурного направления в изобразительном искусстве кулайской культуры. Это хорошо заметно по бронзовым скульптурным навершиям в виде голов животных, птиц и рыб, появившихся в кулайских древностях в конце васюганского этапа.

ПАМЯТНИКИ САРОВСКОГО ЭТАПА

Памятники саровского этапа, в отличие от предшествующего васюганского, занимали более широкую территорию, практически всю лесную часть Западной Сибири (рис. 20). Однако плотность их значительно меньшая, чем васюганских. Известны открытые поселения (селища), городища, могильники, жертвенные (культовые) места, случайные находки, местонахождения. Как и раньше, самым распространенным видом были открытые поселения: из 103 зарегистрированных памятников 42 относятся к поселениям. Их могло быть и больше. В ряде случаев из-за сильной разрушенности, многослойности и слабой изученности вид памятника определить трудно или его неточное определение вошло в литературу и по инерции продолжает фигурировать как городище, хотя на самом деле это селище (Большой Лог, Пётчеваш, Пекулякское, Шеломок и др.). В настоящее время поселений исследовано немного, в основном в Томском и Нарымском Приобье.

Поселения саровского этапа расположены на берегах небольших рек и озер, повторяя топографическую ситуацию васюганских. Часто они сменяли друг друга в одних и тех же местах (Барсовский, Малгетский, Степановский, Саровский, Дубровинский и др. комплексы). Поселения, как правило, небольших размеров — по 4—10 западин (Тух-Эмтор II, Польшу 3, Мишолга, Малгет 6). Наиболее детально и полно в Среднем Приобье изучено поселение Малгет 6.

На позднекулайском малгетском поселении сохранилось 7 жилищ, концентрировавшихся двумя компактными группами. Количество жилищ в обеих группах было некогда больше, но часть из них разрушена при строительстве объектов уже в последующее, релкинское время. Однако вряд ли общее число превышало 9—

10 жилищ. Это были полуназемные сооружения. В большинстве случаев котлованы приближались к квадратной форме, реже прямоугольной, площадью от 9 до 18 кв. м. Углублялись в грунт на 25 см, редко врезались в материковые слои. Вдоль стен и в углах котлованов сохранились столбовые ямки, фиксирующие остатки каркасной системы. Несущие конструкции подходили вплотную к стенкам котлована или слегка отступали в глубь жилища. По-видимому, стены забирались бревнами в паз или у основания прижимались опорными столбами к грунтовой стене. В ряде случаев прослежены углубленные в грунт коридорообразные выходы размером 2—2,5×1,20 м. В двух жилищах были крытые с небольшой заглубленностью сени. Очаг в жилищах был один, располагался ближе к стене справа или слева от выхода. Очаги несколько заглублены под пол, четырехугольной формы. Правильностью форм ямки от колышков, державших каркас (жилище 10а), свидетельствуют о существовании вокруг очагов рамы-обкладки. Возможно было дымоходное приспособление типа чужала (рис. 6, 4а). Состав очагов однообразный: углистый грунт с остатками золы и подстилающим прокалом. Иногда в очагах сохранялись редкие вкрапления кальцинированных рыбных костей. Керамика в очагах встречалась редко. Это, как правило, развалы сосудов, а не отдельные фрагменты. В жилище 10, например, в очаге обнаружен раздавленный сосуд, на дне которого сохранились остатки рыбных костей. Судя по размерам и формам это были сибирская плотва или окунь⁶.

Находок в малгетских жилищах немного — это керамика и лощила из битой посуды. Кроме очагов керамика найдена вдоль стен. В жилищах 10а, 35 сосуды, поставленные некогда один в другой, лежали компактной грудой в одном месте. Видимо, существовали приспособления в виде полок, ниш, где хранилась посуда. Вообще в малгетских кулайских жилищах, как и в очагах, вещи распределялись компактно, аккуратно.

Городища саровского этапа распространены на всей территории кулайской культуры. Ряд памятников

---

⁶ Здесь и в последующих случаях ихтиологические определения даны В. К. Вершининым и А. П. Гундризером в лаборатории гидробиологии и рыбоводства НИИ ББ Томского университета.

известен в науке давно и положил начало многолетней дискуссии о хронологии и принадлежности их материалов различным культурам лесного региона Западной Сибири. Это прежде всего городища Усть-Полуй, Потчеваш, Большой Лог, Ирмень I, БЕ-VI. На Потчеваше и Большом Логу в последнее десятилетие были продолжены раскопки, что позволило изменить представление о их видовой принадлежности, внести уточнения в хронологию [Генинг В. Ф., Голдина Р. Д., 1967; Генинг В. Ф. и др., 1970, с. 215—223; Чагаева А. С., 1970].

Существует мнение, что на саровском этапе увеличивается число городищ и укрепления становятся мощнее и сложнее [Троицкая Т. И., 1979, с. 47]. Если последняя мысль подтверждается уже визуально, то об увеличении количества говорить преждевременно. Территория культуры к этому времени значительно расширяется, однако число городищ, которые без сомнения можно отнести к позднекулайским, не превышает 16, т. е. не больше, чем васюганских.

К сожалению, дать сравнительный анализ городищ по всем параметрам по-прежнему невозможно, так как большая часть их не раскопана, либо сведения фрагментарны из-за незначительности вскрытых площадей. В связи с этим возрастает гипотетичность некоторых обобщенных характеристик. Позднекулайские городища были мысовые и прибрежные (рис. 3). По особенностям системы укреплений делятся на прямолнейные (Завьялово 19, Ивановка 4, Усец), дугообразные (Саровское, Ивановское), подковообразные (Дубровинский Борок 3). Площадь городищ от 700 до 5 500 кв. м. Количество западин от 6—7 до 20. Необходимо заметить, что очень часты случаи отсутствия визуальных следов западин: либо время не сохранило их, либо сооружения были наземными.

В настоящее время валы позднекулайских городищ сильно оплыли, высота их не превышает 40—90 см, но за счет оползания увеличилась ширина до 3—6 м. Рвы глубиной около 90 см и шириной 1,5—2 м. Некогда оборонительная система представляла внушительное сооружение. Судя по данным городищ Саровского, Сперановского, Дубровинского Борка 3, первоначально вал был не менее 1,5—2 м высотой, глубина рва доходила до 1,2 м [Могильников В. А., 1971; Троицкая Т. И., 1979;

Чиндина Л. А., 1978]. На всех городищах были специальные выездные ворота — проходы, от которых теперь сохранились лишь пологие склоны на валах. Особенностью городищ являются дополнительные валы (Сперановское) и рвы (Саровское, Дубровинский Борок 3) поперек городища. Полностью раскопан такой ров на Саровском городище. Размеры внутреннего рва в среднем 100—120 см шириной и до 120 см глубиной. Стены почти везде отвесные, концы рва, выходящие к обрыву, сильно понижались в сравнении с центральной частью. Ров, по-видимому, обшивался деревом и имел перекрытие: остатки углей и головешек по стенам и полу сохранились до наших дней [Чиндина Л. А., 1978, рис. 4]. Возможно, в свое время ров являлся подземным ходом, а в высокую воду мог служить каналом для въезда на лодках. Такая фортификационная хитрость чрезвычайно важна в период сравнительно длительной осады.

Жилища на городищах расположены довольно плотно друг к другу — на расстоянии 2—3 м, полуназемного типа, квадратные и прямоугольные площадью 11—48 кв. м. Котлованы значительно глубже, чем в селищах (до 70 см), уходили в материк до 30 см. Конструкция была каркасной и, по-видимому, срубной. В Дубровинском Борке 3 сохранились столбовые ямки по периметру стен и за пределами котлована [Троицкая Т. Н., 1979, с. 25, табл. XXVII]. Их расположение дает основание говорить о двухскатной кровле, опирающейся на несущие внутренние конструкции и образующей заплечики у продольных стен. Грунтовые стены забирались бревнами, прижатыми к стенам столбами, служившими одновременно опорами. Выходы из котлована фиксировались редко. В Сперановском и Дубровинском Борке 3 были в виде выступов-ступенек. Обычно в центре жилища находилось внутреннее углубление, в котором располагался основной очаг. В некоторых случаях (Саровское, Дубровинский Борок 3, Ивановка 4) в жилище было до трех очагов. Очаги открытые. Их состав отличался от очагов поселений большей мощностью и главное — составом: здесь в очагах кроме обычной золы, углей, прокала находилось значительное количество керамики, причем, по сравнению с более ранним васюганским этапом, это была керамика от раздавленных уже в очаге сосудов. Кроме этого на периферии очагов, точнее ря-

дом, находилось большое количество костей различных животных, рыб и чешуя. В очагах и вокруг них находилась основная масса обнаруженных в жилищах вещей: костяные и металлические наконечники стрел, копий, похи, топоры, костяные гребни, ложки, различные подделки, украшения, глиняные, каменные и костяные пряслица и т. п.

Любопытна стратиграфия очагов из Саровского городища: в объектах 4 и 7 есть стерильные прослойки, свидетельствующие о длительной заброшенности очагов и вторичном их использовании [Чиндина Л. А., 1978].

Для городищ саровского этапа характерно наличие кострищ и скоплений вещей в межжилищном пространстве. Возможно, кострища остались от легких наземных сооружений, не сохранивших следов, типа шалашей, чумов. Это тем более вероятно, что кострища располагались в тех местах городищ, где не было полуназемных сооружений. Мощность кострищ слабее, чем очаги в котлованах, находок меньше. Это явление могло объясняться двумя причинами: либо время хуже сохранило остатки, что для наземного объекта вполне естественно, либо функциональное назначение их было другим. Временное жилище предполагало недолговременность, эпизодичность использования, поэтому в очагах не могло накопиться такое количество остатков, как в постоянных. К числу отличий городищ от открытых поселений следует отнести наличие здесь производственных объектов. На Саровском городище, в Дубровинском Борке 3, как и в типологически близком с Нижнего Приобья Усть-Полуйском, обнаружены остатки бронзолитейного производства: формы, матрицы, шлаки, тигли, обломки обмазки печей с воздуходушными отверстиями [Чиндина Л. А., 1978, с. 57, рис. 3, 11; Тронцкая Т. Н., 1979, с. 27; Чернецов В. Н., 1953, с. 143—148]. Состав находок на городищах стереотипный, но очень своеобразный. Хотя в литературе на эти особенности в каждом конкретном случае обращалось внимание неоднократно, тем не менее считаем нелишним напомнить о них еще раз, уже суммируя все данные. Прежде всего интересен состав и расположение костных остатков. Кости принадлежали животным (лось, олень, лошадь, собака, заяц, соболь, куница, бобр, песец, лисица), сосредоточивались скоплениями. Причем в трех городищах, уда-

ленных друг от друга на многие сотни километров (Усть-Полуйское, Саровское, Дубровинский Борок 3), подмечена общая деталь: около очагов в один или несколько рядов лежали черепа либо зайцев, либо собак, либо соболей. На Саровском городище найдены кости черепов и ног лосей, оленей, лошадей.

Следующей общей чертой для городищ являются следы человеческих жертвоприношений: на Усть-Полус обнаружены кости человека, на Саровском — детское погребение и женский череп. Местонахождение костей человеческого скелета разнообразное, но несомненно связанное со специфическими магическими действиями. В. И. Мошинская достаточно подробно останавливалась на характеристике данной особенности в Усть-Полусе [Мошинская В. И., 1965, с. 13—16]. Погребение ребенка на Саровском городище совершено в прямоугольной яме $2,1 \times 0,8 \times 0,2$ м. Для погребения была сделана еще небольшая яма, круглая, в диаметре 30—40 см, глубже первой на 40 см, в которой и был захоронен ребенок 10—14 лет в сидячем положении. Дно большой и малой ям покрыто плотным углистым слоем, на костях человека нет следов огня, что свидетельствует о том, что обжигание ямы производилось перед опусканием в нее жертвы. После погребения в яму были поставлены сосуды, среди которых находились остатки кальцинированных костей животных. Яма-могила расположена внутри помещения жилищного типа с двумя очагами. Оба объекта сооружались либо одновременно, либо с небольшими интервалами. Во всяком случае поздняя застройка не повредила ни того, ни другого.

Могильники. В позднекулайское время они известны еще меньше, чем в раннее. Немногочисленные погребения найдены на Барсовом городище I, Ордынском I и Потчеваше. Два последних комплекса опубликованы [Мошинская В. И., 1953; Троицкая Т. И., 1979]. Недавно обнаружен могильник с керамикой саровского типа в Нижнем Прпобье — Шеркалинский. Поскольку в решении ряда вопросов, связанных с историческими судьбами кулайцев, их миграциями, взаимодействиями с соседями, хронологией их памятников, постоянно приходится прибегать к периферийным районам, здесь уместно познакомиться подробнее с этим северным могильником.

Памятник Шеркалы IX находится в Тюменской области, Октябрьском районе, в трех километрах от с. Шеркалы, ниже по р. Оби. Открыт в 1979 г. разведкой Е. А. Курлаева (1981). Памятник многослойный. Могильник был обнаружен в 1980 г. рекогносцировочными раскопами Е. А. Васильева (1981). В 1981 г. автором большая часть могильника исследована (рис. 21). На нем оказался своеобразный погребальный и жертвенный комплекс, в материалах которого широко представлена керамика саровского типа (рис. 25).

По обряду труположения обнаружено три погребения, одно из них потревожено (рис. 23, 24). Темные углистые могильные пятна грунтовых погребений появились на глубине 50—60 см от дневной поверхности (рис. 23). Размеры могил в среднем $2,5 \times 0,55$ м, углублялись в материк на 15 см. Умершего хоронили в деревянном ящике, сгоревшие остатки которого хорошо сохранились по краю и на дне могилы. Дно ящика выстилалось берестой, на которую клали (возможно и обертывали) покойника. Судя по чрезвычайно плохо сохранившимся костям и расположению вещей, умерший лежал вытянуто, на спине, головой на восток. Одежда и головной убор богато украшались бусами, бронзовыми бляшками, пронизками и подвесками. Предметов из железа найдено только два. Из-за плохой сохранности их назначение определить невозможно. В погребении 2 обломок лежал рядом с кремешком в области пояса. Возможно, это остатки кресала.

Над погребениями 1 и 2 было какое-то сооружение, от которого сохранился квадратный котлован. В юго-западном углу сооружения располагался каменный очажок, в котором было небольшое скопление керамики. В противоположном, северо-западном, углу находилось обширное кострище, в котором найдены обломок деревянного лопатообразного предмета, каменный массивный топорик (рис. 22, 17) и кости животных.

По ряду существенных признаков погребальный обряд Шеркалинского могильника был аналогичен, несмотря на значительную отдаленность, обряду Ордынского I [Троицкая Т. Н., 1979, с. 22]. Единство выразилось в однотипности могильников — грунтовые, однотипности способа погребения — на небольшую глубину в могилах с труположением, в домовину из досок

бересты, вытянуто на спине, со сходным набором вещей и их расположением (например, сосуды в ногах). Отличия заключаются в ориентации умершего: в ордынских могилах — СЗ, в Шеркалинских — В, хотя в обоих могильниках есть и СВ ориентация.

В Шеркалинском могильнике, севернее описанных сооружений, находилась еще одна своеобразная группа объектов: три круглые ямки (размеры 12×20—35 см), заполненные пеплом, вкрапленном кальцинированных костей и скоплениями вещей.

I. Браслет, накладки, чешуйчатая пластинка (рис. 22, 1—4).

II. Наконечник стрелы, бронзовая накладка и пластинка (рис. 22, 5, 6, 7).

III. Круглая бронзовая бляшка и бусина (рис. 22, 8, 9).

Ответить на вопрос, чей прах захоронен в ямках, помогает находка обломков человеческого черепа в одной из них. По-видимому, в могильнике фиксируется два типа погребального обряда — кремации и ингумации. Возникает очередной вопрос: были ли эти два типа одновременными на могильнике или существовали в разное время? С этой целью необходимо рассмотреть вещественный материал могильника.

Инвентарь из могил с труположением

1. Трубочатые, гофрированные бронзовые пронизки длинные (погребение 1) и короткие (погребение 2). Две—три пронизки вместе с ниткой бус служили подвесками у пояса и головного убора. В некоторых сохранились толстые крученые нитки (рис. 23, 5; 24, 3). Подобные пронизки известны в Айдашинской пещере [Молодин В. П. и др., 1980, табл. 3, 3, 6, 8, 10] на Усть-Полуйском городище. В закрытых комплексах близкие им есть в Ордынском I. Памятник датирован I в. до н. э. — I в. н. э. [Тронцкая Т. Н., 1979, с. 24, табл. XXIV, 5]. Абсолютно аналогичные есть в могиле 35 БЕ-VII [Грязнов М. П., 1956, с. 128, табл. LI].

2. Литые бронзовые массивные бляхи-накладки с петлями для крепления на внутренней стороне. В центре и по краям шли ряды выпуклых кругов, окаймленных зернистыми поясами (рис. 23, 6, 7). Подобные бля-

ли известны в Усть-Полуе, Айдашинской пещере, Тюковском кургане, Ишимском и Холмогорском кладах [Чернецов В. Н., 1953б, с. 134, табл. IV, 1; Молодин В. И., и др., 1980, табл. XXI, 2]. Тюковский курган отнесен В. И. Мошинской (1953, с. 217) к раннесарматскому времени. Позднее датировка была уточнена, и курганы отнесли вначале ко второму этапу саргатской культуры [Геннинг В. Ф. и др., 1970, с. 211], затем к третьему [Корякова Л. Н., 1981, с. 12] — в пределах II в. до н. э. — II в. н. э.

3. Дисковидные бляхи с орнаментом на лицевой стороне и свободными отверстиями для крепления. Одна орнаментирована гравированными концентрическими кругами с радиальными насечками, другая — концентрическими рельефными валиками (сохранилась неполностью). Для первой бляшки подобная орнаментация есть на каменном пряслице из Саровского городища [Чиндина Л. А., 1978, рис. 10, 3], для другой аналогичные имеются в Айдашинской пещере и Усть-Полуйском городище [Молодин В. И. и др., 1980, табл. III, 5; Чернецов В. Н., 1953б, табл. V, 1—4]. Хронология всех трех памятников противоречива. Западносибирские исследования последних лет делают очевидной неправомочность датировать усть-полуйские материалы временем раньше II в. до н. э. Существование же этих комплексов в течение длительного времени (II в. до н. э.—III в. н. э.) не дает узкой даты отдельным вещам.

4. Полые пронизки в виде хищной птицы со склоненной к лапам головой. Оперение имитируется зернистым орнаментом (рис. 23, 3). Подобный тип пронизок был характерен для эпохи раннего средневековья Западной Сибири и Урала. В памятниках раннего железа они появляются в III в. н. э. [Чернецов В. Н., 1957, с. 182—184].

5. Серповидная плоская гривна с мелкожемчужным орнаментом (рис. 25, 1). Ближних аналогий нет, кроме, пожалуй, гривы из Бирского могильника (могила 108). Этот комплекс датирован V в. н. э. [Мажитов Н. А., 1968, табл. 14, рис. 3].

6. Бусы, обнаруженные в могилах с труположением, различаются материалом, размерами, формой и цветом. Из 52 штук 34 были из стекла, в подавляющем большинстве круглой формы, некоторые слегка сплю-

щенные. Одиночные, только в двух случаях двухчастные. Размеры от бисера до крупных бусин в 10 мм; большинство мелких (4 мм) и средних (6—7 мм). Делятся на одноцветные (32 экз.) и многоцветные (2 экз.). Среди одноцветных в основном синие (кобальтовые), бесцветные, голубые и позолоченные, зеленые, желтые и лиловые в единичных случаях (рис. 24, 5). Многоцветная только одна глазчатая: голубая со сложным глазком с коричнево-красным зрачком на желтом фоне (рис. 23, 12).

Бусы из керамики (черепицы) занимают значительный процент (18 экз.). Они круглые, мелких и средних размеров, терракотово-сурикового цвета (рис. 23, 4).

Бусы описанных форм известны на огромных территориях. Производство их было в основном в Причерно-

Таблица 3

Хронология вещей Шеркалинского могильника

ВЕК	Предметы										
	Наконечник стрелы	Накладка	Накладка	Бусы синие мелкие	Накладка	Бусы позолоченные одинарные	Голубые бусы прозрачные	Бусы позолоченные двухчастные	Бусы позолоченные крупные	Птицевидная полая прозрачная	Накладка с зубчатым орнаментом
	13	8	9	6а	2	6б	1	6в	6г	4	7
н. э.											
III									X	X	X
II		X	X	X	X			X	X	X	X
I	X	X	X	X	X	X	X	X			

до н. э.

I	X	X	X	X	X	X	X	X			
II	X	X	X	X	X	X					

Примечание. Нумерация предметов соответствует данной в описании.

морье и на Кавказе, откуда они шли на экспорт, в том числе и в Западную Сибирь. Некоторые бусы, известные в Шеркалинском могильнике, имеют очень широкие хронологические рамки (табл. 3), например, мелкие синие, мелкие одинарные позолоченные (6а, б) — III в.

до н. э. — II в. н. э. [Деопик В. Б., 1959, с. 55; Генинг В. Ф., 1970, с. 54—55]. Позднее появляются двухсоставные (6в) — I в. до н. э. — II в. н. э. Наиболее поздними считаются крупные позолоченные (6г) — не ранее I в. н. э. В Западной Сибири они известны в это же время [Троицкая Т. Н., 1979, с. 14; Чипдина Л. А., 1978, с. 57].

Инвентарь комплексов с сожжением

7. Прямоугольная накладка⁷ с зубчатым орнаментом (рис. 22, 6). Западносибирские аналоги есть в усть-полуйских материалах с Ныксимволя [Мошинская В. П., 1956, табл. 19, 9]. Чрезвычайно широко распространены в Приуралье в пьяноборскую эпоху и датируются II—III вв. н. э. [Генинг В. Ф., 1970, с. 58; Мажитов Н. А., Ишеничнюк А. Х., 1968, рис. 3, 22].

8. Прямоугольная накладка, орнаментированная по краям рядами мелких спиралей, в центре рядом из поперечных прямых и зигзагообразных линий (рис. 22, 1). Точно такая же накладка известна из Тюковского кургана II в. до н. э.—II в. н. э. Данный тип широко распространен в культурах пьяноборского круга, откуда проникал на соседние территории [Смирнов А. П., 1952].

9. Прямоугольная накладка-пропизка с рельефным шнуровым орнаментом из трехрядных поясов по торцовой части и меандровых фигур в центре (рис. 22, 2). Подобный западносибирский тип накладок-пропизок появляется в конце I тыс. до н. э. и распространяется в первые века н. э.

10. Бронзовая пластина с рельефным краем (рис. 22, 16). Аналоги есть в Айдашинской пещере [Молодин В. П. и др., 1980, табл. X, 12—13].

11. Круглая бляха с концентрическим орнаментом, по краю зубчики. В центре сквозное отверстие (рис. 22, 8). Различные орнаменты дисковых блях известны в Западной Сибири широко как территориально, так и хронологически.

---

⁷ Для удобства корреляции нумерация предметов дается сквозная.

12. Бронзовый граненый на шесть граней браслет (рис. 22, 3). Массовое распространение такие украшения получили в культурах Приуралья и Урала на поздних этапах раннего железа [Геннинг В. Ф., 1970, с. 55—56].

13. Обломок бронзового трехлопастного с выступающей втулкой наконечника стрелы (рис. 22, 7). Типологически входит в группу усть-полуйских стрел. Датироваться может II—I вв. до н. э. — I в. н. э. В комплекс попал уже с застаревшим изломом.

14. В комплексах найдены две бусины. Первая крупная сшья с белыми одинарными глазками-колечками (рис. 22, 15), имевшими широкое распространение в III—V вв. н. э. Вторая, мелкая голубая, найдена вместе с дисковидной бляхой (№ 11). Данный тип бытовал на протяжении длительного времени — III в. до н. э. — III в. н. э.

15. Бронзовая бобовидная выпуклая нашивка — деталь чешуйчатого доспеха (рис. 22, 4, 11). Аналогии известны в Канинской пещере [Канивец В. П., 1964].

Из анализа шеркалинских вещей видно, что большинство из них имеют широкий хронологический диапазон; группа вещей хронологически индифферентна (№ 5, 11, 12, 15); предметы из могил с обрядом пигмации и кремации сосуществуют (табл. 3); функциональный разнороб вещей, их единичное представительство, расположение в погребении кучкой свидетельствуют, что это был, во-первых, явный дар, приклад, жертвоприношение, во-вторых, система и подбор вещей (особый вид украшений, оружие) явствует о предназначении их как символа реальных представлений о жизни и смерти.

Сопоставление вещей в каждом конкретном закрытом комплексе (в могилах) показывает в ряде случаев их хронологическое несомещение. В могилах 1 и 2 найдены трубчатые гофрированные пронизки. По данным предшествующих исследований, они существовали на рубеже эр. Здесь найдены полые пронизки в виде хищной птицы, появление которых относят ко времени не ранее II в. н. э. В едином комплексе эти вещи найдены впервые. Учитывая, что в могиле находились бусы поздних форм (крупные позолоченные), ее можно датировать II—III вв. н. э.

В могиле-жертвеннике 3 находились вместе обломок стрелы усть-полуйского типа, функционировавшего, по мнению В. Н. Чернецова (1957, с. 155), не позднее I в. н. э., и накладка — II—III вв. н. э. Подобные накладки были широко распространены в Приуралье, и там их типология с учетом орнаментальных особенностей хорошо разработана [Геннинг В. Ф., 1970, с. 56—58, рис. 41]. Как уже говорилось, наконечник стрелы был сломан еще до попадания в комплекс и использовался там как votивный «антикварный» предмет. Поэтому удревать по нему могилу-жертвенник вряд ли целесообразно. Повидимому, она существовала в пределах I—II вв. н. э.

В целом весь Шеркалинский могильник можно датировать I—III вв. н. э. Хронологические рамки отдельных погребений также широки, что не исключает возможности возникновения погребений с различным обрядом все-таки в разное время. Могилы с труположением отличались от комплексов с кремацией не только формой погребения, но и составом вещей. Фактически, кроме идентичности бус, весь инвентарь различный (табл. 4). Бросается в глаза несомненное тяготение вещей из погребений-жертвенников к западным аналогиям Приуралья. В могилах с труположением, наоборот, бронзовые предметы типично западносибирские, на самобытность которых обратил внимание еще В. Н. Чернецов (1953 б, с. 134). Керамика была только в могилах с ингумацией и относится к саровскому типу (рис. 23, 1; 24, 8). В погребениях-жертвенниках керамики нет. На месте могильника обнаружен комплекс керамики позднегамаюнского типа с X-образным, крестовым и волнистым (змейка) штампом (рис. 25, 1—4). Условия залегания этой керамики и саровской вне могил примерно одинаковые, хотя развалы двух позднегамаюнских сосудов находились на дне сгоревшего сооружения, т. е. на 20 см глубже саровских фрагментов.

ИНВЕНТАРЬ ПАМЯТНИКОВ САРОВСКОГО ЭТАПА

В позднекулайское время инвентарь в основном повторяет уже известные в васюганское время категории: орудия труда и предметы быта, оружие, украшения, зооантропоморфные изображения. Однако сырьевая база для изготовления ведущих производственных изделий

Хронология погребальных комплексов Шеркалинского могильника

ВРЕМЯ	II в. до н.э.	II в. до н.э. - II в. н.э.							I в. - II в. н.э.					II-IV в. н.э.			
	- I в. н.э.																
ВЕЩИ																	
МОГИЛЫ	13	10	8	9	12	15	11	7	6a	2	68	66	69	1	62	4	Э
ИНГУМАЦИЯ	3																
	1																
	2																
КРЕМАЦИЯ	II																
	III																
	I																

претерпела значительные изменения: в саровское время железо становится основным промышленным сырьем, вытесняя бронзу. Резко увеличилась эксплуатация кости и рога в изготовлении самых разнообразных предметов.

Вещественный материал получен с поселений, городищ, жертвенных мест, могильников. Есть случайные сборы.

Классификация проведена на основе тех же методических принципов, что и в предыдущей главе. Наиболее массовый материал—керамика, изображения, отчасти оружие. Здесь удастся выделить типы, группы, варианты. Другие виды изделий единичны или немногочисленны и не поддаются типологической систематизации, поэтому они только перечислены.

Орудия труда и предметы быта

В данную категорию входят ножи, топоры-тесла, точила, гарпуны, грузила, предметы литейного производства, посуда, ложки, пряслица, гребни. Сюда же внесены разнообразные хозяйственные и бытовые костяные изделия, назначение которых остается пока неясным.

Ножи изготовлялись из железа и кости. Найлены в Саровке, Дубровинском Борке 3, Ордынском I, Парабельском культовом месте. Железные ножи небольших размеров с прямой спинкой и несколько выступающим черешком. Заточка лезвия односторонняя (рис. 26, 5, 6, 7). Найлены костяные рукоятки для ножей (рис. 26, 1, 2).

Брусковидные точила делались из песчаника и сланца, были с отверстиями для подвешивания и без них (рис. 26, 9, 10, 11).

Топоры-тесла в саровское время вначале изготовлялись из бронзы (рис. 8, 8, 9) (описаны в предыдущей главе как II тип, вторая группа, относящийся ко II в. до н. э. — I в. н. э.). Позднее окончательно были вытеснены железными с массивной короткой рабочей частью и округлой в сечении несомкнутой втулкой (рис. 26, 8) трапецевидных контуров. Железные топоры-кельты, подобные саровскому, использовались сарматами и их соседями начиная с I в. до н. э. [Граков Б. Н., 1965]. В Западной Сибири первые находки железных топоров-тесел известны уже в переходное от

васюганского к саровскому периоду в могильнике Каменный Мыс [Троицкая Т. Н., 1979, с. 11—12] и датируются концом II в. до н. э.

Гарпуны костяные разных размеров и форм. Чаще всего они крупные — 15—18 см длиной (Саровка, ДБ-3) с симметричными или асимметричными жальцами, боевая головка в сечении уплощенно-треугольная или линзовидная, овальный в сечении черешок с упором или без него (рис. 27, 5, 13).

Грузила каменные, как правило, из галечника со слегка подправленными зазорами-ложбинками для крепления шнура.

Широкое распространение, как и прежде, имели пряслица. Необходимо уточнить, что они обнаружены исключительно в могильниках и на городищах со следами жертвенников, различаются размерами и материалом. Их делали из глины, кости и камня. Имели дисковидную и усеченно-коническую форму. Первые, как правило, были из камня и кости, часто орнаментировались насечками в виде концентрических кругов или ямок (рис. 26, 1—4). Глиняные образцы обычно меньше в диаметре, но массивнее — либо в форме усеченного конуса, либо биконические.

В значительной степени условно к бытовым предметам отнесены ложки и гребни. Условность определяется распространенным обычаем использовать эти типично бытовые вещи в ритуальных целях.

Ложки костяные и роговые (рис. 28, 5—8) относятся к ложкам с плоским черпаком, с прямой длинной простой (Саровка, Сперановка) и короткой простой и скульптурной рукоятью⁸ (Дубровинский Борок 3, Большой Лог).

Костяные ложки аборигенным населением использовались очень широко на протяжении всей эпохи железа. Первые из них известны в Каменном Мысу [Троицкая Т. Н., 1979, с. 15], наиболее поздние археологические находки относятся к комплексам XVII в. Тискинского могильника [МАЭС, № 9017, раскопки автора в 1977 г.]. И в последующее время ложки-лопаточки, по свидетельству Н. Л. Гондатти (1888, с. 42), оставались исключи-

---

⁸ Описание дается в соответствии с классификацией В. П. Мошннской (1965, с. 25).

тельно ритуальными предметами и хранились в священных местах.

Интересующий нас тип ложек известен как усть-полуйский. Именно на Усть-Полуйском городище собрана наиболее массовая коллекция [Мошинская В. П., 1965, с. 25—27]. В свете новых данных усть-полуйское время в Нижнем Приобье датируется не ранее конца II в. до н. э.—I в. н. э. Абсолютно идентичные образцы из Среднего Приобья не противоречат этой дате.

Гребни костяные и роговые (6 экз.) с широким щитком, многозубные (до 12 зубцов). Относятся ко второй группе по классификации В. П. Мошинской (1965, с. 32). Высокая двузубая шпилька-гребень известна в одном случае в Дубровинском Борке 3 [Троицкая Т. Н., 1979, табл. XXX, 12]. Почти все гребни орнаментированы лентами из взаимопроникающих треугольников и зигзагов в разнообразных композиционных решениях (рис. 28, 1—4). Один из саровских гребней увенчан скульптурной группой двух соболей в геральдической позе. У того и другого изображения «линия жизни» и зигзагообразная линия по всему телу. У одного соболя на шее есть пять полосок (рис. 28, 1). Все среднеобские гребни, несмотря на индивидуальность декора, типологически едины с усть-полуйскими.

На позднекулайских памятниках представлен широкий ассортимент различных костяных поделок: лопаточки, проколки, шпильки, рукоятки ножей (рис. 27, 29). Довольно распространенными были роговые костыльки (цурки) обычно с одним круглым отверстием для ремешка и являвшиеся застежками конского недоуздка (рис. 29, 6—9). В позднекулайское время распространены чрезвычайно широко. Их находят в городищах, жертвенных местах, в могильниках (Усть-Полуй, Потчеваш, Саровка, Дубровинский Борок 3, Айдашинская пещера, Татарские могилки и др.). Некоторые из них были обломаны, и на них не сохранилось никаких следов крепления [Молодин В. И. и др., 1980, с. 82, табл. XIII, 3—5].

Интересный роговой предмет был найден в Саровском городище. Это тщательно выточенный уплощенный стержень или объемная фигурная накладка, увенчанная скульптуркой глухаря (рис. 29, 10). Нижняя и боковая части обломаны, поэтому назначение предмета определить трудно. Это могло быть навершие, па что указывает

полость для насадки и сквозные отверстия для крепления па что-то в нижней части стержня. Боковой отросток с изломом — свидетельство утраченного хвоста птицы. Однако смущает усложненная многочисленная система сквозных отверстий, излишних для навершья, и особый изгиб изделия по продольному профилю — предмет как бы прикладывается одной стороной к чему-то объемному. В связи с этим обращает на себя внимание еще одна деталь — орнаментация скульптурки дана с одной, видимо, лицевой стороны. В такой интерпретации предмет мог быть нащечной пластинкой от сложного недоудка для оленя. Через систему отверстий в обоих стержнях пластины пропускались тонкие ремешки, переходящие в заушные налобные и подбородочные постромки. В результате получалась удобная, легкая обороть (рис. 29, 10а). Неожиданным такой вариант не может быть — на Саровском городище-святилище практиковалось жертвоприношение оленей, остатки от черепов и ног которых здесь найдены [Чиндина Л. А., 1978].

Предметы, связанные с литейным производством, найдены на городищах. Сведения опубликованы только по Дубровинскому Борку 3 и Саровке [Тронцкая Т. И., 1979, с. 26; Чиндина Л. А., 1978, с. 57]. К ним относятся капли застывшей бронзы, шлаки, куски обмазки плавильных сооружений с воздуходушными отверстиями, фрагменты глиняных форм, тигли-лячки.

Тигли-лячки хотя и небольших размеров (7—10 см в диаметре), но массивные, толстостенные. Известны пока только круглодонные с круглым и овальным контуром устья. Литок-носик оттянут в одной стороне венчика, а не вырезан, как у васюганских (рис. 26, 13, 15). Остатки обмазки стен печей хорошо сохранились на Саровском городище. Толщина ее 3—4 см с внутренней стороны со следами стекловидной ошлаковки мощного прокала. В трех случаях на кусках обмазки сохранились круглые сквозные воздуходушные отверстия диаметром 1,5—2,0 см (рис. 26, 14, 15). Фрагментарность остатков, к сожалению, не позволяет дать реконструкцию печи.

Украшения

Украшений саровского периода известно немного. Данная категория вещей обычно в большом количестве

бывает представлена в могильниках, которых мало в Среднем Приобье. Наиболее массовый вид украшений—бусы. В основном они стеклянные различных цветов. Судя по ордынским двухчастным и крупным саровским позолоченным бусам, все комплексы датируются временем не ранее I в. н. э. В Среднем Приобье распространяются характерные бронзовые трубчатые, гофрированные пронизки [Троицкая Т. Н., 1979, табл. XXIV—XXV], выпуклые бляшки с меандровым узором и различные подвески. Именно в это время распространяются вещи, вылитые из белой бронзы.

Оружие

В саровский период в Среднем Приобье в категории «оружие» выделяется два больших раздела: наступательное и оборонительное. Каждый раздел, в свою очередь, подразделяется на подразделы, виды, группы, варианты, т. е. та же система, что и в предшествующий период (табл. 2).

Наступательное оружие ближнего и дистанционного боя

Основным оружием дистанционного боя, как и раньше, были лук и стрелы. Сведений об устройстве кулайского лука почти нет. На соседней с кулайской территории тагарской культуры в середине I тыс. до н. э. господствовал так называемый лук «скифского» типа. Многочисленные находки бронзовых моделей таких луков хорошо известны в литературе и, в частности, по Степановскому кладу у г. Томска [Плетнева Л. М., 1977, с. 74]. Набор стрел этого клада разнообразен по форме и по хронологии: есть типы, распространенные только в VII—IV вв. до н. э. и более поздние. «Скифская» форма лука, как известно, существовала на широкой территории вплоть до II в. до н. э. Для стрельбы из таких луков можно было применять только небольшие стрелы с мелким наконечником. У кулайцев уже на ранних этапах их истории распространяется другой, более крупный «гуницкий» лук, при котором используются крупные стрелы «кулайского» типа. Лесные районы Приобья были более удобны для передвижения малых отрядов, способ-

ных маневренно действовать в лесной пересеченной местности, вести не только массовую, но и прицельную стрельбу. У евразийских народов сложные луки зарождаются во второй половине I тыс. до н. э. Вероятно, Сибирь, где традиции больших сложных луков восходят еще к неолиту, сыграла в процессе развития сложных луков ведущую роль [Хазанов А. М., 1971, с. 31—33]. Во всяком случае кулайцы, судя по размерам применяемых стрел, его использовали уже в V—IV вв. до н. э. По всей вероятности, к костяным накладкам от сложного лука принадлежат несколько предметов с Саровского городища (рис. 30, 15, 16).

Наконечники стрел делались из различного материала: бронзы, железа и кости. Бронзовые стрелы поздних типов, описанные в предыдущей главе (рис. 12, 15, 16, 17), уже начали выходить из употребления, быстро вытеснялись железными.

На территории Среднего Приобья железных наконечников известно немного (15 экз.), а компактная серия их находится в коллекции Парабельского жертвенного места [ТОКМ, № 297, 298; ККМ, № 1110; Ураев Р. А., 1956, с. 326—327].

Все известные позднекулайские наконечники стрел делятся на трехлопастные и плоские. Внутри этих типов, в зависимости от размеров, строения пера и насада, выделяются группы.

Трехлопастные наконечники стрел

1. Мелкие, с треугольным пером, длинным круглым в сечении черешком без упора (рис. 30, 1—3, 14). Такие стрелы распространяются в сарматском мире с III—II вв. до н. э. [Мошкова М. Г., 1963, табл. 17] и позднее у соседних саргатских племен — они часто встречаются во II в. до н. э. — II в. н. э. [Корякова Л. М., 1981, с. 12]. В I в. до н. э. — I в. н. э. в Средней Азии и Казахстане они становятся единственным видом наконечников [Хазанов А. М., 1971, с. 39].

2. Крупный ярусный наконечник. Узкое острие плавно переходит в широкие трапецевидные лопасти, внизу которых есть круглые отверстия. Черешок круглый, без упора (рис. 30, 12).

Такие стрелы появляются у гуннов в I в. до н. э. — I в. н. э. и в начале I тыс. распространяются в южносибирские районы, в частности, в таштыкский мир, бытуя там длительное время [Кызласов Л. Р., 1960, с. 110, 115; Худяков Ю. С., 1980, с. 98]. В Западной Сибири они известны в комплексах Томского могильника и Верхнего Приобья [Комарова М. Н., 1952, рис. 27; Гаврилова А. А., 1965, с. 52—53; Уманский А. П., 1974, с. 138—139]. Памятники существовали не позднее IV—V вв.

Плоские наконечники стрел

3. Мелкие (4—6 см вместе с черешком) треугольные, с приподнятыми плечиками, с тонким круглым или уплощенным в сечении насадом (рис. 30, 1, 2, 3). Первые плоские железные наконечники появляются у раннесарматских племен наряду с мелкими трехлопастными и быстро вытесняют бронзовые, со II в. занимая господствующее положение.

4. Крупные плоские треугольные и фигурно-ярусные с круглым насадом-черешком (рис. 30, 4, 5).

5. Наконечники с крупной боевой головкой (ширина пера 3—3,5 см) треугольных контуров. Основание пера опущено в виде широких, коротких жалец. Насад широкий, плоский, иногда суживающийся уступами. Через перо до острия проходит вертикальное ребро (гурт, нервюра), плавно выходящее из насада (рис. 30, 10, 11).

6. Крупные листовидные и фигурные наконечники с ребром-гуртом и тонким круглым в сечении черешком (рис. 30, 6, 7, 8, 9).

Стрелы двух последних групп почти не известны, и хронология их не разработана. Плоские стрелы с ребром есть в Айдашниковской пещере [Молодин В. И. и др., 1980, табл. XI, 7, 8] и в весьма отдаленном от Среднеобья поселении Польце на Амуре [Окладников А. П., Деревянко А. П., 1970, с. 284, рис. 8]. В первом памятнике наконечники отнесены к средневековью. Поселение Польце датируется авторами ранним железным веком. По-видимому, плоские стрелы с продольным ребром бытовали долго. В Минусинской котловине и Туве их нашли в комплексах IX—X вв. Ржавый и Тора-Тал-Арты [Нечаева Л. Г., 1966; Худяков Ю. С., 1980]. Однако в средние

века они составляли всего 0,6%. Кроме того, они сильно отличаются от ранних формой и наличием упора.

В Среднем Приобье у этих стрел есть более древние бронзовые прототипы в Степановском кладе, датированном Л. М. Плетневой (1977, с. 69) VII—VI вв. до н. э.

Большую серию наконечников стрел (около 60) составляли костяные. Они известны в поздних слоях Шаманского Мыса, Саровке, Дубровинском Борке 3, Сперановке и др. Удалось установить количественный состав частично, так как многое не опубликовано. Наконечники значительно различались формой боевой головки, черешка и размерами.

1. Граненые (трех-, четырех-, шестигранные) с листовидным или ромбовидным контуром головки с плавным переходом от основания к черешку с плоским широким насадом (рис. 27, 1—4). Чаще всего крупных размеров, но встречаются и мелкие (рис. 27, 12). Данный тип наконечников был широко распространен во все времена бытования костяных стрел и не может использоваться для хронологической характеристики.

2. Листовидные, овальные в сечении, с плавным переходом в овальный или плоский в сечении черешок.

3. Боеголовые, узкие с граненым на три-четыре грани острием, с круглым, овальным или слегка ограниченным плечиком и плавным переходом в граненый черешок (рис. 27, 12). Размеры от 7 до 15 см в длину.

Стрелы описанного типа распространяются и бытуют все I тысячелетие, почти не видоизменяясь.

4. Трехгранные, изредка четырехгранные наконечники с резкими небольшими или глубокими уступами (жальцами) от основания к черешку. Черешок круглый, овальный или граненый, насад плоский (рис. 27, 8, 9, 10, 11).

Эти стрелы в большей степени, чем другие, характеризуют время и культуру. Они распространились на саровском этапе, а в релкинское время уже не встречаются. Подобная закономерность характерна и для тагаро-таштыкского мира [Кулемзин А. М., 1976].

Третий и четвертый типы отличаются изысканностью форм, выразившейся в тщательности отделки и уточненности деталей.

На позднем этапе кулайской культуры распространяются чекапы-клевы — оружие ближнего боя, с пзог-

путым клювообразным бойком. Все они изготовлены из железа. Найдены в Парабельском культовом месте (4 экз.). По форме бойка, обуха три из них однотипны. Различаются размерами, декором и особенностями втулки. Четвертый клевец выпадает из общей группы. Поскольку все клевцы неизвестны в литературе, целесообразно дать их индивидуальное описание.

1. Железный клевец с круглым сечением бойка и коротким четырехгранным острием. Длина бойка 11 см. Обух более массивный, круглый в сечении, с граненым острием вытянут на 7,5 см. Цилиндрическая втулка высокая — 6 см. Боек как бы насажен на втулку. В углу между бойком и втулкой помещена голова птицы (рис. 31, 1) [ТОКМ, № 298/7].

Железные клевцы появляются в соседней Южной Сибири в конце тагарской и в послетагарскую эпоху — во II—I вв. н. э. [Членова Н. Л., 1967, с. 38; Мартынов А. И., 1979, с. 88].

2. Крупный железный клевец с круглым в сечении бойком и четырехгранным наконечником. Длина бойка 15 см. Обух сильно вытянут (10 см), овальный в сечении, по нему нанесен горизонтальной полосой точечный орнамент. Боек «насажен» на короткую (2 см) цилиндрическую втулку. В углу между бойком и втулкой клювообразная петля (рис. 31, 2) [ККМ, № 1109].

3. Клевец аналогичный предыдущему, только более крупных размеров: боек — 17 см, обух — 11 см. Острие обуха четырехгранное. На короткой втулке нанесены два носяа витого орнамента (рис. 31, 3) [ТОКМ № 297/41].

4. Железный проушной клевец с линзовидным сечением длинного (14 см) бойка. Обух в виде небольшого извилистого шипа (рис. 31, 4) [ТОКМ, № 297/2]. С. В. Киселев (1951, с. 275) появление проушных железных клевцов объяснял сложностью изготовления втулки.

Три последних клевца, несмотря на функциональное и видовое единство, все же не находят прямых аналогий в тагаро-таштыкском мире, где этот вид оружия был чрезвычайно распространен. Это обстоятельство еще раз подчеркивает самобытность материальной культуры кулайцев.

Копья позднего периода Кулайки известны из Парабельского клада. Хранятся в ТОКМ и ККМ, всего 8 экземпляров. Все они двухперые, втульчатые. По кон-

турам и сечению пера делятся на две группы с вариантами.

1. Копье: 22 см — общая длина, 2,6 см — ширина пера, 10 см — длина пера. Перо узкое с линзовидным сечением, асимметрично-ромбическое, втулка длинная (12 см), конусовидная раструбом, несомкнутая, внизу с отверстием для крепления (рис. 32, 1).

2. В эту же группу объединено 7 экземпляров однотипных копий с листовидным пером и выступающим валикообразным ребром (гурт, нервюра вдоль пера). По контурам пера и особенностям ребра выделяется три варианта.

а. Копья с лавролистным пером, широким ребром, достигающим до кониза копья, являющимся продолжением втулки (4 экз.). Крупная конусовидная втулка раструбом, на конце — отверстия для крепления (рис. 32, 5—9). На одном копье поперек втулки нанесено шесть тонких валиков (рис. 32, 5). Данное копье по внешним признакам обнаруживает сходство с копьями андроновской эпохи.

Одно копье отличается от других: сторона пера с изгибом, по перу нанесены продольные валики, отделяющие ребро от пера (рис. 32, 8, 9).

б. Копья с узким удлиненно-треугольным, листовидным пером, широким ребром, не достигающим до конца копья, с четко выраженной шейкой, переходящей в длинную конусовидную втулку (рис. 32, 2, 4).

в. Копья с асимметрично-ромбическим пером, узким имитированным ребром, конусовидной раструбом втулкой (рис. 32, 3).

Самые ранние экземпляры железных копий с валикообразным ребром относятся к VIII—VI вв. до н. э. [Халиков А. Х., 1977, с. 188—197]. Наиболее поздние из них датируются III—IV вв. [Воронов Ю. П., Шенка Н. К., 1982, с. 124, рис. 2, 12, 13, 16]. Ближайшей аналогией парабельским является копье из кургана 14 с Потчеваша. В. П. Мошницкая (1953, с. 197—198, табл. V) это копье не опубликовала, считая его утраченным. Однако оно сохранилось в Музее археологии и этнографии Сибири Томского университета за № 1368 (рис. 32, 10). В кургане это копье лежало в саргатском погребении вместе с типично саргатской керамикой и железными удилами с кольчатыми псаллями, относившимися ко

второму этапу саргатской культуры [Могильников В. А., 1970, рис. 2].

По-видимому, парабельские копьа второй группы появились не ранее конца II в. до н. э. и существовали вместе с двухлопастными стрелами с первурой и вторым типом плоского культового литья. Параллельно существуют в Среднем Приобье, а позднее — к IV в. — становятся единственными копьа первой группы с узким пером и ромбическим сечением.

К копьам отнесены два крупных костяных наконечника с Саровского городища. Они четырехгранные, ромбические, удлиненных форм. Основание плавно переходит в широкий уплощенный черешок-насад. По формальным признакам копьа однотипны с костяными стрелами первой группы. Их отличают от стрел большие размеры—20 см длиной. Вряд ли копьа с костяными наконечниками использовались в военных целях, скорее всего, для охоты с насторожкой дротика на зверя.

С клинковым оружием кулайцы были знакомы с ранних этапов. Железные кинжалы известны в конце васюганского периода из Каменного Мыса. Могли существовать и биметаллические клинки. Несколько позднее биметаллические кинжалы известны на обширной территории Западной Сибири — усть-полуйские, дозвыинские, ишпмские [Чернецов В. Н., 1953б].

Кулайцам были известны и мечи. О наиболее ранних формах пока ничего не известно. Можно только предполагать, что если они были на вооружении, то, скорее всего, относились к сарматскому типу треугольных, ромбовидных в сечении клинков с прямым перекрестьем и прямым или серповидным навершьем, подобно сосвинскому [Чернецов В. Н., 1953, с. 233] или тем, что изображены на костяных панцирных пластинах из Дубровинского Борка 3 и Усть-Полуя [Троицкая Т. П., 1979, табл. XIX, 1; Мошинская В. П., 1965, табл. 14]. Функционировали в Приобье в I в. до н. э. — I в. н. э., хотя не исключено более раннее их появление здесь и более длительное существование.

На рубеже эр в сарматском мире распространяются обоюдоострые мечи с кольцевым навершьем, а в позднесарматское время наблюдается тенденция к исчезновению перекрестья и навершья [Хазанов А. М., 1971, с. 11—16]. В Сибири два эти направления в оформлении

рукоятки сосуществовали очень долго, вплоть до X в. В Среднем Приобье к числу таких мечей относятся 5 экземпляров из Парабельского клада [ТОКМ, № 297/35; ККМ, № 1111/1—3]. У четырех клинков с параллельными гранями и ромбическим сечением, с остроконечным или закругленным острием длиной от 65 до 80 см, шириной 5,5 см. Все они без перекрестия и навершья (рис. 33, 1—2). Один меч с широким линзовидным клинком длиной 59 см, шириной 5,3 см. Остальные признаки однородны с прочими (рис. 33, 3). По типологическим особенностям парабельские клинки можно отнести ко времени, не ранее III—IV вв., когда появляются мечи развитой кавалерийской формы [Мерперт Н. Я., 1955, с. 12; Хазанов А. М., 1971, с. 16].

Примерно в это же время у кулайцев распространяются палашки, которые в той же парабельской коллекции представлены 9 экземплярами. Все они прямые, плоское в сечении лезвие параллельно обуху. По особенностям окончания клинка делятся на остроконечные [ККМ, № 1111/1—5] и тупоконечные [ТОКМ, № 297/37 и ККМ, № 1107, 1111/6, 7]. Среди обеих групп есть палашки с кольчатым навершьем и иногда прямым перекрестьем (рис. 33, 8—9) и без них (рис. 33, 4—7).

Группа клинкового оружия Парабельского культового места синхронна третьему типу художественного бронзового литья (одностороннее, рельефное с полировкой поверхности) и позднесаровской керамики.

Оборонительное оружие

Оборонительное оружие в кулайское время представлено фрагментарно. В могильнике Каменный Мыс есть остатки панцирей в виде костяных пластин. Судя по количеству отверстий, доспех был достаточно жестким [Тронцкая Т. Н., 1979, табл. IX, 16, 17, 21, 22]. К более позднему, саровскому, времени относятся также костяные усть-полууйские пластины. Они более тщательной выделки с характерным для этого этапа меандрово-зернистым орнаментом [Мошинская В. П., 1965, табл. 13]. Такие пластины составляли покрытие наборного доспеха, крепились или, скорее, надевались на кожаную основу. Различные формы и размеров пластины объясняется приспособлением их на разных участках панциря. Пагруд-

ные пластины были обычно намного шире остальных и крепились наглухо. Об этом красноречиво свидетельствуют пластины из Дубровинского Борка 3 и Усть-Полуя, на двух из которых выгравированы однотипные рисунки военно-религиозного сюжета [Троицкая Т. П., 1979, табл. XXIX, 1; Мошинская В. П., 1965, табл. 14, 1].

В парабельской коллекции сохранились остатки от двух типов панцирных железных пластин. Две крупные пластины разной формы: прямоугольная (14,5×9,5 см) и округлая (сохранилась частично, размеры диаметра приблизительно 10 см). Система крепления у них жесткая пластинчатая — металлическими заклепками прямо на кожаную основу (рис. 34, 7, 8). Две другие пластинки прямоугольные, более мелкие по размерам (8,0×2,5 см) — остатки от наборной брони с ременной системой крепления и чешуйчатой накладкой пластины (рис. 34, 4). Наиболее ранние находки железного чешуйчатого доспеха в Западной Сибири известны в Верхнем Приобье в Татарских могилах, время существования которых II—IV вв. [Уманский А. П., 1974, с. 146—148]. Близких аналогов пластинчатому доспеху этого времени в Западной Сибири пока не найдено, нет их на сопредельных территориях, за исключением изображений таштыкских воинов в пластинчатом доспехе [Грязнов М. П., 1971, рис. 7]. Ю. С. Худяков высказывает мысль, что у таштыкцев еще не существовало железных пластин, они заменялись костяными, деревянными или иноземными лакированными из папье-маше. Крупные же железные пластины для пластинчатого доспеха распространяются только в XII в. [Худяков Ю. С., 1980, с. 125, 128]. Не касаясь сейчас вопроса эволюции средневековой брони в Сибири, отметим следующее. Как бы ни была сложна проблема датировки Парабельского клада, твердо можно говорить о том, что его рамки не выходили за пределы V в., и вряд ли целесообразно хронологически выделять из комплекса панцирные пластины. Находки же образцов с различной системой крепления не обязательно должны свидетельствовать об отдельных доспехах. Скорее всего, они использовались для защиты различных частей тела: наборная броня более удобна для прикрытия корпуса, для предохранения плеч и рук могли использовать наклепанные на кожаную куртку большие, подогнанные к рельефу пластины. Эту мысль подтверж-

даст и характерный изгиб парабельских пластин. Возможно, в данном случае мы сталкиваемся с древними прототипами средневековых рыцарских бригадин.

В парабельской коллекции есть ценное по своей информативности изображение человека в защитном облачении: небольшое конусовидное наголовье с поперечными полосами, броня в виде длинной прямой рубахи, покрытой кружками, рукава у запястья заканчиваются двумя полосками-манжетами. На ногах тип одеяния определить не удалось, но оно заканчивалось у щиколоток двойной полоской с зернистыми (рис. 34, 9). Первое впечатление от доспеха — человек одет в кольчугу. Однако вызывает сомнение большая величина кружков — колец.

Интересную мысль относительно принадлежности дисковидных бляшек из Истяцкого и Сузгунского кладов высказала И. А. Сыркина (1973). По ее мнению, это детали панцирного покрытия. Мысль вполне правдоподобная, хотя ряд моментов, связанных с реконструкцией, нуждается в уточнении. Бляшки крупные (не менее 8 см в диаметре) и при тех весовых данных каждой, а также чешуйчатой броне вес будет не 6—7 кг, как считает автор, а 9—10 кг. Кроме того, учитывая чрезвычайную подвижность при той системе крепления, которая есть на бляшках (по одной и в основном у края диска), большие размеры, их нельзя было использовать для покрытия плеч и рук. Рукам в бою необходима свобода действий: громоздкие, постоянно движущиеся бляшки сковывали ее. Истяцкие и сузгунские бляшки, по-видимому, покрывали только корпус воина. На парабельской фигурке доспех был весь из одинаковых кружков. Пластинки могли использовать меньших размеров и более легкие.

В музее АЭС хранятся роговые пластинки (кол. № 2409), найденные на р. Кети. Они в виде чешуек гербовидной формы, выпукловогнутые, с отверстием в середине одного края (рис. 34, 5). В Шеркалпском могильнике тоже обнаружены пластинки-чешуйки от доспехов. Они из бронзы, выпуклые, бобовидные, по широкому краю по два отверстия в углу (рис. 22, 6). Описанные пластинки по системе крепления близки мелкочешуйчатым доспехам, распространенным у скифов и сарматов [Хазанов А. М., 1971; Черненко Е. В., 1968]. Костяные и бронзовые пластинки из Приобья свидетельствуют об

удобном и практичном доспехе: выпуклость пластины лучше отражала или смягчала удар, их легкость делала воина подвижным.

О шлемах можно судить по находкам из Истяцкого клада [Чернецов В. И., 1953 б, с. 162--165]. Это конусовидное оголовье с горизонтальной системой сопряжения отдельных пластин. Одни с наносником, у другого он не сохранился либо его не было. На одном позолоченные аппликации орнамента и фигур животных (рис. 34, 2, 3). Вероятно, такая форма шлемов была самой распространенной. Об этом свидетельствуют изображения воинов на истяцких бляшках, парабельских, особенно на кулайской и холмогорской личинах (рис. 35, 1) [Федорова Н. В., 1978, рис. на обложке]. На некоторых шлемах изображены шишаки — личины из Парабелы (рис. 35).

Зоо-, антропоморфные изображения

В эту категорию внесены изображения, выполненные в бронзовом литье, костяной скульптуре и гравировке. Самая массовая группа — бронзовые изображения культового значения. Они известны в Среднем Приобье из Парабельского культового места, Пиковского городища, из Мурлинского и Истяцкого кладов, собраны на рр. Чижаике, Бундюре и Пюрсе. Отдельные экземпляры поздних изображений есть на раннекулайских памятниках — с горы Кулайки, Кривошенинского клада, Тимирязевского I поселения. Значительная часть их опубликована.

По технике исполнения и стилистическим особенностям выделяются два типа: плоское и рельефное одностороннее сплошное литье. Былая ажурность исчезает. Четче проявляется реализм художественного образа. Видовому составу изображений характерна крайне выраженная орнито-морфность. Другие виды — медведь, лось, заяц, волк — известны в единичных случаях. Небольшую группу составляют антропоморфные изображения. Типологическому анализу подвергнуты птицевидная и антропоморфная группы из-за их серийности, другие будут описаны индивидуально.

Птицевидные изображения представляют хищников с развернутыми крыльями с фасовой горельефной передачей головы и личиной на груди. Характерны II и III типам. Отличаются между собой орнаментацией

оперения, формой крыльев, количеством представленных особей в одном изображении, техникой литья и передачи деталей.

Тип II, группа I. Изображение птиц с горельефной головкой (за исключением одного случая) хищной птицы и стилизованным уплощенным туловищем: сильно вытянутые книзу развернутые узкие крылья и узкое туловище. Лапы не обозначены. На шее птицы по две или три дугообразных полосы — ожерелья. Крылья орнаментированы лесенками, лунками. На груди большинства птиц есть личинка (рис. 36, 1, 2). На мурлинских личинках нанесено по две поперечные полосы (татуировка?). В группу включено 6 экз.

В двух случаях между крыльями вместо туловища изображены одна [Парабель, ККМ, № 1114/7] или две [Мурлинский клад, МНА, № 35, табл. XII, 1] фигуры человека (рис. 36, 3, 4).

В эту же группу отнесено три изображения, несколько отличающиеся по трактовке деталей. Все они крупнее вышеописанных.

а. Плоское изображение птицы с личиной из Парабельского культового места [ТОКМ, № 297/27]. Крылья опущены не вниз, а раскинуты в сторону. Кроме того, у него отсутствует голова птицы, вместо нее небольшой бугорок (рис. 36, 7). Подобное изображение меньших размеров есть на Барсовой Горе III/6. На нем больше, чем на парабельском, выражен полиморфизм — лапы сбоку хвоста (рис. 36, 5).

б. Обломанное снизу изображение из Парабельского культового места [ТОКМ, № 297/30] с четкой горельефной передачей головы птицы, с тройным ожерельем вокруг шеи. Отличает изображение от общей массы данной группы отсутствие личинки на груди (рис. 36, 6).

в. Сильно разрушенное изображение птицы из Бакчара с обломанными крыльями. Отличительная черта здесь заключается в отсутствии личинки и ожерелья, но зато появились лапы [Косарев М. Ф., 1974, рис. 47, 5].

Тип III, группа I. Одноголовые изображения птиц с развернутыми крыльями, с более реалистичными чертами натуры, выразившимися в соответствии пропорций тела. Литье рельефное и горельефное с полированной лицевой поверхностью. Все учтенные 16 экземпляров с головами хищных птиц. Оперенье крыльев и хвоста

передавалось различными приемами — полосами, лунками, псевдодеревочкой. Лапы обычно опущены вертикально, иногда соединены. Почти на всех фигурках есть личины, чаще всего схематичные, только глаза и рот, реже дан овал лица. У всех фигурок с изнанки есть петля для крепления (рис. 37, 1, 2, 3).

Тип III, группа 2. а. Трехголовые изображения птиц с развернутыми крыльями. По всем техническим и декоративно-морфологическим признакам они аналогичны вышеописанным. Отличает их трехголовость фигуры. Из 12 экземпляров 7 с головами одновидовых хищных птиц, только иногда центральная голова крупнее боковых (рис. 37, 4, 5, 6).

б. Трехголовые изображения с разновидовыми представителями, причем боковые особи всегда одновидовые, отличаются от центральной (рис. 37, 7, 8, 9). Сочетания были различные: хищная птица с лебедями (или журавлями), хищная птица с антропоморфными особями (Парабельский и Истяцкийклады). В трех случаях в центре была голова человека, соединенная с лебедьими (Пиковка), медвежьими и антропоморфными [Истяцкийклад, МПА, № 35, табл. XXI, 8, 10].

Группа 3. Плоские цельнолитые односторонние изображения бегущих волков из Истяцкогоклада. В литературе их характеристика дана подробно [Чернецов В. Н., 1953 б, с. 165—171, табл. XXII—XXIII]. Отличает их от первых двух групп отсутствие полировки поверхности.

Группа 4. Скульптурные полые навершья (7 экз.) с изображением голов медведя (Нюрса и Кривошенинскийклад), хищных птиц (Нюрса, Пиковка) и рыбы (Чпжапка, Тимирязево I). Все они опубликованы [Мягков И. М., 1929, табл. II, 7, 8, 9; Могильников В. А., 1969; Ураев Р. А., 1956 а; Плетнева Л. М., 1978, рис. 1.7].

Антропоморфная серия невелика. Помимо тех изображений, что включены в сложные орнито-антропоморфные, можно выделить небольшую серию личин, всалников и одно изображение фигуры человека, уже описанное в разделе «Оружие».

1. Личины овальные, крупных (19 см) и небольших (9 см) размеров, плоские, нос и брови переданы единой рельефной линией, глаза и рот валиками (рис. 35, 1, 2, 3, 5). Индивидуальные особенности наблюдаются в ост-

роголовости или усеченности головы (Парабель, Колгуяновы юрты), в татуировке на некоторых личинах (Парабельский, Истяцкийклады), «усиках» у глаз и рта (Колгуяновская), различаются также декоративными деталями и формой головного убора. О последних следует сказать подробнее. На четырех личинах убор конусовидный, но все-таки неодинаковый. На двух парабельских личинах конусовидный убор отделяется ото лба декоративной полосой в виде жемчужин или валика, завершается высоким помпоном или шишаком (рис. 35, 1, 2, 3, 5). На кулайской и еще одной парабельской помпонов нет. Все уборы довольно однотипны и, скорее всего, относятся к шлемам.

2. Изображения всадников из Истяцкогоклада плохой сохранности и отливки. Серия была описана В. Н. Черпеновым, поэтому нет надобности повторяться [Чернецов В. Н., 1953б, с. 162—170].

3. Изображение фигуры воина в полный рост из Парабельского жертвенного места. Описано в разделе «Оружие».

В общем для антропоморфных изображений позднекулайского времени характерна индивидуальность, даже персонализация, стремление к реальности определенного образа, без мистических добавлений, столь характерных в предшествующее время. Это, однако, не значит, что произошло полное избавление от условности, стилизации, собирательности образов. Данное течение в религиозном искусстве продолжало существовать и в последующее, релкинское время.

В раздел антропоморфных изображений необходимо включить две бляхи в форме человеческой пятипалой кисти руки. На одной у запястья есть небольшое сквозное отверстие для крепления, у другой — большое, на ладони (рис. 35, 7, 8). Обычай отливать в бронзе руку был довольно распространенным в эпоху раннего железа у скифов [Шкурко А. П., 1976, с. 98, рис. 2, 19]. Вырезанные из кости руки, сжатые в кулак, найдены в таштыкских склепах I—II вв. Л. Р. Кызласов (1960, с. 134) считает их принадлежностью составных статуэток людей.

У кулайцев изображение рук появляется еще на ваюганском этапе. Одно известно из случайных сборов

в Кижирово⁹ (рис. 15, 8) и, по-видимому, четыре из Степановской коллекции, отнесенные Л. М. Плетневой (1977, с. 84, рис. 31, 15, 16, 19, 20) предположительно к древовидным. Ранние экземпляры отличаются от парабельских меньшими размерами, большим полиморфизмом (семн-, трехпалость), изображением руки выше локтя, а не только кисти.

КУЛАЙСКАЯ КЕРАМИКА

Керамика — самый массовый, а подчас единственный источник, характеризующий тот или иной западносибирский памятник эпохи железа. Главное ее значение заключается в ней с чем не сравнимой культурно-хронологической информативности. Поэтому исследование керамики по всем параметрам чрезвычайно важно. Прежде чем перейти к конкретному анализу керамики отдельных этапов, необходимо суммировать некоторые высказанные ранее автором [Чиндипна Л. А., 1978] положения относительно системы понятий, определений, терминов, применяемых при характеристике керамики эпохи железа в Сибири.

Керамика в узком смысле слова означает глиняную посуду. Ее функциональное назначение разнообразно: кухонная, столовая, парадная, тарная, производственная, ритуальная. Основные особенности керамики заключаются в технологических и морфологических характеристиках. Под морфологическими свойствами подразумеваются особенности форм и орнаментов глиняной посуды.

ФОРМА

Сосуды, как и все предметы, воспринимаются нашим сознанием трехчленно, т. е. делятся на верх (горло), середину (тулово) и низ (дно).

Горло состоит обязательно из устья — выходного отверстия внутренней полости любой емкости; венчика —

---

⁹ Материалы переданы автору рабочим Самусьского судоремонтного завода Диковичем В. П. (хранятся в музее АЭС). Кроме изображения руки в коллекции есть еще ажурная фигурка лягушки (рис. 16, 12).

завершающей кромки сосуда. Некоторые виды сосудов имеют шейку — верхнюю узкую часть емкости.

Т у л о в о — основная часть емкости сосуда. Делится на плечико — переходную часть от шейки, экватор — центральную часть и придонную часть — переход к дну.

Д н о — основание сосуда. Оно бывает различной конфигурации — плоское, круглое, острое, на поддоне.

Наличие определенных деталей в сосуде, соотношение их высотных и широтных показателей определяют конкретную форму сосудов. За основу классификации среднеобской керамики взята схема, разработанная В. Ф. Геншигом (1973). Помимо предложенных им указателей по мере исследования конкретных типов керамики вносились необходимые коррективы и дополнения. Так были введены малый и средний широтно-высотные указатели придонной части, что определяло вытянутость или приплюснутость сосуда, особые параметры для сосудов с поддонами и т. д. Большое значение уделено форме и декоративным особенностям венчика. Эта деталь сосуда меньше других скована утилитарными требованиями и более чутко реагирует на традиционные изменения и моду.

В целом в западносибирской керамике по внешним контурам выделены горшки, чаши, банки, кувшины, блюда, кубки, ладьи (ковши).

ОРНАМЕНТ

В орнаменте основными понятиями являются элемент, мотив, зона, композиция. Э л е м е н т — неделимый знак, полученный при однократном воздействии на орнаментальное поле, отличающийся конфигурацией и техникой нанесения. М о т и в — ряд ритмично повторяющихся, законченных фигур, образованных различными способами соединения элементов. З о н а (область, пояс) — определенная часть орнамента, характеризующаяся совокупностью тождественных мотивов и отличающаяся от сопредельных зон. К о м п о з и ц и я может иметь не одно определение в зависимости от того, какую таксономическую единицу брать за определяющую в орнаменте. Поскольку исходным таксоном в орнаменте является элемент, а все составляющие орнамента так или иначе состоят из элементов, то композицией можно

считать совокупность всех элементов, расположенных в определенной системе. С другой стороны, определяющим в орнаменте является и мотив. В таком случае разнообразное сочетание мотивов также составляет композицию.

В характеристике орнамента важно учитывать технику нанесения. В эпоху железа существовало несколько технических приемов: штампованный (печатный), рисованный, отступающий, наклепной.

Особенности подбора элементов, создание определенных мотивов, их композиционное решение, специфика приемов создавали определенный стиль в керамике.

Типологическая обработка керамики Среднего Приобья на разных этапах развития проведена автором на основе изложенных понятий и определений.

Интенсивное исследование кулайской керамики началось только в 70-е годы. До этого времени все кулайские бронзы, происходившие из случайных сборов и культовых мест, с керамикой не были связаны. В свою очередь, немногочисленные находки керамики с таких памятников, как городища Басандайское, Богатырские Бугры, Пекулякское, Савельевское селище и др., без кулайских вещей долгое время не имели культурной привязки.

Попытка объединить кулайские бронзы с керамикой предпринималась еще И. М. Мягковым (1929) по фрагментам с горы Кулайки. Однако это была разновременная керамика и, как выяснилось позднее, не имевшая отношения к кулайской культуре¹⁰. Значительно ближе к действительности была высказанная в 60-е годы гипотеза М. Ф. Косарева, по которой своеобразная керамика с флгурно-штамповой орнаментацией и прежде всего с уточкой им была связана с кулайской культурой [Косарев М. Ф., 1964, 1969]. Затем Л. М. Плетнева, еще не имея комплексного материала с однослойных памятников, типологически выделила из ряда памятников Притомья (Басандайка, Кижирово, Самусь II) керамику с уточкой и ямочно-жемчужным орнаментом и отождествила с кулайской культурой [Плетнева Л. М., 1970, с. 169—171]. Позднее ею был продолжен типологический

---

¹⁰ Только в 1977 г. В. А. Рябцевым при осмотре горы Кулайки были найдены фрагменты с ямочно-жемчужным и гребенчатым орнаментом, типологически адекватные керамике васюганского типа [Рябцев В. А., 1977].

анализ фигурно-штамповой керамики из Притомья и более четко выделены хронологические группы [Плетнева Л. М., 1973, с. 146—150]. В то же время автору на нарымском материале удается выявить в фигурно-штамповой керамике кулайскую группу, предшествующую релкинской [Чиндина Л. А., 1970, с. 194—200]. Находки в 1968—1971 гг. на Степановских памятниках кулайского культового литья наконечников стрел в комплексе с посудой, исследования на Саровском городище, поселении Малгет и могильнике Релка позволили выделить три культурно-хронологических типа среднеобской керамики, из которых васюганский и саровский были адекватны последовательным этапам кулайской культуры [Чиндина Л. А., 1973]. Изучение Т. Н. Тронцкой кулайского могильника Каменный Мыс еще раз подтвердило хронологическую обособленность и последовательность выделенных групп и типов [Тронцкая Т. Н., 1973, 1979].

Васюганский тип

Васюганский тип получил название по памятникам с р. Васюгана, давшим первые вещественно-керамические комплексы [Чиндина Л. А., 1973]. Однако это не означает, что Васюганье являлось единственным районом, где формировалась кулайская керамика. Как показали исследования, процесс сложения васюганского типа был длительным и охватил более широкий ареал. В нем выделяется несколько вариантов локального и хронологического происхождения. Об этом свидетельствует успешная обработка керамики крупных локальных комплексов: Барсовского [Елькина М. В., 1977; Чемякин Ю. П. и Коротаев В. А., 1976; Чемякин Ю. П., 1979], Нововасюганского [Кирюшин Ю. Ф., 1976], Притомья [Плетнева Л. М., 1973, 1977], Каменного Мыса [Тронцкая Т. Н., 1979], Степановского [Чиндина Л. А., 1982], Кыштовского [Полосьмак Н. В., 1982].

Из 85 памятников васюганского этапа на 72 есть керамика. С подавляющей частью их известны только сборы. Однако на ряде памятников (около 25%) Среднего Приобья проводились обширные раскопки, давшие массовый керамический материал. Анализ этой керамики обнаруживает четкую структурно-типологическую систему развития васюганского типа.

ФОРМА

Из всего многообразия известных видов в раннекулайской керамике распространены банки, чаши, горшки, кувшины. По соотношению высотных и широтных показателей среди них можно выделить не менее 10 вариантов. Значительное разнообразие вносила форма дна. В подавляющем большинстве дно было круглым, приотсрещенным, реже плоским или уплощенным. Сосуды на конических или изогнутых поддонах встречались редко. Верхняя часть таких сосудов копировала формы чаш или банок (рис. 42, 1). Как исключение известны низкие плоскодонные блюда (рис. 42, 3). Специфической чертой васюганской посуды является широкое применение на них различных ручек: шишеобразных, изогнутых, калачевидных, в виде боковых выступов-отростков (рис. 42, 4).

ОРНАМЕНТ

В раннекулайских орнаментах выделено 47 элементов и 13 мотивов (табл. 5, 6). При их выявлении имелись определенные трудности. По начертательным признакам все элементы можно разделить на единые, сплошные и расчлененные. К единым относятся ямки, жемчужник, треугольник, уточка и т. д. Расчлененные элементы, как правило, представляли сложные штампы. Последнее, казалось бы, противоречит понятию элементарности: трехчленный штамп делится на два уголка и уточку, розетка — на 4—6 уголков или пересекающихся уточек («свастика»), шевроны — на двойной-тройной ряд скрещивающихся под углом гладких штампов (табл. 5, 21, 22). Однако такой подход вряд ли целесообразен. Штамп — единая, законченная фигура и рассматривалась как неделимый знак подобно гребенке, которую не приходится в голову делить на зубцы. Особенности составных частей сложного штампа, взятого за элемент, помогут при решении вопросов, связанных с генетикой и семантикой элементов.

То же самое можно сказать и о мотивах. Если горизонтальный, вертикальный и наклонный мотивы характеризуют простое универсальное расположение элементов, остальные — производные от них и могут быть разложены на составные универсальные: горизонтальную слочку или зигзаг можно расчленить на наклонные мо-

Элементы орнаментов кулайской керамики

Виды и разновидности штампов		Тип керамики	
		Васюганская	Саровская
	ямка		
	кольцо		
	кружок		
	одноглазчатый		
	двухглазчатый		
	четырёхглазчатый		
	выпуклый		
	приплюснутый		
	пресколотый		
	крупная		
	мелкая		
	зубчатая		
	скобловидные		
	стен		
	мелкий гладкий		
	крупный гладкий		
	фигурные		
	шевроны		
	гладкие треугольники		
	зубчатые		
	глазчатые		
	ромбы		
	прямоугольный		
	уточка		
	засобиный		
	звучленные		
	трёхчленные		
	роветки		
	змейки		
	крупный		
	крупный		
	мелкий		
	с усиленным кницем		
	гладкий		

Мотивы и техника нанесения кулайских орнаментов

Виды мотивов		Методы			
		Васильевская	Савицкий		
Мотивы	1		горизонтальный		
	2		вертикальный		
	3		наклонный		
	4		зигзагообразный		
	5		елочка		
	6		паркетный		
	7		ромбический		
	8		фрестон		
	9		меандр		
	10		группировочный		
	11		комбинированный		
	12		волна		
	13		ленточный		
Техника орнаментации	1		штамповая (печатная)		
	2		отступающая		
	3		рисованная		

тивы или ромбовидный на два зигзаговых и т. д. Тем не менее единообразное повторение в ряду сочетаний элементов в определенной системе свидетельствует о стремлении мастера выразить конкретную семантическую идею, что дает формальное право выделять их как самостоятельные мотивы.

Среди перечисленных элементов наибольшее распространение получает ямочный, затем гребенчатый. По семiotическим признакам к гребенке примыкает гладкий штамп, хотя он встречается реже. Четвертое место занимали уточка и жемчужник. Эти два элемента, долгое время сосуществуя, все же возникли и исчезли на разных этапах. Ямочный, гладко-гребенчатый штампы, жемчужник и уточка являлись ведущими в орнаментах васюганской керамики. Остальные элементы сопутствовали им. Появление и степень распространенности каждого элемента зависели от места и времени. Наиболее безучастными к хронологическим и локальным изменениям были ямка и гребенка¹¹.

Элементы и мотивы дают чрезвычайно разнообразные сочетания. Например, в степановских памятниках 31 элемент и 12 мотивов дали 777 сочетаний. Подавляющий вид мотива — горизонтальный. Он характерен для всех элементов (табл. 5). Наклонное расположение имели только линейные штампы, змейка, уточка. Особый подбор элементов был в комбинированном мотиве: ямка-змейка или линейный штамп, зигзаг-ямка или лунка, ямка-жемчужник. Первые два сочетания характерны для раннего периода васюганской керамики. Только из линейных штампов составлялась горизонтальная елочка, ромбовидный и меандровый мотивы. Эти редкие мотивы преобладали в ранний период, хотя эпизодически встречались и в саровское время. Паркетный или шахматный мотив на васюганской посуде присутствовал сравнительно стабильно, хотя и не часто, широкое распространение он получил на саровском этапе. Паркетный мотив состоял из треугольников, различных уголков и ромбов, реже из гребенки и змейки. Вертикальные и наклонные ленты состояли из ямок, лунок, гребенки и змейки.

¹¹ Следует все же отметить, что по начертательным признакам гребенчатый штамп многообразен и некоторые его виды то появлялись, то исчезали.

Соотношение форм сосудов и орнаментов кулайской керамики

ГРУППА		1			2			3			4			5			6			7			8			9			
ОРНАМЕНТ		[Ornament patterns for groups 1-9]																											
ФОРМА		[Form icons for groups 1-9]																											
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28
2																													
1																													
5																													
6																													
8																													
9																													
10																													
11																													
3																													
7																													
12																													
4																													

1, 2, 3, 4 - бочки. 5, 6, 7 - чаши. 8, 9, 10, 11, 12 - горшки.

- часто

- редко

встречались редко и, в большей части, в раннюю пору васюганского этапа.

Мотивы составляли однорядные и многорядные пояса, группируясь в зоны: разделителями зон служили различные мотивы или пустые пространства. Орнамент наносился по венчику, шейке, плечикам и верхней части тулова, редко опускаясь за экватор. Существовала система в распределении определенных мотивов по частям сосуда. В васюганском типе керамики выделяется 6 групп (табл. 7).

Группа 1. Закрытые, реже открытые, банки, чаши с высоким, хорошо профилированным плечиком, широкогорлые горшки с короткой шейкой. Дно круглое или приотсренное. Венчик уплощенный. Ребристость тулова отсутствует (рис. 38). Поверхность сосудов обработана зубчатым предметом.

Орнаментирована верхняя часть сосудов. Набор элементов: ямки, гребенка (крупная, мелкая), гладкий штамп, змейка, мелкие лунки, фигурный и мелкий уголок, различные треугольники, ромбы, изредка скобки. Жемчужник отсутствует. Широко распространены горизонтальный, вертикальный и наклонный мотивы, горизонтальная елочка. Часто встречаются комбинированные ряды: из ямок — змеек, ямок — гладкого или гребенчатого штампов, много реже — комбинация из ямок и гребенчатых зигзагов. Сравнительно часто использовался паркетный мотив из треугольников и ромбов. Сложные пояса из меандровых фигур встречаются редко.

Данная группа локализовалась в Сургутском Приобье. Это III группа по М. В. Елькиной (1978, с. 112, рис. 5), I, II группы по Ю. П. Чемякину и В. П. Кара-таеву (1976) или II тип по Ю. П. Чемякину (1979).

Группа 2. Открытые и закрытые чаши, банки, широкогорлые горшки с низкой, чаще слегка отогнутой шейкой, с мягкой профилировкой высокого плечика. Тулово округлое, реже ребристое. Дно круглое или заостренное. Венчик уплощенный, заостренный, иногда слегка отогнут наружу (рис. 38, 3—7).

Сосуды сероглиняные, иногда желтоглиняные. В качестве отощителей глины применялся мелкозернистый песок и шамот. Обмазка из тонкодисперсных осветленных глини. Поверхность сосудов заглажена.

Орнаментированы чаще всего ниже экватора. Встречаются случаи орнаментации дна изнутри ямками, на поверхности выступающими жемчужинами. Набор элементов: ямки, крупные, реже мелкие, лунки, крупные гладкие уголки, стек, всех видов гребенчатый с преобладающим крупнозубового штампа, гладкий линейный и прямолинейный растянутый штампы. Появляется жемчужник. Основные мотивы: горизонтальный, наклонный, горизонтальная елочка, зигзагообразный, комбинированный, ленточный паркетный и меандровый. Для композиции характерно повторение однорядных или многорядных зигзаговых или комбинированных повторяющихся зон, разделенных горизонтальными гребенчатыми поясами. Причем комбинированный мотив состоял из зигзага—ямки или лунок. Пояса горизонтальной елочки чередовались с поясами ямок или лунок.

Группа 3. Открытые и закрытые чаши, широкогорлые горшки с высокой и низкой отогнутой и прямой шейкой, с мягким, плавным переходом высокого плечика в округлое, реже ребристое тулово. Придонная часть приплюснутая или вытянутая, дно круглое или приостренное. Венчик уплощенный, слегка скошен наружу или внутрь сосуда (рис. 39).

Сосуды сероглиняные с примесью песка и шамота, ангоб из тонкодисперсных глини. Поверхность обработана зубчатым предметом снаружи и внутри.

Орнаментированы в основном до экватора. Набор элементов: ямки, жемчужник, мелкие лунки, всех видов уголковый, гребенчатый и гладкий штампы, треугольники и шевроны. Широко распространены горизонтальные, наклонные, чуть реже вертикальные мотивы, зигзаг комбинированный, еще реже паркетный, ленточный, меандровый, фестоны, ромбовидный и группированный. Этой группе неизвестен только волнистый мотив.

Композиции характерно строгое чередование зон, уже заметная бордюренность орнаментального стиля. Обычно край сосуда украшали ряды насечек из гладкого или гребенчатого штампов, ниже пояс ямок или жемчужин, часто заменяющийся комбинированным рядом: ямка—жемчужник или ямка—гладкий или гребенчатый штампы. Ниже наносились наклонные, горизонтальные или вертикальные зоны из гребенки и гладкого штампа, зигзаги, ленты, меандры, чередующиеся с горн-

зонтакльными или паркетными зонами. Узор заключали обычно ряды ямок, жемчужин, ямочные фестоны («шайтанская рожа»).

Вторая и третья группы были генетически связаны и хронологически следовали одна за другой. Занимали эти группы обширный ареал всего Нарымского Приобья, доходя до широты р. Тары. Подобная керамика известна на Савельевском селище и городище Богатырские Бугры [Дульзон А. П., 1956, табл. III, VI—VIII], поселениях Нововасюганское, Тух-Эмтор IV [Кирюшин Ю. Ф., 1976], могильнике Новочекино 2 [Полосьмак Н. В., Молодин В. И., 1981, рис. 5], раннем комплексе Саровского городища [Чидина Л. А., 1978]. Ко второй группе относятся керамика поселения Малгет 5, находки с горы Кулайки и Рыбинского местонахождения (рис. 39).

Сравнение первой и третьей групп дает интересные результаты: большинство элементов, мотивов, композиционных особенностей сходны в обеих группах. Различия выражались в большей бедности элементов и отсутствии одного из ведущих штампов — жемчужника в первой группе. Зато в третьей группе не было змейки, которая в первой группе повторяла мотивы и композиции гребенчатых и гладких штампов.

Группа 4. Открытые и закрытые банки, широкогорлые всех известных вариантов горшки и чаши. Дно круглое, приостренное, уплощенное. Встречаются сосуды на поддоне и плоские блюда (рис. 42, 1, 3).

Сосуды сероглиняные, черноглиняные с примесью песка, дресвы, шамота. Ангоб из тонкодисперсных глини. Обработка поверхности проводилась зубчатым предметом снаружи и внутри, или же поверхность перед ангобированием тщательно заглаживалась.

Орнаментировалась верхняя часть сосуда не ниже экватора. Набор элементов: ямки, жемчужник, различного вида круглые штампы, мелкая лунка, скобка, стек, гладкий и фигурный уголки, гладкий и мелко-гребенчатый штампы. Преобладают горизонтальные и наклонные мотивы. Последние обычно из линейных штампов в виде насечек под венчиком или многорядных зон в центре композиции. Распространены фестоны из ямок. Находились иногда в центре композиции, но чаще за-

ключали узор. В этой группе выявляется одно-двухрядный волнистый мотив. Волна получалась путем протягивания зубчатого штампа или простого рисования уплощенной палочкой. Еще один нехарактерный для первых трех групп признак — наличие отступающей техники нанесения орнамента. Обычно это гладкий или круглый штамп, реже гребенка.

Композиции свойственна ярко выраженная зональность и разреженность узора. Последнее достигалось за счет применения в качестве разделительных зон пустых пространств или чередования художественно различных мотивов: например, ямочных или луночных поясов с волной и др.

В этой группе выделяются орнаменты с предельно лаконичной композицией из одного ряда ямок или жемчужин, иногда обогащенной за счет комбинирования двух элементов или соединения с гладким штампом. Четвертая группа была распространена по всему Среднему Приобью.

Группа 5. Распространены закрытые банки и чаши, широкогорлые горшки в основном высоких пропорций с низкой и высокой шейкой, с четкой профилировкой, с округлым и ребристым туловом. Открытые чаши, банки, низкие горшки встречаются реже. Появляются кувшинообразные сосуды с уплощенным или плоским дном и сосуды на поддонах (рис. 41). Набор элементов включает почти все известные виды, исключая резной. Некоторые элементы (змейка, розетка) имели местное значение. Доминирует уточка. Использовался в основном крупный гладкий и зубчатый штамп. Обычно многорядные повторяющиеся зоны уточек чередовались с паркетными поясами треугольников, горизонтальной гребенки, отступающего уголка, скобки, кружка, вертикальной уточки, рядами коротких лент из наклонных уточек (кое-где змеек). Заключали композицию характерные пояса из ямок, расположенных горизонтально, сгруппированных по две-три, фестонов или вертикальных поясов гребенки или гладкого штампа. По составу сопутствующих элементов, мотивам, композиции эта группа близка предыдущей.

Пятая группа занимала самый широкий ареал, когда-либо характерный васюганскому этапу. Причем локальные признаки в ней проявлялись слабее, чем в других группах.

Группа 6. Характерны немногочисленные банки и высокие горшки с высокой шейкой и плечиком, закрытые чаши. Другие формы единичны. На венчике появляется внутренний бортик (рис. 42, 6—12).

Набор элементов резко ограничился, штампы помельчали, существовали мелкая уточка, ямки, гладкий штамп, чаще стала встречаться змейка. Композиции характерна плотность узора и однообразие. Многорядные пояса уточек повторялись несколько раз. Разделителями служили паркетные или горизонтальные пояса треугольников, вертикально нанесенных уточек, змеек. Изредка встречается ленточный мотив: вертикальные короткие ленты из змеек наносились плотно друг к другу, почти сливаясь, что создавало видимость волны.

На памятниках васюганского этапа эта группа наиболее отчетливо представлена на Степановке I, IV, Степановском и Кижировском городищах и Каменном Мысу. Она занимала там незначительный процент: на всех степановских памятниках, например, 5,1%.

Саровский тип

Саровский тип керамики получил свое название по наиболее богатому культурно-хронологической информацией Саровскому городищу [Чинидина Л. А., 1973, 1978]. В Среднем Приобье на саровских памятниках, как и на васюганских, керамика в количественном отношении представлена неравномерно. Всего памятников, содержащих саровскую керамику, в Приобье зарегистрировано не менее 90, из них на рассматриваемый регион приходится 66. Из большинства известны только сборы. Большая выборка керамики представлена с таких памятников, как Дубровинский Борок 3, Ордынское I, Большой Лог, Потчеваш, Красноозерки, Шеломок I, Тимирязево III, Басандайка I, Малгет 6, Саровка. Значительная часть материалов не опубликована, поэтому детальная статистическая обработка по всему региону исключается, и количественные характеристики будут приводиться по конкретным памятникам, либо в приближенном виде.

Формирование нового типа керамики началось в недрах старого, что предопределило их тесную генетическую связь. Ряд характерных черт саровской керамики зародился в васюганской — основные формы сосудов, большая часть элементов и мотивов гребенчатой и фигурно-

штамповой орнаментации, обработка поверхности зубчатым предметом. Процесс перехода в новое качество осуществлялся двумя путями. С одной стороны, часть старых традиций с незначительными изменениями продолжала сосуществовать с новыми, с другой — новые черты возникли очень быстро, можно сказать, скачкообразно. В результате сложился новый тип керамики, характеризующийся определенным стереотипом признаков, четко отделяющий ее от предшествующего и последующего этапов.

Видовой состав форм не увеличился. По-прежнему это были высокие открытые и закрытые банки, низкие закрытые и открытые чаши, высокие широкогорлые горшки с низкой и высокой шейкой, высоким плечиком. Изменения касались, прежде всего, количественного соотношения различных форм. Значительно увеличился процент банок и чаш — до 50—55%, соответственно уменьшилось количество горшков. Изменились пропорции отдельных параметров в некоторых известных ранее формах. Так, среди банок появились сферические сосуды (с одинаковым уменьшением диаметров вверх и вниз от экватора) и митровидные (сосуды, диаметр придонной части которых шире экватора). Широко распространилась ребристость тулова у банок, неизвестная ранее.

Сосуды были остродонные, круглодонные, плоскодонные и на поддонах. Установить закономерность взаимосвязи общих форм с дном пока затруднительно, так как полностью восстановлено сосудов немного. Твердо можно сказать, что плоскодонных сосудов мало, а на поддонах вообще единицы. Горшкам, чашам, банкам присущи круглые, острые, плоские днища. Однако внутри видов отдельные варианты с формой дна увязывались по-разному, и здесь полной ясности пока нет. Прямая связь наблюдается между остродонностью и ребристостью тулова, для большинства вариантов характерны острое и круглое дно. Почти ничего нельзя сказать о плоскодонных вариантах, поскольку они редко встречаются. Два сосуда из Саровки в виде плоской ладьи с головой птицы (рис. 45, 9) свидетельствуют о том, что вариантность известна и плоскодонным сосудам. Сосуды на поддонах в Среднем Приобье полностью не восстановлены, так что судить о них трудно. Сами поддоны высокие, конические, в Саровке один поддон внутри орнаментирован. С большей натяжкой можно связать

с поддонами котел с ручками и сосуд из жилища 10а из поселения Малгет 6¹². Основная емкость этих сосудов типологически связывается с банками открытой и закрытой форм с четким ребром па тулове (рис. 45, 3).

Ярким культурно-хронологическим показателем саровской керамики является специфическая форма венчика сосудов: в подавляющем большинстве он скошен внутрь или горизонтально уплощен с нависающим внутрь бортиком (карнизиком). Карнизик появляется в переходное от васюганского этапа время (керамика группы б), существует долго и затем исчезает на разных территориях в разное время.

В позднекулайских орнаментах число элементов достигало значительного количества — 45—50. Процесс образования их шел путем увеличения вариантности уже известных видов, их грацильности, трансформации. Это относится к гребенке, уточке, треугольнику, шеврону, ромбу, уголку, двух-, трехчленному штампу. Например, насчитывается 8 вариантов уточки, треугольника — 5, шеврона — 5 и т. п. Круглые штампы, наоборот, резко сокращают количество вариантов, осталась только глубокая и мелкая ямка. Практически исчез жемчужник и лунки. Очень редко встречалась розетка, немногочисленна змейка. Новым элементом в саровской керамике стал двух-, трехчленный штамп (из двух уголков и уточки). Как локальное явление распространяется крестовый штамп.

Мотивы сохраняются прежние, но сокращается их число до 11, исчезает горизонтальная елочка и ромбовидный. Самые распространенные мотивы — горизонтальный, волнистый, паркетный, вертикальный, наклонный. Редко встречаются меандровый, зигзагообразный, ленточный, эпизодически фестоны, группированный, комбинированный.

Горизонтальное расположение имели все элементы, вертикальное и наклонное — уточка, змейка, гребенчатый, гладкий и многочленный штампы. Волнистый состоял из протянутой гребенки, цепочки змеек или наклонных уточек. Паркетные мотивы составлялись из разнообраз-

---

¹² Поддон и верхняя часть котла сохранились частично и соединить их можно только по фактуре черепков. Котел мог быть и плоскодонным, хотя днище не обнаружено. То же самое можно сказать и о сосуде из жилища 10а.

ных элементов — треугольников, шевронов, уголков, гребенки, змеек. Меандры наносились гребенчатым штампом или уточкой.

Особенностью саровского типа является широкое распространение наряду со штампованной (печатной) отступающей техникой нанесения орнамента. В подавляющем большинстве это была гребенка и только эпизодически встречается отступающая змейка, уточка, ямки.

Орнаментировалась верхняя часть сосуда — венчик, шейка, плечики, иногда узор спускался за экватор. Для композиции характерна ярко выраженная бордюрированность. Верхняя кромка орнамента (обычно венчик и подвенчик) отличалась мотивами и элементами от последующих многорядных повторяющихся зон. В последних особенно распространен волнистый мотив. Иногда зона включала до 16 рядов волны, повторяясь по два — пять раз и чередуясь с паркетными, горизонтальными и наклонными поясами из гребенки, уточки, треугольников. Горизонтальный ряд ямок, как правило, наносился поверх уже имевшегося орнамента. Многократное чередование зон придавало саровскому орнаменту однообразие, монотонность.

О протекших изменениях в форме и орнаменте кулайской керамики наглядно видно на табл. 7¹³. В саровском типе произошла унификация, шаблонность форм и орнаментов. Некоторые изменения в формах были прямо связаны с орнаментальными особенностями: сосуды с ребристым, яйцевидным туловом обычно в композиции узора имели фигурные штампы и прежде всего уточку, сферическим банкам и чашам, наоборот, присущ орнамент, где уточка исчезает почти полностью.

Позднекулайская, саровская керамика занимала огромный регион Западной Сибири и известна под разными названиями — усть-полуйская, ярсалинская, спераповская, фоминская. Несмотря на ярко выраженную стандартность этой керамики, длительное существование на большой территории привело к образованию локально-хронологических групп.

¹³ В таблицу включены основные варианты орнаментов, которые характерны группам васюганской и саровской керамики. Формы взяты только наиболее распространенные, не включены сосуды на поддонах и ладьевидные из-за их редкой встречаемости и неполной восстановленности.

Выделившаяся на васюганском этапе группа 6 продолжала существовать и в саровское время¹⁴. Изменениям подверглась технология керамики и форма. Эти признаки в группе приобрели типично саровские черты: замена шамота дресвой, более высокое качество обжига, появление на венчике бортика.

Эта группа в Среднем Приобье распространилась широко, определенное время сосуществуя с другими позднекулайскими группами. В некоторых памятниках (Дубровинский Борок 3 и Красноозерки) она была почти единственной, что, скорее всего, объяснялось хронологическими причинами.

Группа 7. Закрытые (часто митровидных очертаний), реже открытые банки, изредка чаши, широкогорлые горшки с высокой или низкой шейкой, высоким венчиком, чаще ребристым яйцевидным туловом, дно прпостренное или круглое, венчик с нависающим бортиком (рис. 43, 44).

Орнаментированы в основном до экватора, хотя нередко орнамент покрывал верхнюю часть сосуда (упрощенный вариант) или доходил до придонной части (усложненный вариант). Набор элементов: гребенка, всех вариантов уточка, треугольники, уголки, шевроны, двух-, трехчленный штамп, скобка, змейка, ромб, ямки. Преобладают горизонтальные, вертикальные и наклонные мотивы, широко использовалось паркетное сочетание различных треугольников, змейки, уточки. Меандры и ленты — мало распространенные мотивы и преимущественно использовались в этой группе, зато волна здесь проходит лейтмотивом. Широко применялась отступающая техника.

Керамика седьмой группы являлась классической саровской и наряду с восьмой группой занимала огромный ареал — от предгорий Алтая до Ледовитого океана (табл. 8). При общем типовом единстве в ней имеются вариантные отличия, обусловленные прежде всего локальными и, по-видимому, хронологическими особенностями.

В Нижнем Приобье керамика, адекватная седьмой группе в усложненном варианте, имеет ряд элементов, неизвестных в Среднеобье — крестовый штамп, иные

---

¹⁴ Дальнейшая нумерация групп для удобства корреляции будет сквозной.

Типы и группы кулайской керамики в памятниках Приобья

Памятник	Васюганский тип					Пере- ходная	Саровский тип		
	1	2	3	4	5		6	7	8
Кафтанчиково								X	X
Шеломок I								X	X
Тимирязево III								X	X
Могильницкое II							X	X	
Усть-Толт							X	X	
Шеркалы 9, 10							X	X	
Усть-Полуй							X	X	
Потчеван							X	X	
Большой Лог							X	X	
Спераповка							X	X	
Саровка			X			X	X	X	
Красноозерки						X			
Дубровниский Бо- рок 3						X			
Клжирово					X	X			
Каменный Мыс					X	X			
Барсова Гора II/16					X	X			
Степановка IV				X	X	X	X		
Барсова Гора III				X	X	X			
Степановское гор.				X	X	X			
Степановка I				X	X				
Степановка II				X	X				
Барсова гора I/12			X	X	X				
Степановка III			X	X					
Савельевка			X	X					
Богатырские Буг- ры			X	X					
Малгет 5			X	X					
Новочекино 2			X	X					
Тух-Эмтор IV		X	X						
Новый Васюган		X	X						
Барсова Гора I/2, 6, 8, 13	X		X						

разновидности ромбического, розетки. Наряду с трехчленным широко бытует многочленный штамп (включает не одну, а две уточки). Волнистый мотив, хотя и широко распространен, но не так довлеет в композиции. Здесь эта керамика известна как ярсалинская [Чернецов В. Н., 1957].

В Верхнем Приобье в подавляющем большинстве распространяется упрощенный вариант седьмой группы, хотя есть небольшой процент сосудов со сложными композициями. Верхнеобской вариант позднекулайской керамики вошел в литературу как фоминский тип [Грязнов М. П., 1956; Троицкая Т. Н., 1979].

Группа 8. Открытые и закрытые банки, чаши, редко горшки. Венчик обычно скошен внутрь, изредка с нависающим бортиком. Поверхность чаще всего обработана зубчатым предметом (рис. 45).

Орнаментирована только верхняя часть сосудов. Набор орнаментов ограниченный: гребенка, уточка, ямки. Основные мотивы: вертикальный, наклонный, горизонтальный. Наклонной насечкой гребенки орнаментирован венчик. Одно-, двухрядные пояса наклонной или вертикальной гребенки чередовались между собой или рядом уточек. Ряд ямок обычно наносился в верхней части композиции.

Данная группа известна повсеместно и сопутствует другим группам на протяжении всего существования саровского типа. На финальном этапе в этой группе появляются зигзагообразные и елочные мотивы.

Группа 9. Открытые и закрытые (сферических очертаний) банки и чаши, горшки как исключение. Набор элементов: гребенка, уточка, различные шевроны, треугольники, ямки, трехчленный штамп. Господствуют горизонтальные, вертикальные, наклонные и паркетные мотивы. Обычно одно-, двухрядные пояса уточек, гребенки чередуются с паркетнорасположенными треугольниками и шевронами (рис. 46). Эта группа занимала Томское и Верхнее Приобье на финальном этапе кулайской культуры.

В ходе анализа кулайской керамики в общих чертах указывалось, что выделенные типы и группы внутри них носили декоративное, хронологическое или локальное свойство. К конкретным культурно-хронологическим особенностям керамики еще придется обращаться в дальнейшем неоднократно.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КУЛАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ХРОНОЛОГИЯ

Вопрос датировки кулайских древностей по-прежнему чрезвычайно злободневен. Без твердой хронологии невозможно будет разобраться в динамике внутреннего развития кулайской культуры, ее роли в ходе исторических событий, протекавших в Западной Сибири в эпоху раннего железа. Тем не менее о времени существования культуры, методах хронологического анализа единого мнения пока не сложилось. Долгое время, как известно, основные находки кулайского типа поступали исключительно из культовых мест, где столетиями скапливался разновременный инвентарь. Для датировки исследователям приходилось прибегать к привлечению широких, подчас отдаленных аналогий. К тому же о датировке отдельных вещей существовали противоречивые мнения. Все это снижало достоверность хронологических обоснований.

По мере накопления материала исследователи систематически обращались к хронологии как конкретных кулайских комплексов, так и культуры в целом. В результате появилось несколько вариантов датировок кулайской культуры.

Первую систематизацию и датировку кулайских древностей дал И. М. Мягков. На основании наконечников стрел, отнесенных к концу существования Анапийского могильника, одновременности ажурного литья и бронзовых котлов, наличия зеркал пьяноборского типа, топора подобного мишусинским, путем косвенного подтверждения датировок имеющихся в Ишимском кладе китайских зеркал династии Хань, бляхи позднеэллинистического времени с изображением Дианы в кладе Истяцких юрт, золоченых бус из кургана 15 Чувашского Мыса он отнес культуру ко II в. до н. э. — IV в. н. э. [Мягков И. М., 1929, с. 73, 78].

В. Н. Чернецов вопросами кулайской культуры занимался позднее [Чернецов, 1953, с. 223, 388], к тому времени была пересмотрена абсолютная хронология А. В. Шмидта для ананьино-пьяноборских памятников [Шмидт А. В., 1927; Збруев А. В., 1952; Смирнов А. П., 1952]. На основании аналогий кулайским стрелам в Коцевогорском городище В. Н. Чернецов (1953, с. 228) определил дату культуры в рамках IV в. до н. э. — I в. н. э.

Р. А. Ураев (1956, 1959) считал, что его предшественники значительно занизили время существования кулайской культуры. Им были объединены в культурный комплекс помимо кулайских, описанных И. М. Мягковым, памятники середины — второй половины I тыс. н. э.: Ишимской и Елыкаевской коллекций, а также могильников Томского и у Архиерейской заимки. Кулайская культура, по его мнению, начинает складываться где-то в начале н. э., достигает наивысшего расцвета в середине I тыс. н. э. [Ураев Р. А., 1956, с. 331; 1959, с. 24].

Значительно позднее аналогичную точку зрения высказал А. А. Каприелов (1974). Он пришел к заключению¹⁵, что все исследуемые им изображения (имеются в виду кулайские, усть-полуйские, релкинские. — Л. Ч.) относятся к V—X вв. н. э. [Каприелов А. А., 1974, с. 131]. Правда, в силу своего отрицательного отношения к существованию кулайской культуры как таковой термин «кулайские» автор не использует.

В. А. Могильников датировал кулайскую культуру началом V в. до н. э. — I в. н. э., позднее верхнюю дату он продлил до середины I тыс. н. э. [Могильников В. А., 1968, 1969, 1970]. Ранний период существования культуры он определял южным импортом: бронзовыми котлами и скульптурой кабана, обвитого змеей, из кулайских комплексов и кулайскими наконечниками стрел, синхронных ананьину. В. А. Могильников (1968) справедливо возражал Р. А. Ураеву, указывая, что комплекс ранних вещей в Елыкаевском культовом месте — это анахронизм и определять по ним дату культуры поздним временем неверно. Позднее эту точку зрения исследователь подкрепил новыми материалами, обратив внимание на отсутствие изображений кулайского типа в могильни-

---

¹⁵ К сожалению, обоснования своей точки зрения автор не приводит.

ках второй половины I тыс. н. э. и находками из Среднего Прииртышья [Могильников В. А., 1970, с. 187; 1978, с. 87—88].

Исследованием кулайской культуры специально занимался М. Ф. Косарев (1969, 1974). Отмечая сложность хронологической интерпретации кулайских древностей, автор указывал на консервативность культур таежного Приобья, которая нашла отражение в длительном переживании стилистической специфики бронзового литья и многовековой преемственности орнаментальных традиций. Поэтому, справедливо замечает ученый, при формальном подходе к датировке исследователь с одинаковым успехом может удреветить или, наоборот, подтянуть дату раннего комплекса к позднему [Косарев М. Ф., 1974, с. 144]. Хронологию кулайских древностей М. Ф. Косарев определял в основном по предметам немногочисленного среднесазнатского и южносибирского импорта и на основании родственности и синхронности с усть-полуийской культурой в рамках середины I тыс. до н. э. — середины I тыс. н. э. [Косарев М. Ф., 1974, с. 145—146]. При этом он, как и его предшественники, старается делать упор на комплексное нахождение датируемых вещей. Возражение вызывает использование для датировки проушного топора с р. Васюгана. Еще Н. М. Мягков (1929, с. 56) отмечал неизвестность условий находки, а приобретение его Л. А. Зинченко вместе с ажурным литьем еще не доказывает их комплексность. Хотя отрицать возможность сосуществования всех этих вещей тоже нет оснований. По-видимому, следовало оговорить возможную случайность попадания топора в комплекс и не опираться на него как на наиболее ранний предмет для датировки без контролирующего материала.

На первых порах исследования кулайской культуры, когда она была представлена жертвенными памятниками и случайными вещами, предметы импорта играли основную роль в датировках. Другим контролирующим направлением были поиски кулайских вещей в памятниках соседних культур с относительно твердой хронологией. Хронологические параллели находили в скифских, ананьинских, сарматских, тагарских, таштыкских материалах.

Можно ли датировать кулайские комплексы по предметам импортного производства? Насколько они случайны, когда попали в комплекс?

С резкой критикой использования ранних тагарских вещей как датирующих выступили А. И. Мартынов и Г. С. Мартынова (1978). По их мнению, изделия V—III вв.—проушной топор с Васюгана, плоскообушковый граненый дунаевский чекан, зеркало с кнопкой на четырех ножках, котлы на поддонах — могли попасть на кулайскую территорию только на позднем этапе лесостепной тагарской культуры, когда под натиском гушнов тагарцы во II—I вв. до н. э. появились в Томском Приобье. Только после этого начала складываться кулайская культура. Что касается ранних вещей в кулайских комплексах, то, по мнению авторов, ошибочно и совершенно неверно по ним определять хронологию: «Даже в известных сейчас погребениях назаровского и шестаковского этапов... всегда наряду с поздними предметами III, II—I вв. до н. э. присутствует какое-то количество ранних тагарских предметов VI—IV вв. Однако они не дают оснований для датировки» [Мартынов А. И., Мартынова Г. С., 1978, с. 27]. Поднятый авторами вопрос о возможности сосуществования разновременных вещей в комплексе в известной мере риторический. Более того, в кулайских комплексах действительно есть разновременные материалы. Например, в Пиковке спокойно уживаются тагарское зеркало с кнопкой на четырех ножках V—IV вв. до н. э. [II тип по Членовой Н. Л., 1967, с. 84, 86], медальон с изображением парфянского царя Готарза I, правившего в I в. до н. э., и птицевидный идол позднекулайского типа, возникшего не ранее II в. н. э. Очевидно, что это поздний комплекс. Но как быть с собственно Кулайкой, ведь там весь импорт (зеркала, котлы на поддонах, скульптура кабана) раннего времени, да и кулайские стрелы IV—III вв. до н. э. И почему ранние тагарские вещи не могли попасть в Среднее Приобье в период их бытования? Очевидно, над авторами довлел субъективный фактор. Стремясь доказать хронологию этапов движения тагарцев на северо-запад, они исключили возможность связей развитого тагара с лесостепными и лесными районами Западной Сибири. А ведь в период расцвета тагарской культуры, когда Алтай и Минусинская котловина являлись основными поставщиками бронзового сырья на северо-запад, южный импорт более реален, чем тогда, когда бронза и у самих тагарцев выходит из употребления и заменяется новым метал-

лом. Думается, что исследователи, учитывающие хронологические различия импорта на кулайской территории, «в методико-методологическом аспекте» меньше погрешили против общих исторических закономерностей, чем их оппоненты. К слову сказать, ранние связи тагарцев с Томским Приобьем никак не исключают предложенной авторами схемы хода исторических событий в тагаро-таштыкский период, связанных с натиском гуннов и вынужденной миграцией динлинов на северо-запад.

Удачный опыт хронологического анализа кулайских древностей был проведен на основе прежде всего погребальных комплексов Новосибирского Приобья. Т. Н. Троицкая (1979) рассмотрела историю населения Новосибирского Приобья с момента прихода туда кулайцев в конце III в. до н. э. по III в. н. э. и выделила в Новосибирском районе три этапа. Эти локальные этапы в определенной степени, как увидим позднее, отражали общую динамику развития культуры. Однако исследование одного периферийного района культуры на ограниченном временном отрезке не решает хронологической проблемы в целом.

Исследования релкинской культуры, находки кулайских комплексов литья, керамики, датирующих вещей в Нарымском Приобье дали возможность автору настоящей работы разработать вначале относительную, затем абсолютную хронологию типов керамики с фигурно-штамповой орнаментацией. Васюганский и саровский типы отражали два этапа в развитии кулайской культуры. Васюганский (раппекулайский) этап на основании полученного материала был отнесен к V—II вв. до н. э. Сложнее было с датировкой саровского этапа, так как в комплексах Нарымского Приобья и сопредельных территорий отсутствовали вещи с достоверной датировкой. Хронология этапа устанавливалась в значительной мере относительная: между концом васюганского этапа и началом релкинской культуры — II в. до н. э. — V в. н. э. [Чиндипа Л. А., 1970, 1973, 1973а, 1977, 1978]. Предложенное деление на этапы и их хронология в основном были приняты и использованы исследователями [Могильников В. А., 1973, 1974, 1978; Троицкая Т. Н., 1979; Федорова Н. В., 1978]. Однако этим важным положениям недоставало развернутой аргументации с привлечением широкого сравнительного материала. Дальнейшие исследова-

дования автора направлены в значительной мере на заполнение этой лакуны.

Кулайский инвентарь можно по месту производства разделить на три группы.

Первая группа специфически местных форм самая массовая: керамика, культовое литье, некоторые виды оружия, хозяйственно-бытовые изделия, украшения.

Вторая группа также значительная по объему и объединяет вещи общераспространенных видов — ножи, кельты, чеканы, клевцы, мечи. Место их производства установить не всегда возможно, но, судя по декору, наличию литейных форм, ясно, что большинство из этих вещей изготовлялось на месте по известным образцам.

Третья группа, незначительная по количеству, несомненно, импортного происхождения: бронзовые котлы, круглые бляшки, зеркала, парфянский медальон, бронзовый проушной топор, изображение кабана, обвитого змеей, бусы. В раздел классификации эти вещи не включены как инокультурные, и большинство из них детально анализировались в литературе.

Наиболее ранним является проушной топор с Васюгана [Мягков И. М., 1929, с. 64; Косарев М. Ф., 1974, с. 143]. В кулайской и бундюрской коллекциях известно несколько круглых блях с концентрическим орнаментом. Время их существования относят к V—III вв. до н. э. [Андреев Г. П., 1971, с. 45—47; Мартынов А. П., 1979, с. 54—55; Плетнева Л. М., 1977, с. 81]. Зеркала с кнопкой на четырех ножках из Кулайки и Пиковки распространялись в скифо-тагарском мире в V—IV вв. до н. э. [Члепова Н. Л., 1967, с. 86]. Несколько позднее использовались сарматские зеркала с утолщенным ободком и короткой ручкой-штырем из Кулайки—IV—II вв. [Мошкова М. Г., 1963, с. 43; Могильников В. П., 1972, с. 77]. Бронзовые котлы известны в Кулайке, Бундюре, обломки найдены на поселениях Степановка I, IV, Тимирязево I, Кижирово. Бронзовые котлы имели широкий хронологический диапазон — с VIII в. до н. э. до средневековья. Попытка разработать хронологию котлов предпринималась неоднократно [Члепова Н. Л., 1967].

Однако в значительной степени до сих пор возможна относительная датировка: котлы на конических поддонах полусферической формы, с вертикальными ручками появляются в VIII—VII вв., котлы без поддонов с горизон-

талыми ручками не ранее сакского времени [Боковенко Н. А., 1981, с. 49; Кызласов Л. Р., 1960].

Среди широкого многообразия кулайского инвентаря можно выделить серии, которые имеют сравнительно четкую и твердую хронологию. В число ведущих взяты бронзовые ножи, кельты, бусы — они распространены широко, их хронология разработана. Кроме того, они известны в погребальных комплексах и контролируются другими сериями. Второе место занимает оружие — наконечники стрел, железные копья, мечи, чеканы, клевцы. Здесь приходится опираться на общую типолого-хронологическую схему. Взаимоконтроль в этом случае не всегда возможен, так как большая часть предметов поступила из жертвенников или обнаружена случайно. Культовые места существовали долго. В них встречались вещи архаичных форм и поздние. Пожертвование могло быть сделано старыми, реликтовыми вещами, не имевшими хождения в период возникновения памятника. Учитывая две эти возможности, была проведена типолого-хронологическая корреляция кулайских серий. В результате получено четыре хронологических блока вещей (табл. 9).

В первую группу входят пластинчатые ножи, кельты без орнамента или с обедненным узором (I), архаичные трехперые стрелы с массивной втулкой (1а). Датируется группа VI—V вв. до н. э. Переходными в следующую группу можно считать зауженные ножи с выгнутой спинкой и прямым лезвием (2) и дунаевский чекан с граненым бойком (V—IV вв.). В эту же группу входят бронзовые трехперые копья.

Вторая группа — IV—III вв. до н. э. В нее входят кроме переходных предметов кулайские кельты (I, 1) и стрелы (I. б, в, г). Переходными были чеканы с округлым бойком (парабельский, кижировский).

Третья группа — II в. до н. э. — III в. н. э. В нее входят девять серий вещей, известных в кулайских памятниках (табл. 9). Значительная часть вещей с переходной датировкой — I—II вв. или II—III вв. Хронологический разброс здесь проступает явственней. Выделяются серии II—I вв. до н. э. и более поздние, а также серия I в. до н. э. — I в. н. э. Все серии сосуществовали, но одни возникли раньше (мелкие железные стрелы, клевцы и копья второй группы), другие позже и продолжали функ-

		Предметы																							
Век		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	
		Пожи бронзовые (I)	Кельты (I)	Стрелы бронзовые (1.а)	Копья бронзовые	Чекан (I)	Нож бронзовые (2)	Кельты (II, I)	Стрелы бронзовые (1, б, 2, в, г)	Чеканы (2)	Мечи с серповид. наверхнем	Бусы позолоченные одинарные	Стрелы мелкие железные	Кельты (II, 2)	Стрелы бронзовые (3)	Бусы позолоченные двухчастные	Клепцы железные	Копья ярусные железные (2.а, б, в)	Стрелы железные ярусные	Стрелы плоские	Бусы позолоченные кр.	Копья узкие (1)	Мечи	Палаш	
н. э.	V																								
	IV																								
	III																								
	II																								
	I										X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X
	до н. э.																								
	I									X	X	X	X	X	X	X	X	X	X						
	II									X	?	X	X												
	III						X	X	X	X															
	IV				X	X	X	X	X																
	V	X	X	X	X	X	X	X	X																
	VI	X	X	X	?																				

Примечание. Цифровые и буквенные обозначения в скобках соответствуют нумерации, данной при классификации в тексте.

ционировать в то время, как первые уже вышли из употребления (золоченые двухчастные бусы, железные ярусные трехлопастные стрелы). Есть серни, существовавшие недолго — I в. до н. э. — I в. н. э. — кельты с рамчатой орнаментальной заставкой (II, 2), мечи с серповидным навершьем и прямым перекрестьем. Они как бы связывают две первые серни.

Четвертая группа — II—V вв. Она более компактна, хотя и здесь есть переходные серни: те же ярусные стрелы, крупные золоченые бусы.

Предметы импорта включены в серни комплекса, в котором они встречаются.

Следующий этап процедуры хронологического исследования заключается в сопоставлении имеющихся серий с культурноопределяющим материалом. В случае с кулайской культурой это керамика и культовое литье. К сожалению, не все выделенные серни встречаются совместно с керамикой и литьем, поэтому дополнительно привлекаются датирующие материалы, выходящие за пределы Среднего Приобья. В частности, взяты данные из могильников Шеркалинский, Татарские могилки, Ближние Елбаны VII (BE-VII).

Керамика васюганского типа 1, 2, 3-й групп датируется VI—V вв. до н. э. по архаичным стрелам, ранним кельтам (1-я группа) и ножам (1-я группа) из Барсовских памятников, поселений Тух-Эмтор IV, Нововасюганское и могильника Новочекино 2 (табл. 10).

Группа 4, возникнув, вероятно, не ранее V в. до н. э., просуществовала вплоть до III в. до н. э. включительно. Во II в. до н. э. она уже исчезает и в могильнике Каменный Мыс она почти не встречается. Возможно, в Нарымском Приобье она функционировала и во II в. до н. э.

На рубеже V—IV вв. появляется группа 5 с фигурноштамповой орнаментацией васюганского типа. Она встречается в могильнике Каменный Мыс, Степановском городище, поселениях Степановка I, Кижпровское в комплексе с ножами группы 2 и кельтами типа II, группы 2, классическими кулайскими стрелами, чеканом с округлым бойком и золочеными одинарными бусами. Во II в. до н. э. исчезает и с сернями I в. до н. э. она уже не встречается.

Группа 6 с мелким плотным штампом и исчезнувшим жемчужником является переходной к саровской кера-

Хронология кулайской керамики

1	IV—V вв. до н. э.			V—III вв.	IV—II вв.			II I вв.	I в. до н. э. — II в. н. э.			II—IV вв. н. э.					
	Стрелы (1, а)	Кельты (1)	Пожи (1)	Пожи (2)	Кельты (II, 1)	Стрелы (1, б, 2, в, г)	Чеканы	Бусы нозолоч. один.	Бусы позол. двухчастн.	Меч с серповидным навершьем	Кельты (II, 2)	Стрелы (3)	Бусы позолоч. крупн.	Накладки	Гофриров. проинзки	Ножи цельнолитые	
3	2	1	6	7	8	9	11	15	10	13	14	20	—	—	—	—	
Саровский тип	9															X	X
	8									X	X	X	X	X	X	X	X
	7								X	X	X	X	X	X	X	X	X
Переходная	6						X	X	X	X							
Васюганский тип	5			X	X	X	X	X									
	4		X	X	X	X	X										
	3	X	X	X													
	2	X	X														
	1			X													

Примечание. Цифровые и буквенные обозначения соответствуют нумерации в тексте, нумерация граф табл. 10 — нумерации граф в табл. 9.

мике. Возникла она еще в период бытования группы 5 на рубеже III—II вв. до н. э., но широко распространяется позднее. Как уже говорилось, в Дубровинском Борке 3, Красноозерском поселении и Ордынском I могильнике эта группа является единственной среди посуды с фигурно-штамповой орнаментацией и сосуществует с сериями I в. до н. э. — I в. н. э.: золочеными бусами, кельтами (II, 2), стрелами (II, 3) и, судя по изображению на панцирной пластине из Дубровинского Борка 3, с мечами с серповидным навершьем.

Хронологию керамики васюганского типа, полученную сравнительно-типологическим методом, подтверждают радиоуглеродные датировки некоторых кулайских комплексов. Определения проведены в Институте геохимии и физики АН СССР под руководством Н. И. Ковалюха (1980).

Самая ранняя дата известна из поселения Степановка II—середина V в. до н. э. (2420 ± 110). В этом поселении процентное соотношение керамики выделенных групп¹⁶ следующее: группа 4—68,5, группа 5—31,2, нет 2, 3 и 6-й групп. Степановка I по C^{14} датируется 2290 ± 70 . Здесь же другая расстановка групп керамики: группа 4—73%, группа 5—15,3%, группа 6—10,7%. Позднее возникло и просуществовало дольше других поселение Степановка IV— 2280 ± 100 и 2250 ± 60 . Именно на нем впервые появляется саровский тип. Распределение по группам: группа 4—45,4%; группа 5—19,5%; группа 6—4,3% и группа 7—30,4%.

Саровский тип керамики в чистом виде получен с Саровского городища. Самая ранняя дата городища 2060 ± 40 и поздняя 1830 ± 25 . На памятнике широко представлены группы 6, 7, 8. Судя по хронологии Шеркалинского могильника, БЕ-VII и Татарским могилкам, хронология саровского типа (группы 7, 8) охватывает не только полученные радиоуглеродные даты, но и распространяется на более позднее время вплоть до IV в. н. э. Об этом свидетельствуют поздние золоченые крупные

---

¹⁶ По классификации керамики степановских памятников в общекулайскую 4-ю группу входят 1-я и 2-я группы [Чиндина Л. А., 1982].

бусы, гофрированные пропизки, бронзовые ножи III—IV вв.

Группа 9 совместно с группой 8 упрощенного варианта известна на поселении Шеломок I и городище Тимирязево III. Имеющиеся радиоуглеродные даты соответственно 1690 ± 30 и 1600 ± 70 . Находки керамики группы 9 в БЕ-VII и Татарских могилках в комплексе с гофрированными пропизками и цельнолитыми ножами также согласуются с полученной датировкой IV в.

Таким образом, керамика васюганского типа функционировала в пределах VI—II вв. до н. э., саровского типа — I в. до н. э. — IV в. н. э.

Культовое литье датировать значительно труднее, чем другие категории кулайских источников, из-за его специфичности. Однако выделение разных типов литья в значительной степени облегчает эту задачу, так как различия обуславливались не только функциональными причинами, но и хронологическими.

Прежде всего необходимо еще раз обратить внимание на особую систему концентрации типов в культовых памятниках (табл. 11). В подавляющем большинстве I тип (ажурное литье) и IV тип (полые павершья) сосуществуют на одних и тех же памятниках. Там, где распространены II и III типы (орнитоантропоморфные), I и IV встречаются редко. Особенно наглядно это видно из сравнения крупных серий из Кулайского и Кривошеинского культовых мест, с одной стороны, и Мурлинского, Парабельского и Истяцкого — с другой. В Истяцкой коллекции ажурных предметов нет вообще, в Мурлинской и Парабельской их единицы.

Корреляция типов литья с соответствующими датированными сериями вещей и керамикой (табл. 11) обнаруживает три хронологических блока: V—III вв. до н. э.; II в. до н. э. — II в. н. э. и II—IV—V вв. Полые павершья (IV тип) и особая группа плоских птицевидных идолов (II тип) являются переходными от I к III типу. Находки ажурного литья в жилищных комплексах со стрелами, ножами и кельтами и с керамикой васюганского типа (поселения Степановка I, Тимирязево I, городища Степановское, Богочановское, Барсовское III/6) дают полное основание говорить, что I тип литья возник и господствовал в пределах V—III вв. до н. э. По-видимому, где-то во II в. до н. э. зарождается плоское орнитоморф-

ное литье и первые его серии представлены II типом. В жилищном комплексе изображение птицы, относящееся к этому типу, известно только из Барсова городка III/6 (рис. 36, 5). Наиболее многочисленны изображения II типа в Мурлинском кладе. Сопутствующие вещи не выходят за пределы II в. до н. э. и тяготеют к рубежу эр. Это обломок пятижгутовой эполетообразной застёжки [Чернецов В. Н., 1953, с. 152]. Такой тип застёжки появляется не ранее I в. до н. э. Наконечники стрел относятся к более поздним формам: по краю лопастей имеется характерная заточка, жальца не плоские, как раньше, а граненые. На латунных пластинках выгравирован орнамент, широко распространенный на изделиях поздней кулайкп. Ажурные, ранние изображения, известные в кладе, становятся уже пережиточным, традиционным явлением.

III тип изображений возник не ранее III в. В культовых коллекциях конкретно с этим типом можно связать поздние серии вещей (мечи, палаши, наконечники стрел, копья), но условно, так как стратиграфическая и планиграфическая ситуация залегания находок в культурном слое неизвестна. Закрытых комплексов с керамикой и изображением III типа в Среднем Приобье также пока нет. Известную роль в хронологии типа могут сыграть материалы Верхнего Приобья.

Художественный стиль III типа отличается от плоского кулайского литья первых двух типов рельефностью, шлифовкой и дополнительной декоративной обработкой внешней поверхности. Начинает внедряться система шнуровой или зернистой окантовки крыльев и хвоста птиц, нанесение «жемчужного» ожерелья. Такая художественная обработка бронзовых изделий появляется не ранее III в. Теперь у всех изделий на обороте есть петля для шнура. В плане датировки интересны два изображения из Парабели и Пиковки, входящие в серию трехголовых, разновидных (2.a), в которых по бокам от центральной головы изображались головы журавля или лебедя (рис. 37, 7, 8). Рельефная техника исполнения, характерный изгиб шеи и опущенный на грудь клюв до деталей повторяют подобные изображения на ножнах могильников БЕ-VII и Татарские могилки [Грязнов М. П., 1956, табл. L1, 13, 14; Уманский А. П., 1974, с. 145, рис. 6, 5]. Все три могилы содержали саровскую керамику груп-

Локально-хронологическая характеристика кулайских изображений

Памятник	Изображения																	
	I тип									IV тип		II тип		III тип				
	1	2	3	4	5	6	7	8/	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
	Лоси (I, 1)	Птицы (I, 3)	Хищник (I, 2)	Древовидное (II)	Лицпа (III, 1)	Фигура (III, 2)	Сложная фигура (IV, 1)	Решетки (IV, 2, 3)	Рука	Полые	Орнитоантропоморфные (1)	Особая группа (а, б, в)	Одноголовые (1)	Трехголовые одновидовые (2, а)	Трехголовые разновидовые (2, б)	Волки (3)	Лицпы	Веденки

Каменный Мыс								X										
Басандайка				X														
Кижирово							X	X										
Напас						X												
Шайтанка				X		X												
Самусь IV	X	X																
Самусь II	X																	
Рыбнское						X	X											
Степановский клад						X		X										
Кулайка	X	X		X	X	X	X			X							X	
Кривошениское культовое место	X	X	X	X		X	X											
Бакчар	X					X	X			X								
Тимрязово I	X	X								X								
Степановское городище	X							X										
Степановка I						X												
Богочапово	X						X	X										

Таблица 11

Памятник	Сопутствующий инвентарь																	
	V—III вв. до н. э.								II вв. до н. э.—II в. н. э.				II—IV—V вв.					
	Стрелы (I, 6, 2)	Ножи (2)	Кельты (II, 1)	Зеркало на ножках	Бляшки круглые	Зеркало с ручкой	Керамика (4, 5)	Иноземная бляшка	Кельты (II, 2)	Чекан	Кинжал	Стрелы (3)	Копья железные	Стрелы железные плоские	Клевы	Мечи, палаши	Доспех	Стрелы трехлопастные
	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36

Каменный Мыс									X									
Басандайка																		
Кижирово																		
Напае																		
Шайтанка																		
Самусь IV																		
Самусь II																		
Рыбнское																		
Степановский клад	X																	
Кулайка	X			X	X	X												
Кривошеинское культовое место																		
Бакчар	X																	
Тимрязов I	X								X									
Степановское городище	X		X															
Степановка I	X	X							X									
Богочаново	X								X									

Памятник	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
Барсовское III/6			X	X							X							
Бундюр							X			X	X							
Нюрса									X	X								
Чижапка										X			X					
Пиковка										X						X		
Мурлинский клад	X	X			X							X						
Парабель- ское культо- вое место	X	X					X	X		X	X	X	X	X	X		X	
Истяцкий клад												X	X	X	X	X	X	X

Примечание. Литеры в скобках соответствуют нумерации, данной в тексте при классификации.

пы 8 упрощенного варианта (фоминская по М. П. Грязнову). Наиболее твердо датируются Татарские могилки — III—IV вв.

Особенности художественного стиля, позднее появление III типа литья приближают его к изображениям раннесредневекового, релкпинского времени.

Таким образом, кулайское культовое литье существовало в пределах V в. до н. э. — IV в. н. э.; III тип явился переходным к релкинской культуре.

Из корреляции с литьем выпадает хронологическая серия вещей VI—V вв. до н. э. Нигде на памятниках этого времени культовые предметы пока не встречены. Возможно, в VI в. до н. э. они еще не появились. В литературе существует мнение, что культовые предметы, типологически близкие кулайским, появились в эпоху бронзы [Сыркина Л. М., Матющенко В. П., 1969; Косарев М. Ф., 1981, с. 101]. Речь идет о коллекции литья с поселения Самусь IV. Л. М. Плетнева, исследуя кулайские комплексы Томского Приобья, на наш взгляд, совершенно справедливо возражает против объединения этих предметов с комплексом самусьской культуры [Плетнева Л. М., 1978, с. 56].

Памятник	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	
Барсовское III/6	X							X											
Бундюр				X															
Нюрса																			
Чижапка																			
Пиковка								X					X						
Мурлинский клад											X	X							
Парабель- ское культо- вое место														X	X	X	X	X	X
Истяцкий клад									X										X

Заключая хронологический анализ кулайских древностей, необходимо остановиться на датировке специфических изделий из кости — гребнях и ложках (рис. 28). В могильниках эти предметы встречаются редко (Каменный Мыс, БЕ-VII). Основная масса их найдена на городищах. Такая закономерность объясняется особенностями верований кулайцев, связанных с использованием городищ как святилищ. Туда приносили в дар духам сакральные предметы, к которым принадлежали гребни и ложки. Появление этих предметов, судя по находкам из Каменного Мыса, можно отнести ко II в. до н. э. Однако распространились они позднее, в начале нашей эры. На городищах им сопутствует типично саровская керамика (Саровка, Большой Лог, Дубровинский Борок 3, Сперановка, Усть-Полуй). В БЕ-VII, Саровке, Дубровинском Борке 3, Усть-Полуе они встречаются с гофрированными пронизками, накладками с выпуклыми кругами и шнуровым кантом, золочеными крупными бусами и поздними бронзовыми стрелами. Перечисленные украшения хорошо датируются материалами Шеркалинского могильника I—III вв.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ КУЛАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Единого мнения относительно происхождения кулайской культуры пока не сложилось. Хотя подавляющая часть исследователей считает ее продуктом развития местных культур эпохи бронзы, еще не договорились, что это были за культуры, как шел процесс образования новой культуры.

Наличие южных признаков в кулайской культуре (стиль свернувшегося животного в бронзовом художественном литье, наличие некоторых бронзовых предметов южного происхождения, степные традиции в орнаменте) также объясняется по-разному: 1) южные черты кулайской культуры — это пришлые степные традиции эпохи бронзы. Но и здесь спорят о времени их появления, этапах развития, степени воздействия на лесные традиции; 2) южные признаки у кулайцев возникли под воздействием на местные культуры тагаро-таштыкских традиций.

В предложенных гипотезах происхождения культуры нет четкости в выборе факторов, влиявших на смену и формирование культуры, есть расхождения в определении прародины кулайцев. Краткий обзор мнений даст более конкретную картину состояния вопроса на современном этапе исследования.

И. М. Мягков считал, что корни культуры Кулайки следует искать в культурах местных, а не в древностях Минусинского края, хотя некоторая связь с культурами «коллективных погребений» и намечается [Мягков И. М., 1929, с. 78]. Далее, говоря о культурной специфике кулайских древностей, он указывает на то, что предшествующая культура носила степной характер, обусловленный климатическими изменениями в эпоху бронзы. В кулайское время культура стала преимущественно лесной. Степное влияние в Кулайке выразилось, по его мнению, в распространении «скифских» котлов и степных композиций свернувшегося зверя.

Позднее М. Ф. Косарев (1969, 1974) присоединился к точке зрения И. М. Мягкова о степном компоненте в кулайской культуре, появившемся под воздействием климатических изменений в эпоху бронзы. Кулайская культура сложилась в Нарымском Приобье на основе

еловских андроновидных традиций и лесных самусьских, ярко отразившихся в молчановской культуре. Еще не располагая керамическими кулайскими комплексами, он высказал предположение, подтвердившееся позднее, о том, что кулайская керамика, коль скоро она будет найдена, должна сочетать в орнаменте геометрические штампы и элементы, издревле характерные для местной таежной керамики (1964; 1974, с. 140—141). Далее М. Ф. Косарев подчеркивает, что, несмотря на известное сходство некоторых кулайских бронзовых изделий (котлы, чеканы, копыя) со скифо-тагарскими, не следует преувеличивать влияние культур железного века на формирование кулайского медно-бронзового литья. В основе своей оно было местным, а вещей, безусловно, южного происхождения на территории культуры встречено лишь единицы. Они попали сюда в результате обмена [Косарев М. Ф., 1974, с. 141—143].

В. П. Матющенко, полемизируя с М. Ф. Косаревым о причинах южных миграций на север, выступил против абсолютизации одной из причин — смены ландшафтных зон. Не менее важную роль в передвижении населения во второй — первой половине I тыс. до н. э. в пределах лесостепи сыграл переход к производящим видам хозяйства. Южное влияние на эти территории, по его мнению, нельзя ограничивать только временем поздней бронзы (еловско-молчановским). Еще в самусьское время внедряется первая группа южных черт, которая вместе с самусьским компонентом вошла в состав кулайской культуры. Вторая волна южного, уже андроновидного влияния могла войти в кулайскую культуру через еловцев и молчановцев [Матющенко В. П., 1978, с. 4, 6, 7].

В. А. Могильников считает, что основу кулайской культуры составили местные лесные племена типа самусьских, в состав которых в эпоху поздней бронзы вошла некоторая группа лесостепного населения, изменившая облик хозяйства аборигенов. Он выступает против преувеличения роли степного компонента в формировании кулайской культуры, являвшейся по своему облику типично лесной, если судить по составу кулайского литья, отражавшего идеологию и образ жизни таежных охотников [Могильников В. А., 1970, с. 188—189].

Другая группа исследователей считает, что южное влияние в кулайское время было значительным и связывает его с тагаро-таштыкским миром [Кызласов Л. Р., 1960, с. 173; Мартынов А. И., Мартынова Г. С., 1978]. По мнению А. И. Мартынова и Г. С. Мартыновой, кулайская общность сложилась в Томско-Нарымском Приобье на базе местной предшествующей культуры скифского времени и более ранних традиций и приобрела своеобразие только под воздействием значительной инфильтрации тагаро-таштыкского населения на территорию Томского Приобья и Причулымья [Мартынов А. И., Мартынова Г. С., 1978, с. 30—32]. К сожалению, авторы не поясняют, что они имеют в виду под местными традициями, предшествующими позднеатагарским, и почему они не могли быть кулайскими.

Особняком стоит точка зрения о полной инородности, пришлом характере кулайской культуры в Среднем Приобье, высказанная Р. А. Ураевым. Генетическую связь кулайской культуры он видел с южносибирскими и алтайскими древностями: изображения животных продолжали традиции карасукцев и тагарцев, а изображения человека подражали южносибирским тюркским каменным бабам [Ураев Р. А., 1959, с. 22]. Произвольный набор аналогий кулайским древностям среди абсолютно разновременных материалов, о чем уже говорилось, сделал выводы исследователя недоказательными, обусловил непоследовательность, эклектичность позиций автора в решении этнокультурных проблем кулайской культуры, в том числе и проблемы происхождения.

В 70-е годы, когда, с одной стороны, в значительной степени проясняется культурная карта Приобья в эпоху поздней бронзы, с другой — появляются кулайские поселения и могильники с керамикой, поиск истоков и границ культуры стал более конкретным, хотя и не менее спорным. Нами было высказано предположение, что кулайская культура возникла в результате взаимодействия традиций еловской и молчановской культур и первым ее этапом стали носители васюганской керамики [Чиндина Л. А., 1970, 1973, 1978]. Подчеркивалась многокомпонентность кулайской культуры, обусловленная сложностью и культурогепезом Среднего Приобья, начиная с ранней бронзы [Чиндина Л. А., 1973, с. 171; 1978, с. 60]. О конкретном центре возникновения куль-

туры тогда сказать было трудно: керамика васюганского типа представляла сложную систему переплетения древних традиций и новых веяний и почти во всем Нарымском Приобье находила местные корни. Уже тогда было ясно, что ареал формирования кулайской керамики может оказаться шире Нарымского Приобья. Находки керамики васюганского типа в Сургутском Приобье, где ее выводили из местной основы [Елькина М. В., 1978, с. 117], подтверждали высказанные предположения.

Ю. Ф. Кирюшин, не соглашаясь с автором, считает, что васюганский тип сложился на позднееловской ямочно-гребенчатой основе керамики Васюганья и относится к собственно кулайской культуре: саровский тип генетически связан не с васюганской, а с молчановской керамикой. Возник он в результате взаимодействия носителей васюганской (кулайской) керамики с потомками молчановцев и представлял другую культуру [Кирюшин Ю. Ф., 1973, 1975].

Относительно саровского типа керамики точку зрения Ю. Ф. Кирюшина разделяет Л. М. Плетнева, которая считает ее родиной Причудлымье. Обоснованием этого послужили саровские орнаменты (признаки) — волна и отступающая техника, которые были характерны молчановской керамике. Кроме того, она считала, что керамика васюганского типа якобы неизвестна в Причудлымье, а саровская — в васюганских памятниках. Генетические связи этих двух типов она видит в общем для обоих типов еловском компоненте [Плетнева Л. М., 1973, с. 199].

К этим спорным моментам автору приходилось обращаться [Чиндина Л. А., 1978]. Сейчас только напомним, что ареал молчановской керамики шире, чем Причудлымье, а васюганская и саровская керамика была найдена на общей территории уже в момент выделения типов [Чиндина Л. А., 1973, табл. 4]. Это подтверждают и современные данные (ср.: рис. 1 и рис. 20). Более того, именно на Васюгане удается уловить изначальный момент появления саровского типа. Что касается преемственности традиций, то при анализе керамики мы уже отмечали наличие общей отступающей техники нанесения орнамента, волнистого мотива, сочетание уточки с треугольниками, волной и гребенкой (см. табл. 6).

Речь может идти о доминанте признаков, но это ни в коей мере не может отрицать генетической преемственности. Л. М. Плетнева права, предполагая возможное временное сосуществование двух типов. Теперь это особенно ярко доказано находками керамики обоих типов в Степановском IV поселении и Саровском городище. Однако и этот факт не доказывает отсутствия между типами генетической связи. Скорее здесь наблюдается элемент стабильности в развитии, когда старая форма выражения традиции еще не утратила своего значения, а новая уже заявила о себе. При этом любопытно отметить, что новые признаки проявляются с какой-то нарочитостью, подчеркнутостью, с преувеличением обычных норм, чего в период господства саровского типа уже не наблюдается, например, на керамике Степановки IV чрезвычайная многорядность волны (до 20), паркетных мотивов и частая повторяемость зон. Гипертрофичность в период становления нового — закономерное явление.

Таким образом, очевидно, что, несмотря на расхождения по каким-то конкретным моментам, исследователи едины в том, что основной исходный компонент кулайской культуры был местным. Решение вопроса происхождения культуры зависит прежде всего от решения проблем культур позднебронзового и переходного периодов в Среднем Приобье.

Для времени перехода от бронзового века к железному, судя по последним исследованиям, характерно широкое распространение по всей лесной территории Западной Сибири крестово-струйчатой орнаментации керамики, вызванное возрастанием влияния северных культур и продвижения ее носителей в южных направлениях. В результате на огромных пространствах зауральской и западносибирской тайги возникла гаманомолчановская общность [Косарев М. Ф., 1981, с. 194]. Как можно заметить, влияние крестово-струйчатой традиции на разных территориях было различным, как и сила противодействия ей со стороны предшествующих местных культур.

В Среднем Приобье в переходное время, по мнению М. Ф. Косарева и Ю. Ф. Кирюшина, существовали две культуры. В правобережье — молчановская, возникшая на словеской основе с андроновидным геометризмом под

воздействием северной крестово-струйчатой традиции. В левобережье существовала позднееловская культура с преобладающей ямочно-гребенчатой традицией и затухающим геометризмом, почти не осложненная инокультурным воздействием [Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М., 1979, с. 107, 160; Косарев М. Ф., 1981, с. 194, 199]. Если учесть, что вокруг образовались культуры с крестовыми традициями (потомки северной атлымской, западной прииртышеской красноозерского облика, завьяловской на юге и молчановской на востоке), получается, что Васюганье оказалось местом, где сохранился реликт словеской культуры с возродившимися древними ямочно-гребенчатыми чертами. Он выразился, по Ю. Ф. Кирюшину (1979, с. 96), в керамике седьмой группы. Отрицая молчановское воздействие, он считает, что из этой группы ведет свое начало нововасюганская¹⁷, уже кулайская, керамика с четко выраженной ямочно-гребенчатой традицией [Кирюшин Ю. Ф., 1976].

Точка зрения на культуру левобережья, высказанная Ю. Ф. Кирюшиным и принятая М. Ф. Косаревым, не имеет за собой твердых позиций. Во-первых, выясняется, что традиции крестово-струйчатой керамики известны в левобережье и не как эпизоды. Керамика молчановского облика найдена на Степановских памятниках р. Васюгана и на Тух-Сигатском комплексе. Интересно, что на том же поселении Малгет, где наиболее ярко представлена позднееловская керамика седьмой группы, выделяется и молчановский комплекс [Чиндина Л. А., 1971и, 1979и; Евдокимова Г. В., 1973]. Поэтому говорить о Васюганье как регионе, не тронутом инокультурным крестово-струйчатым воздействием, не приходится. Во-вторых, приведенные Ю. Ф. Кирюшиным доказательства в пользу хронологической последовательности позднееловской керамики седьмой группы и нововасюганской имеют серьезную уязвимость. Седьмая группа датируется им началом I тыс. до н. э., что в общем-то укладывается в хронологию сопровождающего материала. Нововасюганская посуда по находкам трехлопастных наконечников стрел с массивной втулкой справедливо отнесена им ко времени не ранее VI в. до н. э. [Кирюшин Ю. Ф., 1975, с. 46]. Таким образом, намечается значительный хронологический разрыв. Попытка заполнить его удревнением

¹⁷ По нашей классификации речь идет о керамике 2-й и 3-й групп.

вышеназванных стрел неверна, так как проведена на основе сравнения типологически различных трехлопастных кулайских стрел с двухлопастными листовидными из поселения Большой Лог эпохи бронзы X—VIII в. до н. э. [Кирюшин Ю. Ф., 1975, с. 45]. По-видимому, эту хронологическую лакуну и заполняла молчановская или близкая ей культура.

Мы не отрицаем несомненного возрождения во второй и третьей группах (или нововасюганской) раннекулайской керамики ямочно-гребенчатых традиций. Но также несомненно и то, что этот процесс проходил при участии молчановских традиций, отразившихся в отступающей технике, паркетных и волнообразных мотивах и общих для обеих орнаментальных направлений андроновидных черт. Последние в кулайское время приняли вначале форму составных из гребенки меандров, взаимопроникающих треугольников, превратившись в дальнейшем в фигурные штампы (уточка, меандры, треугольники). Все эти процессы регенерации и трансформации общих в основе традиций в период зарождения и формирования кулайской культуры охватили все Нарымское Приобье: правобережье и левобережье. Керамика третьей группы есть в памятниках Тыма (Богатырские Бугры), Кети (Рыбинское), Большой Саровки и других правых притоков Оби.

В ареал формирования кулайской культуры входило и Сургутское Приобье. В этой связи интересно обратиться к керамике первой группы, представляющей в какой-то мере сургутский вариант. М. В. Елькина, исследовавшая керамику Барсовского комплекса, пришла к выводу об автохтонности развития керамики Сургутского Приобья от позднееловской через крестово-струйчатую, близкую молчановской и кулайской с фигурным штампом уточка. Сургутское и Нарымское Приобье рассматривается ею как единый район одной общности [Елькина М. В., 1978]. Действительно, выделенные группы керамики отражают те же этапы, ту же линию культурного развития, что и в Нарымском Приобье.

Ю. П. Чемякин не согласен с точкой зрения М. В. Елькиной о включении сургутской территории в ареал зарождения кулайской культуры. По его мнению, керамика II типа с орнаментом змейкой, гребенкой, ямкой (по нашей классификации группа I), уходящая корнями в

предшествующую атлымскую [Васильев Е.А., 1982], представляла самостоятельное образование и принадлежала новой белоярской культуре. В IV—III вв. до н. э. сюда из Нарымского Приобья пришли носители керамики с жемчужником и уточкой (васюганский тип) и создали сургутскую культуру [Чемякин Ю. П., 1980, 1971, 1981]. Отличия сургутской керамики II типа (белоярская культура) от Нарымской (группа 3 по нашей классификации) он видит в наличии штампа змейки и отсутствии жемчужника.

Однако эти различия по двум признакам не нарушают единства в целом складывающейся орнаментальной традиции на заре раннего железа в Нарымско-Сургутском Приобье, выразившейся в общих мотивах и композициях, а также единстве подавляющего большинства элементов. К тому же жемчужник на керамике группы 4 редок и в Принарымье, а сургутская змейка не смогла вытеснить единого гребенчатого направления. Существование локальных различий естественно для такого большого региона, тем более в период становления новой культуры.

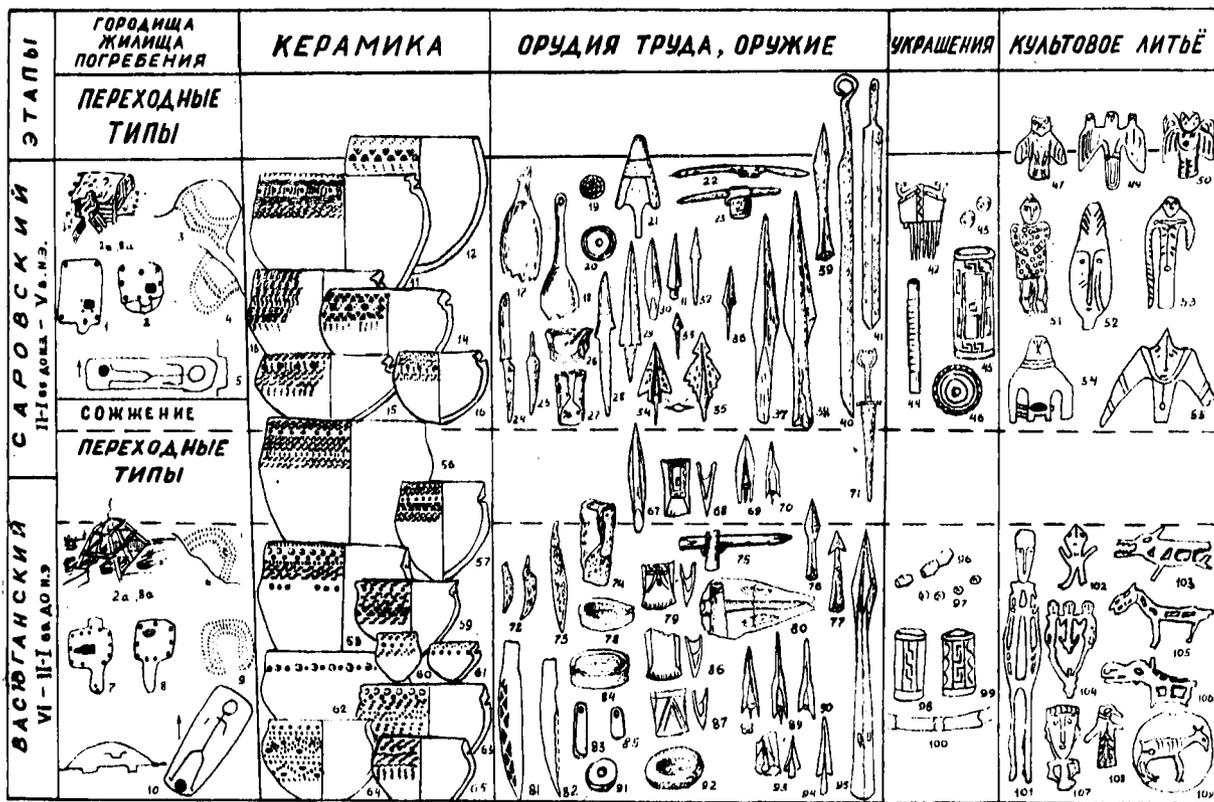
Решая проблемы преемственности и смены культур, исследователи вольно или невольно отвлекаются от общенсторической обстановки и абсолютизируют отдельные факторы, влиявшие на эти процессы. Берется во внимание либо смена населения, либо последовательное развитие традиций с хорошо улавливаемыми звеньями, либо культурные влияния, либо природные катаклизмы, либо стаднальное скачкообразное развитие. Такой подход правильно не осветит хода исторических процессов, проходивших в западносибирских культурах в пору внедрения нового металла. По-видимому, все эти факторы так или иначе присутствовали в период формирования и развития кулайской культуры. Иногда они сосуществовали почти все в комплексе, иногда доминировал один или два фактора при отсутствии или слабой пульсации других, т. е. наблюдается процесс развития во всей его сложности, многообразии и противоречивости. Лакуны непрерывной эволюции в преемственности между молчановской или позднеатлымской керамикой при формировании 1, 2, 3-й групп кулайской керамики или между этими группами и последующей 5-й группой объясняются не общим нарушением всей традиции, вызванным приходом

нового населения, а постоянным взаимодействием, приспособлением двух традиций поздней бронзы в новое время, в новых условиях. Идут поиски новых форм выражения традиций, своего рода адаптация к кулайской системе. Иногда это происходило в форме качественного скачка. Например, орнаментация меандровыми штампами потенциально существовала в позднебронзовых рисованных меандрах, затем в ранневасюганской керамике в виде составных меандровых фигур, в период расцвета кулайской орнаментации, превратившись окончательно в штампы двухчленные, уточку, паркетный треугольник. Нельзя забывать о том, что культура формировалась хотя и самостоятельно, но не изолированно от соседней среды. Появлялись какие-то эпохальные признаки, подражания новым влияниям. В кулайской керамике это фигурно-штамповая техника как явление, жемчужник, широко распространенные в Западной Сибири, приспособленные к кулайским условиям. Наследуя древние традиции (ямочно-гребенчатые, геометрические, отступающе струйчатые), кулайская керамика представляла качественно новое явление. В результате длительной трансформации к V—IV вв. до н. э. сформировался четкий стереотип, выразившийся в появлении 4-й и 5-й групп керамики.

Анализ кулайских источников свидетельствует о том, что остатки материальной культуры в разной степени отражали все области жизни и деятельности кулайского общества на разных этапах развития (табл. 12).

Первый этап, раннекулайский, или васюганский, охватывал длительный период — VI—II—I вв. до н. э. Территория памятников локализовалась в Нарымско-Сургутском Приобье. На севере граница проходила по широте р. Агана, на западе — по водоразделу Иртыша и Васюгана, на юге она доходила до Тары и Чулыма, на востоке включала правобережье Оби, по-видимому, до Енисея. Из-за малого числа памятников положение с восточной границей пока неясно. В то время зародилась и сформировалась система стереотипов, присущих только кулайской культуре. И хотя в исследовании культуры еще далеко не все ясно, четко выделяется своеобразная керамика, культовое литье, особое оружие, комплекс жилищ со специфическими признаками. Погребальный обряд известен мало и только на периферии

Этапы развития кулайской культуры

1, 12, 11, 63 — Малгет 6; 3, 13, 14, 15, 18, 19, 20, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 37, 42, 43, 67, 69 — Саровка; 4 — Дубровинский Борок 3, 5, 44, 46, 48 — Шеркалинский могильник; 6, 58, 59, 88, 97 — Степановское городище; 7, 8, 60, 61, 62, 78, 81, 82, 90, 102 — Степановское поселение I; 9, 65 — Барсова Гора III/6; 10, 74, 76, 77, 79, 83, 85, 96, 99, 100 — могильник Камешный Мыс; 17 — Большой Лог; 21 — Истяжский клад; 22, 23, 33, 34, 35,

36, 38, 39, 40, 41, 47, 49, 50, 51, 52, 54, 55, 70 — Парабельское культовое место; 45 — Завьялово I; 53 — Мурлинский клад; 56, 57, 92 — Степановское IV поселение; 71 — Ишимская коллекция; 64, 93 — Нововасюганское поселение; 72, 84 — Шаманский Мыс; 73 — Тимирязевское I поселение; 75, 95 — Дунаево; 80, 96, 98 — Кажирово; 86 — Молодежное; 87 — Пабеги; 88 — Ордынское I; 89, 94, 104, 105, 106, 108, 109 — Кулайка; 101 — Напас; 103 — Васюган

культуры, к тому же конца васюганского этапа, поэтому в культурной характеристике может быть использован в ограниченном объеме. Тем не менее и он весьма показателен и органично связан со всей культурной системой.

Поселения возникали на берегах небольших рек, недалеко от устья. В незатопляемых местах они функционировали круглый год, в низинах — только в определенное время года. Небольшие поселки из 3—10 полуземных жилищ, расположенных кучно, рассредоточивались недалеко друг от друга, занимая побережье на сотни метров. Среди этого скопления поселений были одно — два ородища.

Керамика васюганского этапа включает шесть групп, т. е. весь васюганский тип в динамическом процессе. В период зарождения и формирования типа в орнаментации васюганской керамики преобладают ямочно-гребенчатые элементы: гребенка используется в основном крупнозубая, с усиленным концом, круглый штамп разных видов, большое место занимают лунки, треугольники и ромбы. Мотивы в подавляющем большинстве горизонтальные, наклонные, елочка, зигзаги, комбинированные, паркетные.

Основное место на первых порах занимали группы 1, 2, 3, довольно рано появилась группа 4. Последняя была долго — с IV в. до н. э., сосуществует с группой 5 какое-то время с переходной группой 6. В керамике 4—6-й групп слабо проявляются локальные признаки. Во всяком случае их невозможно уловить в орнаментации и только форма дает указания на некоторые территориальные различия: в Томском Приобье, судя по материалам Каменного Мыса и Дубровинского Борка 3, шире распространена плоскодонность, вариации горшководных сосудов.

Следующий важный стереотип кулайской культуры на васюганском этапе представлен ажурным односторонним плоским литьем I-типа. Он, как указывалось, включал в себя зоо- и антропоморфные фигуры. К изобразительным особенностям относятся ярко выраженная стилизация, полиморфизм с реалистической детализацией. Причем иногда двумя—тремя признаками отражается натура: голова лося с характерной горбоносостью морды, массивной губой, слегка уплощенная, вытянутая, зубастая голова щуки и т. д. По-видимому,

с III в. до н. э. появляется III тип полых изображений — навершеный.

Четкое своеобразие приобретает раннекулайское оружие, выразившееся в формах, декорировке. Кулайский тип крупных втульчатых трехлопастных стрел в любом варианте был в широком употреблении только у кулайцев. Единичные находки таких стрел в памятниках других культур говорят о каких-то связях, но не меняют положения в целом. Отмечавшаяся ни с чем не сравнимая вариантность изящных ракетобразных кулайских стрел говорит о стремлении и умении выделить их среди известных тогда типов. Но и по боевым качествам они отражали культурную специфику. Целесообразность форм, крупные размеры объясняются их предназначением для прицельного боя в лесной, пересеченной местности. Баллистические свойства стрел свидетельствуют о выработанной тактике военных действий рассыпными малыми группами. Та же цель преследовалась кулайцами и в изготовлении своеобразных трехперых копий, не имеющих в это время нигде аналогий.

Своеобразие керамики, оружия, культового литья, орнамента в целом, который встречался на самых разнообразных изделиях (топорах, чекалах, пряслицах, украшениях), отразило культурное самосознание кулайцев. С одной стороны, выявленный стереотип материнской и духовной культуры объединял кулайские памятники в единую культуру, с другой — противопоставлял ее соседним культурам и прежде всего входившим в мощное скифо-сибирское единство.

Несомненно существовали контакты с соседями и носили обменный характер. Появление некоторых вещей явно неместного, южного происхождения — бронзовые котлы, топор с р. Васюгана, дунаевский чекан, парфянские бляхи — отражали только обменные связи, но не проникновение в Нарымское Приобье тагарского или большебереченского населения.

В конце III в. до н. э. кулайцы продвигаются на юг и занимают территорию Томского Приобья от Нижнего Чулыма до Новосибирска (рис. 48).

Второй этап позднекулайский, или саровский, охватывает период II—I вв. до н. э. — V в. н. э. На это время приходится массовые миграции кулайцев в разных направлениях и максимальное расширение границ их

расселения. Они заняли таежные территории Нижнего Приобья вплоть до Обской губы, появились в низовьях р. Таз. На юге кулайцы расселились по ленточным борам до верховьев Оби, на юго-востоке — до Чулымской лесостепи, на западе заняли правобережье Нижнего и Среднего Иртыша, на юго-западе — междуречье Оми и Тары (рис. 48). Расселение заняло не менее 200 лет. За это время на обширной территории лесного Приобья сложилась кулайская общность с культурным центром в Среднем Приобье и локальными вариантами на юге и севере.

На саровском этапе кулайская культура достигает расцвета. Завершается процесс полной перестройки материально-технической базы — железо становится основным промышленным сырьем для изготовления ведущих орудий труда и оружия.

Война стала играть большую роль в жизни кулайцев. Укрепления позднекулайских городищ становятся мощнее, появляются двойные валы, рвы, система подземных ходов. Совершенствуется оружие: распространяются железные длинные мечи, палаши, копья, наконечники стрел. Причем оружие приобретает общераспространенные формы, теряя свою кулайскую самобытность.

Керамика, культовое литье, орнамент по-прежнему сохраняют культурное своеобразие, хотя и значительно меняются по сравнению с васюганским этапом в результате внутреннего процесса развития.

Керамика объединила переходные 6, 7, 8, 9-ю группы. Для саровской орнаментации характерно дальнейшее развитие фигурных штампов (большой процент уточки, особенно зубчатой, треугольников), заметное их мельчание, уплотнение, широкое распространение волны. Ярким диагностическим признаком является карнизообразной формы венчик. В этой орнаментации ярче проступают локальные особенности: в Нижнем Приобье распространяются усложненные формы орнаментов 7-й группы с доминированием многочисленных штампов, в Томском Приобье, наоборот, бытуют упрощенные варианты 7-й, 8-й групп и в конце существования культуры господствует 9-я группа.

Изменения в культовом литье касались сюжета и техники. Основным сюжетом становятся образцы хищ-

ных птиц и человека, ажурность заменяется сплошным плоским и рельефным литьем II и III типов.

Усиливаются обменные и культурные связи, особенно с кочевыми и полукочевыми культурами юга. Кулайцы все активнее включаются в общий ход социально-политической жизни эпохи раннего железа.

ЭКОНОМИКА

К характеристике экономики кулайского общества необходимо подходить исторически. Решающим фактором в определении хозяйственного типа является природная среда, в которой формировалось и развивалось это общество. За длительный срок существования кулайская культура многократно меняла границы, занимая различные географические районы Западной Сибири. Это, несомненно, отразилось на особенностях экономики как в процессе развития, так и в хозяйственной специализации локальных районов.

По современному районированию [Григор Г. Г., Земцов А. А., 1961; Земцов А. А., 1976] территория формирования кулайской культуры — Нарымско-Сургутское Приобье — занимала две подзоны тайги: среднюю с кедрово-сосновыми заболоченными лесами и подзолистыми почвами и южную с хвойно-березовыми лесами и дерново-подзолистыми почвами. В период интенсивных миграций пути кулайцев лежали на юг в подзону лиственных лесов и отчасти в зону лесостепи по ленточным борам далеко на юг до Горного Алтая. На севере они проникли на значительные территории плоскоравнинной тайги и лесотундры.

Время существования культуры — вторая половина I тыс. до н. э. — первая половина I тыс. н. э. — относится к субатлантическому периоду голоцена (3000—1000 лет назад). С одной стороны, субатлантический период, по современным данным, определяется как более или менее единый этап развития природных условий Западной Сибири с общей климатической тенденцией к похолоданию [Хотинский Н. А. и др., 1979, с. 10—12]. С другой — этому времени, как и предшествующим периодам, характерна многовековая и внутривековая изменчивость: похолодания сменялись потеплением, хотя масштабы термических изменений были слабее, чем

в более ранние эпохи голоцена. Тем не менее смена сухих и влажных периодов приводила к замене одного леса другим, росту заболоченности территории и локальному преобразованию рельефа равнины [Земцов А. А., 1976; Хотинский Н. А., 1982, с. 146; Волкова В. С., Левина Т. П., 1982; Лисе О. Л., Березина Н. А., 1982]. Кроме того, процессе наступления болот на лес был связан не только с глобальными климатическими изменениями. Он свойствен самой природе взаимоотношений лесов и лугов в таежной зоне. Развитие лесной растительности приводило к понижению летних температур, что уменьшало величину испарения и приводило к избыточной увлажненности и заболачиванию обширных площадей Обь-Иртышского бассейна [Ефимова Л. П. и др., 1975, с. 94]. Все это, несомненно, отражалось на продуктивности экологической среды, тем самым предопределяя поведение и экономическую основу кулайского общества.

Разработанная М. Ф. Косаревым (1980) схема природно-хозяйственных типов в Западной Сибири для культур эпохи бронзы в целом соответствует и эпохе раннего железного века. Кулайское население входило в область традиционно присваивающей экономики и комплексной — присваивающе-производящей — с многоотраслевым хозяйством. Экономика кулайцев всегда и везде была комплексной, если учесть, что они занимались таким сугубо производящим производством, как скотоводство, металлургия и металлообработка. Вопрос заключается в том, где, когда потенциал производящих форм доминировал.

В общих чертах можно сказать, что в Нарымско-Сургутском Приобье присваивающие отрасли всегда господствовали над производящими. В Томском Приобье и Прииртышье соотношение было другим — скотоводство, отчасти земледелие все активнее становятся в один ряд с рыболовством и охотой, особенно на финальных этапах культуры.

Рыболовство

Западно-Сибирская равнина — страна болот и тысяч озер. Только в Сургутском полесье насчитывается 14389 озер общей площадью 823400 га [Земцов А. А., 1976, с. 226]. Все озера пойменные, материковые, богаты

рыбой, особенно незаморные, имеющие выход к речной системе. С учетом придаточных водоемов типа проток, мелких речек, которые, например, в Томской области имеют акваторию около 52124 га [Иоганзен Б. Г., 1971, с. 43], площадь промысловых угодий резко увеличивается.

Такая гидрологическая ситуация определила одну из основных отраслей хозяйства кулайцев — рыболовство, обеспечивающее население наиболее надежные, стабильные пищевые ресурсы.

Топография кулайских памятников в этом плане весьма показательна — поселения основывались по берегам озер и мелких водоемов. Ихтиологический анализ материалов поселений свидетельствует о повсеместном широком распространении рыболовства. Практически на всех более или менее изученных поселенческих памятниках обнаружены кости рыб. Массовое количество ископаемой ихтиофауны содержится в комплексах саровского этапа. На Саровском, Степановском, Усть-Полуйском городищах, в Дубровинском Борке 3 и Большом Логу рыба чешуя, кости залегали в культурном слое мощными пластами. Видовой состав рыбы детально изучен на Саровском городище¹⁸. Костные остатки принадлежали 9 видам, 1 860 особям (табл. 13). Процентное соотношение неодинаковое. Первое место занимает окунь¹⁹, затем щука и плотва. Некоторые виды представлены единичными экземплярами (осетр, нельма, карась, стерлядь). Однако считать, что такое соотношение отражало реальную, тем более, повсеместную картину, пока преждевременно. В значительной степени видовой состав зависел от того, какие виды рыб населяли эксплуатируемые водоемы. Трудно, например, предположить, что поселившиеся на берегах Томи в урочище Шеломок кулайские племена отлавливали исключительно другие виды рыб, в отличие от их предшественников, добывавших характерные для Томи того времени породы: нель-

¹⁸ Определения проведены в лаборатории гидробиологии и рыбодоводства НИИ ББ ТГУ В. К. Вершининым и А. Н. Гундризером.

¹⁹ Расхождение в соотношении со статьей А. Н. Гундризера и В. К. Вершинина (1979), где первое место занимает щука, объясняется тем, что в момент написания работы авторы еще не располагали всем имеющимся материалом. Однако в данной ситуации подобное расхождение не принципиально.

му, муксуна, осетра [Гундризер А. Н., Вершинин В. К., 1979, с. 27—28]. По-видимому, в обыденной жизни большое значение имели плотва, окунь, повсеместно использовавшиеся для приготовления ухи, мукки, клея. Остатки,

Таблица 13

Видовой и количественный состав ихтиофауны с Саровского городища

	Щука	Окунь	Плотва	Налим	Язь	Осетр	Карась	Нельма	Стерлядь	Итого
Количество	741	891	146	51	28	5	2	1	1	1860
%	39,8	47,8	7,8	2,7	1,5	0,2	0,1	0,05	0,05	100

скорее всего ухи, обнаружены в сосудах, стоявших в очагах жилищ 10 и 35 поселения Малгет 6 [Чиндина Л. А., 1972, 1977г] и сопровождавших погребенного в Каменном Мысу [Троицкая Т. Н., 1979, с. 55].

О способах лова археологические источники говорят мало. Массовый промысел мелкоразмерной рыбы (10—30 см в длину), большое количество каменных грузил на памятниках с абсолютной определенностью свидетельствуют о наличии сетевого лова. Сетями неводили, перегораживали узкие проточные водоемы. Гарпунный способ применялся для отлова крупноразмерной рыбы. На Саровском городище, например, часто встречались остатки костей, принадлежавшие некогда щуке, налиму, осетру размерами от 60 до 120 см длиной.

Гарпуны в подавляющем большинстве изготовлялись из кости (рис. 27, 5, 13), изредка из бронзы [Старцева Л. М., 1966, рис. 1]. Вероятно, существовали запорная и ловушечная системы добычи рыбы, по данным о них пока нет.

Массовый рыбный промысел был сезонным, обычно в весенне-летнюю пору. В такое время рыбные продукты заготавливались впрок, были почти единственным источником питания. Интересно, что в саровских жилищах поселения Малгет 6 сохранились в значительном количестве только остатки рыб. Исключительно компактные, аккуратные очаги в этих жилищах заполнены многочисленными вкраплениями вареных костей рыбы.

Охота составляла одно из основных направлений кулайской экономики. В Нарымско-Сургутском Приобье она занимала равное положение с рыболовством, а на васюганском этапе, по-видимому, доминировала. Об этом до некоторой степени свидетельствует огромное количество костей млекопитающих, особенно в очагах раннекулайских жилищ и сравнительно низкий процент ихтиологических остатков. Например, если сравнить остеологические материалы Саровского городища и степановских памятников, то оказывается, что на городище обнаружены кости рыб не менее 1 860 особей, в то время как со всего Степановского комплекса едва набирается два десятка. Названная закономерность хорошо согласуется с данными геоморфологии и палеоботаники. В позднем голоцене, около 2000—2500 лет назад начался третий этап в преобразовании рельефа Западно-Сибирской равнины, когда климат стал более влажным. Активное заболачивание, приrost озер и придаточных водоемов привели к деградации лесов²⁰ [Земцов А. А., 1976, с. 214, 222—224]. Площади охотничьих угодий значительно сокращаются, зато увеличиваются рыболовческие.

С миграцией кулайцев в южные и западные районы значение охоты на новых местах постепенно сокращается, но все же долгое время является одной из важных отраслей комплексного хозяйства, что хорошо прослежено на материалах Новосибирского Приобья [Троицкая Т. Н., 1979, с. 54—55].

На всем протяжении существования кулайской культуры практиковался сезонный способ промысла, который сложился еще в эпоху бронзы [Косарев М. Ф., 1980], сохранялся и продолжал развиваться и после кулайцев [Чиндрина Л. А., 1976].

---

²⁰ Отсутствие пограничного горизонта дало основание Р. С. Ильяну (1930) предположить, что еще в голоцене во время существования кулайской культуры на месте Васюганского болота была лесостепь. Современные данные не подтверждают лесостепного характера растительности — здесь была лесная зона [Ефимова Л. П. и др., 1975, с. 89; Земцов А. А., 1976, с. 215]. Но авторы единодушны во мнении о позднем образовании Васюганского болота и поглощении им лесных массивов начиная с эпохи бронзы.

Охота обеспечивала общество мясными продуктами, жиром, шкурами, сырьем для костяных и роговых изделий и т. п. В кулайское время развивается специализированный промысел пушного зверя для торгового обмена.

Судя по данным спорово-пыльцевого анализа, Нарымское Приобье в позднем голоцене было таежным районом с темнохвойной растительностью [Ефимова Л. П. и др., 1975]. Кедрово-еловые леса, чередовавшиеся с сосновыми борами, были лучшими биотопами для распространения промысловых животных — медведя, соболя, россомахи, лося и др. Палеонтологические исследования полностью подтверждаются остеологическими материалами, полученными с кулайских памятников. Они лучше изучены, чем ихтиофауна, и позволяют дать более развернутую и конкретную характеристику охотничьего хозяйства.

Климатические изменения в таежном Обь-Иртыше, связанные с увлажнением климата и интенсивным заболачиванием территории, охватили и другие районы Западной Сибири. Облесение больших массивов на юге приводило к свертыванию скотоводческого хозяйства, господствовавшего в большереченское время [Грязнов М. П., 1956; Троицкая Т. Н., 1979]. Пришедшие сюда кулайцы в значительной мере могли заниматься традиционными видами хозяйства, хотя и с заметной специализацией.

Повсеместной и распространенной была охота на лося. Это крупное животное давало до 600 кг мяса, прочные шкуры, поделочную кость и рог. Не случайно кости или рога лося найдены во всех изученных кулайских памятниках (табл. 14). По определению Н. М. Ермоловой, кости лося принадлежали различным частям скелета и являлись кухонными остатками [Ермолова Н. М., 1980, с. 11].

Наиболее ярко значение лося для кулайцев отразилось в изобразительном искусстве. Его образ запечатлен в бронзовом литье, графике, скульптуре, в петроглифах. Такое повышенное внимание объяснялось не только эстетическими побуждениями. Могучая, величавая сила и красота «великого зверя» действительно поражала воображение. Но главная причина заключалась в конкретно-материалистическом мировоззрении древнего человека. Лось занял центральное место в промысловом

культе кулайцев, так как был для них источником жизни. Не случайно в подавляющем большинстве среди изображений всех видов фигурирует лосиха. Это и глиняная степановская скульптура (рис. 19, 1), цепочка лосих па савельевском сосуде (рис. 19, 2), множество ажурных

Таблица 14

Видовой состав остеологических материалов кулайских памятников

	Степановское I пос.	Степановское II пос.	Степановское IV пос.	Каменный Мыс, мог.	Саровское гор.	Дубровинский Борок 3, гор.	Усть-Полуй, гор.	Усть-Прень, гор.	Большой Лог
Лошадь	X		X	X	X			X	
Овца				X		X		X	X
Корова				X		X		X	
Собака				X	X	X	X		
Лось	X	X	X	X	X	X	X	X	X
Олень					X		X	X	X
Косуля								X	X
Медведь	X								
Бобр					X	X	X	X	X
Соболь	X				X	X	X		
Барсук					X	X			
Росомаха					X	X			
Белка, лица					X	X	X		
Заяц				X	X	X	X		
Птицы	X			X	X	X	X		
Жженные кости	X	X	X						
Рыба	X	X			X	X	X		

Примечание. Определения остеологического материала проведены В. П. Данильченко, Н. М. Ермоловой, С. С. Москвитиним.

изображений Кулайки, Парабели (рис. 15), Новоромановской и Томской писаниц [Окладников А. П., Мартынов А. П., 1972]. Забота о размножении зверя отразилась в изображениях беременной или рожаящей лосихи, ма-

тери — продолжательницы рода (Кривошеинский клад, Кулайка, Томская писаница).

Высокий процент в хозяйстве занимала охота на пушного зверя. В распределении костных остатков по памятникам заметна некоторая приуроченность отдельных видов к географическим районам, местам постоянного обитания²¹. Например, кости песца встречаются только в северных памятниках, барсук, россомаха — в зоне южной тайги. Хронологическую специфику проследить сложнее, так как большинство костей васюганских памятников сильно раздроблены и пережжены.

Процентное соотношение костных остатков неодинаково. Кости лисицы, белки есть на трех из четырех сравниваемых саровских городищах, но их единицы. На всех саровских памятниках найдены остатки бобров (по 2—6 экз.). По количественному составу ведущее место занимает соболь. Только в одном жилище 4 Степановского I поселения в яме с сырыми костями сохранились остатки 49 особей. На Саровском городище из двух жилищ зафиксировано 23 особи. Соболь стал объектом внимания и в искусстве, хотя и не столь пристального, как лось. Изображение соболя есть среди гравюр на нарымском конье (рис. 14, 1а), саровском гребне, возможно, в орнаменте [Чиндина Л. А., 1981]. Особо запоминающейся является композиция из двух соболей на щитке гребня (рис. 28, 2). Мастер-охотник прекрасно знал повадки зверька и главное — его молниеносную реакцию на внешний раздражитель: соболи изогнулись в напряженной позе, готовые в любой момент к прыжку.

Обилие жертвоприношений соболей, вызванных заботой об их размножении и об удачной охоте, проникновение образа соболя в искусство не случайны. Исключительная красота и качество меха издавна создали соболю особую славу. В результате внутренних процессов развития, воздействия внешних факторов кулайцы активно включались в евразийскую экономическую жизнь. Тесный контакт со скотоводческо-земледельческими и

---

²¹ При использовании костных остатков для характеристики кулайского хозяйства необходимо делать поправку на специфику большинства костеносных памятников, особенно городищ саровского этапа. Как известно, городища служили местному населению не только укреплениями, но и культовыми центрами с жертвоприношениями. А в таких случаях всегда присутствует определенная избирательность, обусловленная сложившимися обычаями.

кочевыми племенами усилили потребности в специализированной пушной охоте, промысле, предназначенном не для удовлетворения потребностей общины рыболовов и охотников, а для добычи продуктов для обмена. В таких условиях растет спрос на любую пушнину, отсюда — среди костных остатков разнообразие представителей пушной фауны.

Среди источников мало сведений об охоте на медведя. Найдена единственная черепная кость медведя из Степановского I поселения. В изобразительном искусстве кулайцев образ медведя также встречается сравнительно редко. Этот сюжет распространяется уже в релкинское время. Возможно, такая скудость сведений объясняется культом медведя, олицетворяющего справедливость на земле, относимого к разряду тех, на которых охотились нерегулярно, а скорее — только по острой необходимости [Гондатти Н. А., 1883, 1888, с. 62]. Отсутствие остеологических материалов объясняется многочисленными запретами, связанными с добычей медведя. В частности, кости медведя нельзя было дробить, их прятали отдельно, зарывая в землю, а голову и лапы оставляли в особых священных местах [Кулемзин В. М., 1976, с. 37; Каприелов А. А., 1974, с. 174].

Распространенной была охота на водоплавающую и боровую дичь, существенно дополняющую пищевой рацион общинников. Птичьи кости найдены повсеместно — в погребениях (Каменный Мыс), жилищах (Степановка I, Саровка, Дубровинский Борок 3).

Способы охоты были различными, но до нас дошли лишь фрагментарные сведения. Многообразие типов стрел, и прежде всего костяных, определялось применением их для поражения разной цели. Мощные луки с крупными стрелами могли использоваться только при охоте на лося и оленя. На пушного зверя или птицу пускали в ход тупые или когтистые стрелы, чтобы не испортить шкуры и не потерять стрелу. На лосей существовала загонная охота, применялись ловчие ямы и петли на их «путниках». Примером использования таких способов могут служить Томские наскальные изображения [Окладников А. П., Мартынов А. П., 1972, с. 171, 214]. Существовали и другие виды приспособлений при охоте на пушных зверей и птиц типа ловушек, сетей, боласов, но сведений о них пока нет.

Скотоводство

Скотоводство являлось всеобщей, распространенной на всей территории кулайской культуры отраслью хозяйства. Однако специфика животноводческого стада, уровень и степень развития данного направления в разное время и разных районах были неодинаковыми.

Всеобщим стало коневодство. На кулайских поселениях и в могильниках обоих этапов обнаружены кости лошади (табл. 14). Сохранились остатки различных частей скелета — ребра, зубы, кости конечностей. Для кулайской культуры оно было традиционным. Среднеобское население бронзового века было хорошо знакомо с коневодством, а в период поздней бронзы его удельный вес значительно увеличивается [Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М., 1979, с. 130].

Таежные условия центральной части кулайской территории не должны вызывать сомнения в возможности здесь коневодства. Лошади неприхотливы и более других домашних животных приспособлены к тебеневке. Здесь разводили коней низкорослой крупноголовой породы, типа вогулок, нарымчанок, якутских, которые не требовали особых затрат на свое содержание. Они легко добывали себе корм из-под снега и не нуждались в особых условиях. Вероятно, на зиму часть стада забивалась: выбракованное взрослое поголовье типа яловых и состарившихся кобылиц, часть молодняка. На случай заснеженных, затяжных зим для поддержания маточного поголовья и молодняка делали запасы корма из травы и хвоща. Следует заметить, что местное население считает хвощ, в изобилии растущий в притеррасной пойме р. Оби, лучшим нагульным кормом для лошадей [Елизарьева М. Ф., 1966, с. 129].

Лошадь составляла основу животноводческого стада у кулайцев повсеместно, не случайно ее образ нашел отражение в культовом литье. Любопытно, что по стилистическим признакам ажурные фигурки лошадей из Кулайки и Парабели абсолютно однотипны с лосиными и, вероятно, использовались для одной цели: умилостивить духа, дать изобилие, размножить стадо. Этот обычай жертвоприношения фигурок сохранялся очень долго. «Когда нет средств купить или принести жертву, требуемую богам, то делается из бересты изображение

лошади, оленя и так далее и кладется в шкатулку и держится там до тех пор, пока все не будет исполнено» [Гондатти Н. А., 1888, с. 55].

Коневодство имело транспортную и продуктивную направленность. По мнению А. М. Ермоловой, анализировавшей материал, лошадиное мясо было наряду с лосяным одним из основных видов мясной пищи кулайцев. Только в одном жилище 7 Саровского городища было съедено как минимум 3 особи [Ермолова Н. М., 1980, с. 11—12].

Кулайцы использовали лошадь и как верховое животное. Многочисленные фигурки и рисунки всадников из Истьяцкого клада [Чернецов В. Н., 1953], находки деталей уздечек из погребений Каменного Мыса, Татарских могилки и жертвенных мест [Троицкая Т. Н., 1979, табл. XI; Уманский А. П., 1974, рис. 5; Чиндина Л. А., 1978, рис. 8] говорят о том, что на саровском этапе роль верховой лошади, особенно на периферии культуры, не уступает ее значению как источника питания.

На южной и западной периферии культуры разводили и другие виды домашних животных: крупный и мелкий рогатый скот и свиней. Эти породы требовали стойлового содержания и непременно заготовки кормов на зиму. Наблюдения за культурным слоем поселений позволили Т. Н. Троицкой сделать вывод о его возрастании от ранних поселений к поздним, что объяснялось укрепляющей оседлостью общины и замиранием сезонности промысла, несовместимого с домашним многовидовым животноводством [Троицкая Т. Н., 1979, с. 54]. С учетом коневодства удельный вес скотоводства в этих районах намного увеличивался по сравнению с Нарымско-Сургутским Приобьем, особенно на саровском этапе. Тем не менее оно еще не достигло того уровня, который существовал здесь у большереченского и соседнего саргатского населения [Грязнов М. П., 1956; Троицкая Т. Н., 1979, с. 55; Могильников В. А., 1972, с. 78]. Такое положение было вызвано не столько стремлением кулайцев сохранить во что бы то ни стало традиционные промыслы, сколько заметными природными изменениями.

Об оленеводстве у кулайцев, по имеющимся данным, пока говорить преждевременно. Osteологический материал невелик, к тому же отличить кости дикого оленя от

домашнего невозможно. Имеющиеся изображения с образом оленя (Парабель, Елыкаево) не говорят о его приручении. Единственный предмет, который мог бы свидетельствовать в пользу оленеводства — обломок нащечной пластинки от оленьеи уздечки с Саровского городища. Однако это слабый аргумент, так как функциональное назначение предмета пока определено предположительно.

Бронзолитейное производство

Бронзолитейное производство кулайцев было широко распространено, особенно на первых этапах культуры, и занимало высокую технологическую ступень. Как уже указывалось, свидетельства развитого производства выразились прежде всего в изобилии разнообразных бронзовых изделий, а также специализированного литейного инвентаря — тиглей, сопел, сердечников, отходов производства: многочисленных каплях и кусках застывшей бронзы, ошлаковках, кусках глиняной обмазки.

Вопрос о сырьевой базе многогранен: какое сырье использовалось — рудное или готовые сплавы, кто являлся поставщиком сырья? ²². Имеющиеся на современном этапе данные говорят в пользу точки зрения об использовании в литейном производстве переплава с частичным местным легированием. Анализом кулайских бронз специально не занимались, поэтому сведения фрагментарные и не систематизированные. Спектральному химическому исследованию подвергались выборочные группы материалов Кулайского, Степановского и Кривошеинского культовых мест и поселений Кпжировского и Самусь IV в лаборатории спектрального анализа ИА АН СССР Е. Н. Черныхом ²³. Бронзы Степановского комплекса памятников, Елыкаевской коллекции анализировались в лаборатории спектрального анализа Института геохимии СО АН СССР под руководством Н. Ф. Сергеевой. Результаты всех анализов даны в приложении (табл. 15).

²² Возможность использования местного сырья отпадает сразу, так как на территории кулайской культуры нет медно-рудных источников.

²³ Ведомости спектральных анализов хранятся в МАЭС, архив, № 531.

Для кулайского металла выделяется наиболее распространенная металлургическая группа, содержащая «чистую» медь без искусственных примесей. Причем закономерно преобладание этой группы во всех обработанных коллекциях. Другие анализы дают значительный разброс, но здесь заметно выделение оловянистой группы чаще всего комплексного содержания: оловянисто-мышьяковистой. Четкую постоянную границу оловянистых бронз дать трудно, так как присадка варьирует от 1 до 14%. Легирование производилось иногда на месте отливки изделий. Из оловянистых бронз изготовлялись как орудия труда, так и культовые предметы.

Такую же закономерность в составе металла при анализе кулайских изделий Каменного Мыса из Новосибирского Приобья отмечает Т. Н. Троицкая (1981). Там большинство вещей делалось из «чистой» меди, в том числе и кельты. Украшения, как правило, изготовлены из оловянистых бронз, чтобы достичь, как считает Т. Н. Троицкая, «модного» блеска.

Источники сырья по переплаву устанавливать чрезвычайно сложно. По-видимому, к кулайцам металл поступал из разных мест, но преобладали южные пути, утвердившиеся еще в эпоху поздней бронзы. Поставщиками могли быть центры еленовско-ушкатинской группы, которые через Сибирь снабжали сырьем даже восточные районы ананьинской общности, а также Рудный Алтай [Кузьминых С. В., 1977, с. 6; Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М., 1979]. Однако прямых доказательств существования этого пути пока нет. Химический состав кулайских бронз в значительной степени перекликается с минусинскими тагарскими, где преобладают оловянистые и оловянисто-мышьяковистые сплавы. Наряду с ними существуют изделия из чистой меди [Сергеева Н. Ф., 1981, с. 39]. Т. Н. Троицкая (1981) отмечает близость бронз новосибирских кулайских памятников лесостепным тагарским.

В переплавку могли пускать и древние, и современные кулайцам испорченные вещи. Однако для снабжения необходимым инвентарем этого сырья было мало и, конечно, был налажен постоянный торговый обмен с богатым металлом югом. Сырье поступало в слитках и крупногабаритных изделиях. По-видимому, в большом

количестве в переплавку шли бронзовые котлы²⁴. Об этом свидетельствуют многочисленные находки в кулайских памятниках и особенно обломки котлов в местах литейного производства. Благодаря своей массе котлы были наиболее выгодным изделием при приобретении сырья. Некоторым доказательством использования котлов в переплавку может служить химический анализ кулайского металла и котлов. По современным данным, термин «бронзовые» котлы может использоваться в значительной мере условно, так как большинство их сделано из меди [Богданова-Березовская И. В., 1963, с. 130, 152, табл. 4; Боковенко Н. А., 1981, с. 50]. Возможно широким переплавом медных котлов в литейном производстве кулайцев объясняется столь высокий процент изделий из меди.

Способ плавки на костре был основным. Необходимость в высоких температурах заставляла искать оптимальные решения проблем получения тепловой энергии. На васюганском этапе она решалась весьма своеобразно. Кострища раннекулайских жилищ заполнены массой растрескавшихся пережженных костей животных и дробленой керамикой, среди которых обязательно находились остатки бронзолитейного производства: шлаки, сплески бронзы, тигли.

Обычай использовать в качестве топлива кости широко распространился в скифское время на огромных территориях Сибири, Казахстана, Прикамья, Южнорусских степей [Гришин Ю. С., 1980, с. 94—95]. Он хорошо известен из ставшего хрестоматийным описания Геродота: «...в Скифии... для варки мяса придумали вот что. Ободрав шкуру жертвенного животного, очищают кости от мяса... Заложив мясо в котлы, поджигают кости жертвы и на них производят варку. Кости отлично горят» [Геродот, 1972, с. 201—202]. Горящие кости обладают высокой теплотворностью при более медленном, чем древесина, сгорании и небольшом пламени. Дробленая керамика использовалась для длительного сохранения постоянной теплоэнергии вместо недостающего здесь камня, хотя небольшие каменки в очагах были тоже встречены на Степановском городище в жилище I

---

²⁴ Использование котлов не исключает и других функций: сосудов для приготовления пищи, особенно жертвенной, и емкостей для хранения священных даров.

Результаты спектрального анализа

Предмет	Место-нахождение	Элемент					
		Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag
Изображение лося	СГ	осн.	0,038	0,08	0,057	0,0045	0,012
Хищник	СГ	"	0,10	0,050	0,01	—	0,0082
Стрела	СГ	"	0,81	0,48	0,034	0,015	0,012
Обломок котла	СГ	"	0,14	0,45	0,013	0,030	0,018
Стрела	СП-I	"	0,010	0,10	0,13	0,0022	0,0089
Стрела	СП-I	"	0,030	0,028	—	0,0010	0,0085
Антропоморфное изображение	СП-I	"	0,025	0,18	—	0,046	0,011
Нож	СП-I	"	7,82	0,35	0,019	0,091	0,021
Олень	5798	"	0,053	0,042	—	0,0040	0,013
Антропоморфное изображение	6220	"	0,10	0,083	—	0,0060	0,019
Изображение лося	5959/141	"	0,72	0,30	—	0,048	0,025
Антропоморфное изображение	5959/137	"	3,80	0,11	—	0,020	0,011
Полое изображение хищника	5959/144	"	4,50	1,00	0,014	0,011	0,012
«Кольцо»	5959/140	"	1,20	2,20	—	0,25	0,020
Антропоморфное изображение	5959/139	"	7,0	0,005	—	0,005	0,025
Олень	2281/66	"	0,3	0,045	—	0,02	0,015
Лошадь	2281	"	0,2	0,007	—	0,002	0,01
Накладка	2281/103	"	14,0	0,04	—	0,015	0,006
Накладка	2281/106	"	0,04	0,015	—	0,025	0,02
Стрела	2281/98	"	0,16	0,012	—	0,008	0,01
Стрела	2281/99	"	0,035	0,18	0,008	0,013	0,04
Антропоморфное изображение	2281/144	"	4,5	0,018	0,008	0,01	0,04
Обломок котла	2281/40	"	1,5	2,8	0,004	0,18	0,04
Антропоморфная пластинка	K-887	"	6,0	0,08	—	0,011	0,02
	K-2523	"	0,019	0,006	—	0,25	0,06
Пластинка	K-1212	"	0,01	1,2	0,011	0,003	0,05
Стрела	K-2910	осн.	0,011	0,025	—	0,02	0,02
Обломок котла	K-2627	осн.	0,06	0,2	—	0,15	0,015
Кусок бронзы	K-1906	осн.	1,0	0,022	—	0,015	0,02

Примечание. СГ — Степановское городище, СП-I — поселе-

кулайских бронз

Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au	P	Ti
—	0,053	—	0,026	0,030	—	—	—	0,011
1,40	0,21	—	0,017	0,014	—	0,00050	—	0,0060
0,30	0,62	—	0,013	0,011	—	0,0050	—	0,046
0,22	0,44	—	0,025	0,014	—	—	—	0,0034
—	0,063	—	0,015	0,024	—	—	—	0,010
—	0,045	—	0,0055	0,0065	—	—	—	0,0064
0,26	0,38	—	0,010	0,010	—	0,0010	—	0,0028
0,35	1,50	—	0,010	0,0085	—	—	—	0,016
0,45	0,085	—	0,015	0,010	—	—	—	0,0045
—	0,24	—	0,012	0,010	—	—	—	—
—	2,50	—	0,060	0,024	—	—	—	—
0,081	0,21	—	0,012	0,010	—	—	—	0,0014
0,081	0,15	—	0,012	0,014	—	—	—	—
1,60	2,30	—	0,033	0,023	—	—	—	—
0,1	0,18	0,015	0,04	0,003	0,001	0,003	0,1	—
0,13	0,2	0,15	0,05	0,001	0,012	0,003	—	мало
0,06	0,16	0,05	0,06	0,003	0,01	0,003	—	—
0,05	0,18	0,2	0,06	0,012	—	0,003	—	—
0,035	0,37	0,5	0,025	0,003	—	0,001	—	—
0,11	0,25	0,5	0,09	0,025	0,001	0,001	—	—
0,07	0,7	0,6	0,03	0,003	0,013	0,003	—	—
0,05	0,2	1,5	0,11	0,18	0,02	0,001	—	—
0,6	2,0	0,37	0,08	0,02	0,017	0,003	0,3	—
0,08	0,16	0,002	0,07	0,005	—	0,003	—	—
1,0	3,5	0,005	0,1	—	0,003	0,001	0,1	—
0,2	0,03	0,65	0,015	—	0,32	—	0,3—1,0	есть
0,11	0,07	0,003	0,05	0,002	—	0,003	—	—
1,4	1,5	0,007	0,065	0,001	—	0,001	—	—
0,2	0,45	0,03	0,06	0,001	—	0,003	—	—

дне Степановка 1, К — поселение Кижирова, 5959 — Елыкаевская коллекция, 2281 — Кулайская коллекция, остальное — случайные сборы.

и поселении Степановка IV. Все эти рациональные приемы диктовались потребностями литейного производства.

Плавка производилась в универсальных тиглях-лячках объемом от 20 до 60 см³. Использование тиглей небольших размеров объяснялось спецификой температурных режимов: при открытом способе плавки большие емкости непригодны. Однако размеры кулайских тиглей были вполне достаточны для литья крупных вещей (копья, топоры) с одной плавки.

Изделия отливали в жестких (керамических и песчанниковых) и пластичных (глина, формовочная земля) формах. Последние характерны для изготовления культовых изображений. Практиковалось одностороннее плоское, объемное и полое литье. Кулайцы применяли двухстворчатые и трехстворчатые формы для производства плоских, объемных и полых изделий.

Крупным техническим достижением было литье по моделям, изготовлявшимся из дерева, мягкого камня и глины. Глиняная модель— штамп известен со Степановского городища (рис. 8, 7). Скорее всего она была создана по негативному металлическому образцу, приложенному к глиняной заготовке в раскаленном состоянии: на оттиске хорошо заметны следы термического воздействия. Часто сами металлические изделия являлись моделями для форм. Применение литья по моделям открывало широкие возможности для развития фигурного и художественного литья.

Спецификой кулайских бронз является чрезвычайно широкое применение типично кулайского орнамента: паркетные треугольники, уточки, зигзаговые и меандровые фигуры. Им украшались ножи, кельты, бляхи (рис. 7, 8, 10).

На васюганском этапе кулайской культуры специализация литейного производства отсутствовала. Практически во всех очагах раннекулайских жилищ сохранились ее следы. Местными литейщиками изготовлялись все употребляемые в то время категории изделий, о чем красноречиво свидетельствуют остатки форм, чеканов, кельтов, стрел, украшений и т. д., наиболее хорошо сохранившихся в Кижирове, на Шаманском Мысу, Тух-Сигат VII, Нововасюганском, Степановском городище и Тух-Эмтор IV. Специализация наступает на саровском этапе, когда бронзовое литье становится сопутствующим, подсобным делом при черной металлургии и кузнечном

производстве, требовавшим много времени и профессионализма из-за сложности технологии. Не случайно на саровских поселениях уже не встречается следов литья, они обнаруживаются только на городищах (Саровское, Дубровинский Борок 3, Потчеваш) вместе с остатками сыродутного или кузнечного процессов.

Точное время начала производства железа кулайцами установить трудно. Пока источники указывают, что самые ранние железные изделия (ножи, обломки поделок) известны из памятников V—III вв. до н. э. — поселений Тух-Эмтор IV, Степановка I, городищ Степановского, Шаманского Мыса. Массовое использование железных изделий начинается в конце III—II вв. до н. э., что хорошо фиксируется материалами могильника Каменный Мыс.

О развитии собственно черной металлургии с большей или меньшей уверенностью можно говорить по находкам IV—III вв. до н. э. На Степановке I и II были обнаружены угольные ямы (рис. 5). Выжигание древесного угля, необходимого для металлургического процесса, производилось в глубоких ямах (до 1,5 м) в условиях недостаточного доступа воздуха. Сейчас в них сохранились углистые прослойки, прокалы — попеременно с грунтом, обломки спрессованной глины-обмазки, которыми были закрыты ямы. В яме I в Степановке I зафиксированы следы от «рукавов» — поддувал, через которые поступал воздух в ямы.

Остатки сыродутного горна известны с Саровского городища [Чиндина Л. А., 1978]. Конструкцию горна установить не удалось: он был разрушен в древности. На его месте сохранился обширный прокол почвы, железные шлаки, уголь, куски глиняной обмазки со следами сильного термического воздействия и ошлаковки. В трех случаях на обмазке обнаружены воздуходувные отверстия диаметром 1,5—2,0 см (рис. 26, 16). Возможно, железо варили в горшках в ямах или ставили на дно горна. В Саровке найдены фрагменты треснувшего сильно ошлакованного сосуда.

В целом о технологии производства железа судить пока трудно, так как анализу изделия почти не подвергались. Топор-тесло из Саровки, изготовленный ковкой из кричного железа, фиксирует начальный, еще примитивный уровень технологии: микроструктура с большим

количеством включений и малым содержанием перлитной составляющей [Паскаль Ю. И. и др., 1983, с. 114].

Каким бы сложным ни был процесс освоения железа кулайцами в начале нашей эры на саровском этапе, оно как более перспективный металл окончательно вытеснило бронзу из рудийного производства. Все необходимые орудия труда и оружие изготавливаются из железа. Кулайские кузнецы владели операциями свободнойковки и могли придать изделиям любую конструктивную форму: вытягивание, высаживание, рубку, резку, отжиг, изгиб, пробивку отверстий. Активно практиковалось изготовление биметаллических предметов. Широко распространенное декорирование бронзовых изделий переходит и на некоторые категории железных вещей, прежде всего оружие. Техники отжигания и чеканки нанесены рельефы и орнамент на парабельские клевцы и копья (рис. 31, 32). Аппликацией из золоченой фольги изображен мифологический сюжет на истяцком шлеме ([Чернецов В. Н., 1953б, рис. 1].

Основные отрасли, определявшие направления кулайской экономики, не охватывали всего многообразия производственной деятельности людей. Каждодневные потребности общины в необходимом натуральное в основе хозяйство обеспечивало за счет многочисленных домашних промыслов. К их числу относились гончарное, костерезное, выделка шкур, мехов, дерево- и камнеобрабатывающее производство. Это еще не были ремесла в основном смысле этого понятия. Достигнув в известной мере совершенства в ряде из них и сравнительно массового выпуска (керамика, костяной инвентарь, металлический инвентарь), кулайские мастера, даже специализируясь на какой-то отрасли (кузнецы-литейщики), обеспечивали только свою общину. Они еще не стали профессионалами, производящими продукцию на продажу.

Гончарное производство

У кулайского населения это самое распространенное домашнее занятие. Гончарная продукция состояла из посуды, пряслиц, технических изделий, украшений, скульптуры.

Изготовление посуды было рассчитано на массовое использование и удовлетворение разнообразных потреб-

ностей населения: кухонная для приготовления пищи, столовая для подачи пищи, тарная для хранения продуктов, парадная (церемониальная, ритуальная) для выполнения различных обрядов на праздниках, жертвоприношениях, погребениях.

Технологические свойства керамики включают специфику используемого сырья, особенности формовки, обработку поверхности, систему обжига [Сайко Э. В., 1971, 1982]. Исходное сырье для кулайской керамики в значительной степени зависело от мест ее производства. Например, широкое применение в отощителях слюды было характерно для саровских памятников Нижнего Приобья, уже меньше ее в Нарымском Приобье и почти нет в Томском Приобье. Тем не менее в технологии, как и в морфологии, складывается определенный стереотип навыков, четко выделяющий кулайскую керамику во времени и пространстве.

В формовочной массе использовалась разная пластичности глина. В целом кулайской керамике характерно применение песчанистых глин (суглинков). Это стало заметно по васюганской посуде начиная с 3-й группы. Суглинки в отличие от жирных глин требовали меньше отощающих добавок. Поэтому не случайно микроструктура нововасюганской керамики отличается равномернозернистой фактурой [Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М., 1979, рис. 41, 2, 3]. Тем не менее отощители использовались широко. На васюганском этапе это в подавляющем большинстве был шамот, иногда дресва.

Формовались сосуды ручным ленточным способом. Толщина стенок неравномерная, особенно на крупных сосудах: на горле, придонной части и на дне толще, чем на тулове. Основная форма кулайской керамики — остродонная и круглодонная. Эти особенности объяснялись эмпирическим знанием мастерами закона сопротивления материалов — при практическом использовании сосудов большее механическое воздействие приходится на горло и дно. Широко распространенная остродонность в какой-то мере могла объясняться пониманием зависимости успешной сушки сосуда от формы днища. Напряжения сжатия при высыхании у остродонных сосудов происходят равномернее, чем у плоскодонных. Поэтому процент брака от растрескивания при таких формах ниже [Семенов С. А., 1965, с. 222].

Поверхность основы сосуда обрабатывалась зубчатым предметом снаружи и внутри, отчего получились многочисленные произвольные размашистые бороздки. Этот признак наиболее диагностичный при выделении кулайской керамики. Широко применялась обмазка из тонкодисперсных глин. Ее наносили либо сразу после формовки сосуда, либо после его предварительной просушки.

Технические качества кулайской керамики постоянно совершенствуются. Ряд технологических признаков саровской керамики, например, отличается от васюганской. Состав примесей в глиняной массе изменился — вместо характерного ранее шамота распространился крупнозернистый песок и дресва (дробленый на мелкие фракции кварцит и слюда). Грубоструктурные отощители делали массу упругой, что в соединении с хорошим обжигом придавало сосудам прочность, снижало водопоглощаемость. Применялась обмазка, ангобирование обычно из тонкодисперсных светложгущихся глин. Наряду с двусторонним одноцветным ангобом применялось покрытие внутренней и внешней поверхности глинами различного состава. Характерно прочное сопряжение, спекаемость с основой, что достигалось умелым подбором согласованных глин. Плотная, с низкой пористостью обмазка усиливала водонепроницаемость, создавала удобный фон для декоративной обработки.

О режиме обжига без специальных технологических исследований можно сказать немного. Сосудам характерна неравномерность окраски: в большинстве серая, реже черная, иногда, особенно среди васюганской керамики, желтая и красная. Пестрота обжига объясняется неравномерностью температурного режима. Это свидетельствует об отсутствии специализированных печей. Обжигали в кострах, возможно, с какими-то приспособлениями, типа тех, что были найдены на васюганских памятниках эпохи поздней бронзы [Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М., 1979, с. 135].

Технология изготовления других керамических изделий в принципе не отличалась от технологии посуды. Только пряслица, мелкие украшения (бусы, подвески), скульптурки подвергались слабому обжигу. Тщательнее изготовлялась техническая керамика: формы, тигли, льячки. Особое их предназначение требовало выработки

прочных огнеупоров, чтобы при плавке или формовке металла они не трескались и не деформировались. В целом кулайским мастерам это удавалось достичь путем особого состава формовочной массы. Однако случаев искореженных расплавленных металлом тиглей встречается около 14%. Интересно, что испорченных форм в кулайских материалах нет.

Обработка кости и рога имела немаловажное значение в кулайском производстве. Предварительно распаренная кость в руках умельца быстро приобретала нужные формы. Обработку вели ножом, сверлом, стамеской, доводя до нужных кондиций различными наборами наждаков, точилец. Изготавливали самый разнообразный инвентарь: орудия труда и быта (тесла, скребки, проколки, иглы, ложки, лопаточки, всевозможные рукоятки, пряслица), оружие (стрелы, детали луков, дротики, гарпуны, панцирные пластины), детали сбруи, художественные изделия.

Массовое производство костяных изделий приходится на начало саровского этапа. Это не случайность, а скорее эпохально-стадиальное явление, характерное лесным культурам Евразии эпохи перехода от одного металла к другому. Острый дефицит в меди, еще плохо освоенная технология железа заставляли искать достойные или хотя бы приближенные им заменители сырья. Поэтому кость — прочный массовый материал с хорошо освоенной технологией обработки — становится временно ведущим сырьем в изготовлении орудий труда и оружия.

Обработка камня носила узко прикладной характер. Из природноокатанных галек специально подобранных форм после незначительной доработки изготавливали грузила, терки, песты, молоты (рис. 11). Для разнообразных точил выбирали песчаниковые и сланцевые породы. Тщательной обработке подвергались только пряслица и точила. Им придавали нужную форму, сверлили отверстия для подвешивания. На пряслица наносили орнамент (рис. 10, 12; 26, 1).

Виды других домашних занятий — прядение, обработка шкур и продуктов, собирательство — можно только констатировать, так как из-за слабой источниковой базы трудно дать им развернутую характеристику. Но из того, что сохранило время, очевидно, что комплексное кулайское хозяйство представляло хорошо сбалансиро-

ваную экономическую систему, чутко реагирующую на внутренние и внешние изменения, связанные как с экологическими особенностями, так и с конкретно-историческими процессами.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Проблема особенностей социальной организации кулайского общества связана с проблемой социологической интерпретации археологических материалов, единственного источника по истории кулайской культуры.

Реконструкция общественных отношений на основе археологических источников — это создание модели некогда существовавших социальных организмов. Здесь чрезвычайно важно использовать комплекс археологических источников, учитывая в дальнейшем исследовании природно-экологические условия, систему хозяйства, роль освоения нового металла, развитие обмена и торговли, демографический и политический факторы. Сущность созданных моделей станет понятной лишь при условии тесного контакта с этнографией, изучающей функционирующие общества первобытной формации. При этом «следует привлекать материалы стадально близкие, т. е. относящиеся к народам, расположенным к реконструируемому... социально-историческому типу на возможно близком уровне общественного и культурного развития» [Кабо В. Р., 1972, с. 64].

Сложность в использовании археологических материалов для социологических реконструкций заключается в фрагментарности этого источника как явления, а также в неполноте исследования памятников, на что в методической литературе обращалось внимание неоднократно [Григорьев Г. П., 1972; Массон В. М., 1976 и др.]. Кулайские источники в этом плане, к сожалению, не составляют приятного исключения. Тем не менее ряд данных о состоянии общественных отношений в кулайской культуре удастся, как нам кажется, обнаружить. Наиболее информативными источниками в этом направлении оказались поселения, погребальный обряд, специфика военного дела, культовые изображения.

Для реконструкции структуры общества имеет большое значение анализ поселений — комплекса одновременных жилищно-хозяйственных и культурных объектов,

объединявших определенно связанные между собой коллективы людей. Одна из важнейших составных частей поселений — жилища. Жилища — это местообитания группы людей (обычно семьи), искусственно созданные (или приспособленные) в соответствии с требованиями природной среды, спецификой хозяйственной деятельности, обусловившей взаимоотношения внутри этого коллектива. Этапные изменения в производственной деятельности общества приводят к перестройке первичной ячейки — семьи, что в разной степени накладывает отпечаток на жилище и в целом влияет на особенности поселений. Планировка жилищ, соотношение их с прочими постройками могут помочь в восстановлении структуры всего коллектива. Функциональный анализ построек дает дополнительный материал для социологической интерпретации (производственные, культовые сооружения). Для подобных обобщений крайне важно, чтобы поселение было раскопано полностью.

Жесткой однотипности жилищного строительства в кулайском обществе не вырабатывалось. Жилища различались размерами, формой, строительной техникой. В подавляющем большинстве это были квадратные в плане или приближенные к ним сооружения площадью от 8 до 30 кв. м. Изредка встречались объекты до 50 кв. м. Прямоугольная форма распространена мало. Можно твердо говорить о наличии каркасной техники строительства. Установлено два типа конструкций — шатровые и столбовые. Шатровые жилища обычно состояли из основной несущей конструкции из 4—6 столбов, закрепляющихся сверху рамой или попарно, на которые накладывались шатровые покрытия (рис. 6, 2а). Столбовая конструкция предусматривала вертикальное основание стен, забранных бревнами в паз (рис. 6, 3а). Другие конструкции, например, срубные, можно только предполагать.

Все раскопанные жилища были полуназемными, постоянными, хотя, наверное, существовали и временные. Об этом свидетельствуют очаги вне котлованов жилищ на Саровском городище.

Небольшие жилища, как правило, с одним очагом в центре или слегка сдвинутым в угол у входа (обычно саровские жилища с поселений). Жилища могли вместить семью из 5—7 человек.

Мощность очагов, полуназемный тип жилищ говорят о долговременности построек и оседлости их обитателей. На оседлость указывает и массовое количество керамической посуды с орнаментом, который требовал кропотливого труда.

Типы жилищ, характерные для кулайского населения, оказались удивительно консервативными. Подобные конструктивно-архитектурные приемы можно встретить у большинства коренного населения таежного Приобья в позднее, этнографически зафиксированное время [Пелих Г. И., 1972; Прокофьева Е. Д., 1947; Соколова З. П., 1962]. Длительное сохранение традиций было обусловлено единством природной среды, хозяйственных занятий, этнической преемственностью, сходным количеством членов семьи.

Открытые и закрытые кулайские поселения на разных этапах культуры существенно различались, что, на наш взгляд, объяснялось эволюцией общественных отношений.

Васюганские поселения обычно состояли из 3—10 жилищ, сосредоточенных компактно на одном участке. Через 100—200 м располагалось следующее подобное поселение, затем следующее. Итак, на какой-то ограниченной территории от 1 до 3 км существовало несколько поселений, среди которых, как правило, было одно или несколько городищ. Таким образом, фиксируются своеобразные комплексы типа Степановского (рис. 2), Барсовского, Тух-Сигатского, которые на огромной территории кулайской культуры располагались колониями, сосредоточиваясь по возвышенным берегам рек и озер.

Все эти долговременные поселения в целом относятся к васюганскому этапу. Но в одно и то же время возникли многочисленные жилища и поселения или воздвигались последовательно? Ограниченность, фрагментарность раскопок существенно затрудняет выявление внутренней динамики комплексов. А это чрезвычайно важно и перспективно, так как дает хронологический срез, фиксирующий процесс взаимоотношений внутри конкретных коллективов.

Исследование керамики Степановского комплекса дало исключительно интересные показатели. Выяснилось, что из четырех групп керамики, характерной для комплекса, в каждом поселении преобладают определенные

группы. Причем эти группы оказались хронологическими и по данной нами классификации относились к группам 3, 4, 5, 6, 7. Таким образом, наиболее ранним было поселение Степановка III, за ним Степановка II. Последнее какое-то время сосуществовало со Степановкой I. Степановка I и Степановское городище были одновременными. На каком-то этапе их существования возникло поселение Степановка IV и, по-видимому, пережило их, так как в СП-IV наряду с васюганской керамикой появились ранние варианты саровской. Напомним, что в такую же хронологическую сменяемость и сосуществование дают и радиоуглеродные даты, фиксирующие последовательный процесс прироста поселений.

Подобную хронологическую динамику удалось подметить М. В. Елькиной (1978) и Ю. П. Чемякину (1979) на Барсовском комплексе.

По всей вероятности, постепенно с естественным приростом населения шел процесс выделения отдельных семей, которые селились рядом, создавая большую патриархальную общину.

Сравнение васюганских и саровских поселений дает их очевидную разницу. Небольшие саровские поселения из 4—7 жилищ, расположенных компактно, не составляли колоний, а были разбросаны на значительном расстоянии друг от друга. Например, на том же Степановском комплексе поселение саровского времени было одно. Другое находилось от него в 3 км и третье — в 10 км. Здесь мы сталкиваемся с важным историческим моментом решения кулайцами демографической проблемы, вызванной социально-экономическими изменениями и экологическим кризисом. Об этом подробно еще будет сказано. Здесь же отметим следующее. В связи с нарушением баланса между численностью возросшего населения и материальными возможностями содержать увеличившуюся общину, а также закономерными центробежными стремлениями в патриархальном обществе, вызванными зарождением и развитием частной собственности, избыточное население вынуждено отпочковываться от отцовского ядра. Удобные для поселения и производственной деятельности места новые производственные коллективы — патриархальные семьи — получали при распределении в границах родовой территории, по-видимому, положив начало объединениям, известным

в этнографии селькунов как «людей одной реки». Часть кулайцев особенно из пограничных районов осваивает мирным и захватническим путем соседние территории.

Таким образом, можно констатировать у кулайцев процесс формирования и дробления отцовской общины, состоящей из самостоятельных производственных коллективов — больших патриархальных семей. По-видимому, васюганские поселения фиксируют большие семейные общины (одно поселение в комплексе), объединявшие малые семьи (одно жилище в поселении). Комплекс поселений соответствовал патриархальной общине. Саровские поселения представляли уже раздробившиеся, разрозненные патриархальные общины: поселение состояло из одной большой патриархальной семьи, объединявшей малые семьи.

Входившие в состав семейной общины мелкие семьи были самостоятельными в имущественно-хозяйственном отношении. Но малые семьи, входившие в патриархальную общину и отцовский род, сообща владели угодьями, которые, как мы видели, с изменениями в общине перераспределялись. Со временем мелкие общины стремились закрепить «свои» участки. Этот момент хорошо заметен по особенностям поселений уже следующей за кулайской, релкинской культуры. Когда процесс производства требовал коллективного труда (массовый лов рыбы, устройство охотничьих засек и т. д.), объединялась вся община.

По материалам погребений Каменного Мыса удалось выяснить различное положение членов семьи. Здесь мы встречаемся, пожалуй, с единственным археологическим свидетельством имущественной дифференциации: одни могилы с богатым сопровождающим инвентарем, другие — с бедным, в третьих его нет совсем. Среди 13 мужских погребений выделяются три, наиболее богатые инвентарем могилы. Над ними единственными совершены тризны. Все погребенные были воинами. Т. Н. Троицкая считает, что это были главы семей и занимали привилегированное положение. Весь могильник, по ее мнению, являлся не родовым некрополем, а кладбищем одного поселения [Троицкая Т. Н., 1979, с. 57—58].

Об уровне, особенностях социальной дифференциации в обществе кулайцев данных немного, можно сделать лишь некоторые пометки.

Характерной особенностью интерьера васюганских жилищ является обязательное наличие в центре очага со своеобразным составом: все они сохранили следы плавки бронзы в виде шлаков, выплесков металла, обломки тиглей, форм, литейных шишек. С одной стороны, это свидетельствует об освоении плавки широким кругом людей и повсеместном ее применении. С другой — становится очевидным, что говорить о специализации бронзолитейного производства не приходится. С развитием местной металлургии железа на саровском этапе происходит обособление этого производства. Уже сам по себе длительный и трудоемкий процесс черной металлургии требовал специализированного подхода и стал делом немногих. Бронзолитейное производство в это время становится сопутствующим и, по-видимому, также сосредоточивается в руках кузнецов. В саровских поселениях уже нет следов металлообработки, остатки печей, шлаки, как правило, обнаруживаются на позднекулайских городищах.

Саровские городища выполняли двойную функцию — укрепления и культового центра. Возможно, варке железа и металлообработке придавалось какое-то особое магическое значение и кузнецы-металлурги занимались своим производством обособленно от жилого поселка, причем для этого избирались такие специфические объекты.

Для социологических реконструкций важное значение имеют укрепленные поселения-городища, специально предназначенные для отражения нападения врага. Городища возникают тогда, когда война становится средством отчуждения прибавочного продукта и его перераспределения. Особых различий в рассредоточении городищ васюганского и саровского этапов заметить не удастся: они есть и в пограничных и во внутренних районах культуры. То есть мы можем говорить как о влиянии политического фактора — обороны от внешнего врага, так и о наличии внутренних противоречий. Развитие частной собственности усиливало стремления отойти от общины, обособиться, что не согласовывалось с веками существовавшим коллективным правом. Это противоречие усугублялось острой демографической проблемой и экологическим кризисом. Борьба за удобные места поселений с богатыми угодьями, захват добычи не случай-

но привел кулайское общество к развитию военного дела. Имеются любопытные доказательства постоянного усиления внутренней борьбы. На саровском этапе мощь городищ по сравнению с васюганским резко увеличивается за счет сооружения двойных укреплений, подземных ходов (Саровское, Сперановское городища, Дубровицкий Борок 3).

О том, что военные столкновения приобретают значительный размах, свидетельствует и выработавшаяся у кулайцев специфическая система вооружения, отличавшая их от соседних лесостепных и степных объединений.

Особое значение придавалось оружию и как объекту жертвоприношения. На всех культовых местах оружие присутствует обязательно. Интересно, что на саровском этапе ассортимент оружия в святилищах резко расширяется — известны все виды защиты и нападения. Причем скапливаются лучшие образцы оружия: мечи, палашки, крупные кевцы, чеканы, колья и, конечно, самые разнообразные стрелы. Оружие символизировало силу и богатство. Возможно, в обилии подобных приношений выразилось стремление общества противостоять скапливанию ценностей в индивидуальных руках, приношение даров общим духам стало своеобразным потлачем, хорошо известным у индейских племен эпохи разложения общинных отношений. Действительно, в кулайских погребениях из Каменного Мыса уже заметна имущественная дифференциация, выразившаяся в особом богатстве могил с оружием [Троицкая Т. Н., 1979, с. 58]. Судя по изображению воина из Парабельского клада, богатству облачения и оружия Истяцкого, Холмогорского, Парабельского кладов, по-видимому, в конце кулайской эпохи зарождается культ героя-богатыря, особенно ярко проявившийся уже в релкинское время [Чидина Л. А., 1980].

Идеологические представления кулайского населения отложились в различных видах археологической информации — памятниках искусства и религии (орнаменты, графика, скульптура, наскальные изображения, художественное бронзовое литье, погребальные обряды, жертвенные места). Представленность каждой категории различная: от единичных случаев (скульптура, погребения, писаницы) до массовых (орнамент, литье). Массовый материал с большей долей достоверности позволяет

заметить закономерности в развитии идеологических направлений и выявить их социальную основу. В данном плане наиболее показательны культовые бронзовые литые.

Для получения необходимой информации из материалов фигурного литья нужно вычленив в нем качественно новые категории, ставшие закономерными для определенных этапов. Основу выборки в данном случае могут составлять сюжетно-художественные особенности. Выявленные новации могут служить показателем изменения религиозных верований, вызванных какими-то общественными процессами, отразившимися в сознании людей и материализовавшимися в этих новых изображениях. В процедуре такого исследования есть большая сложность, поскольку в литье как отражении религиозных воззрений больше, чем в других культурных формах, существуют разностадийные элементы, свидетельствующие о сохранении ранних традиций. Тем не менее на разных этапах эволюции литья удастся выделить группы изображений, уже по формальным признакам отличающихся от предшествующих этапов и получивших развитие в последующих.

В четырех типах кулайского литья выделяется три сюжетных направления, которые, по мнению автора, отражали социально-идеологическую специфику кулайского общества. 1. Плоское ажурное литье в подавляющей массе отражало конкретные, хорошо распознаваемые образы лосей, лошадей, хищников, птиц. 2. Орнито-антропоморфные сюжеты с ярко выраженной иконографичностью и канонизацией образа птицы-хищника и стилизованностью человека. 3. Широкий антропоморфизм от собирательных, синкритичных до конкретных образов.

Первое направление является отражением тотемно-промыслового культа, связанного с представлением о происхождении, умножении и возрождении в природе. Подобная трактовка ажурных кулайских изображений подробно доказывалась многими исследователями [Чернецов В. И., 1953 а, 1953, 1971; Окладников А. П., Мартынов А. И., 1972; Капрелов А. А., 1974 и др.]. Этот древнейший культ сохранялся в Среднем Приобье у коренных народов до недавнего времени. Нарымские и тазовские селькупы подразделялись на группы, которые вели свое происхождение от различных птиц и животных:

лымбель-кум (орлиные люди), казель-кум (окуныи люди). Эти подразделения состояли из более мелких групп, ведущих свое начало от журавля, ворона, кедровки, медведя [Прокофьева Е. Д., 1952; Пелих Г. И., 1972; Соколова З. П., 1972]. Такое длительное сохранение традиций объяснялось тем, что тотемно-промысловый культ отражал основную суть представлений охотничье-рыболовческого хозяйства. Из кулайских материалов в этой связи очень интересны материалы Саровского городища. Как уже отмечалось, это было не только укрепление, но и культовое место, где среди прочих даров был обнаружен костяной гребень с изображением двух соболей на щитке. Сам по себе гребень — предмет не только утилитарный: его наделяли волшебной силой, так как связан он был с головой человека, где жила главная возрождающаяся реинкарнирующаяся душа [Чернецов В. Н., Мошинская В. И., 1974, с. 292]. Кроме того, интересно свидетельство о происхождении священных мысов, содержащееся в легенде васюганских хантов. В ней говорится, в частности, о том, что те мысы, где дочери отделялись от семьи (по-видимому, выходили замуж), становились священными, и в дальнейшем здесь подарки духам могли состоять только из женских вещей: гребней, косоплеток [Кулемзин В. М., Лукина И. В., 1973, с. 24—25]. Смысл соболиных фигурок на гребне однозначно определить трудно, но, поскольку предмет найден на жертвенном месте, вполне возможно, что его владелица принадлежала к определенной общественной группе [Чинди-на Л. А., 1978, 1981].

Возвращаясь к ажурным литым фигуркам животных, необходимо обратить внимание на одну важную деталь. Массовое распространение изображений первого направления приходится на васюганский этап. Вероятно, это была естественная реакция на изменение экологической обстановки, связанной с увлажнением и похолоданием климата, подъемом вод, ростом болот, отступанием леса, а в связи с этим — исчезновением, миграция промысловых животных. Голод и бессилие человека перед природой приводили к усиленному обращению к духам с мольбой об изобилии, возрождении животных, об удачном промысле. Другая причина всплеска традиционных верований, которая могла в какой-то момент сосуществовать с первой, заключалась в обострившейся в начале саровско-

го этапа борьбе старых и новых социальных явлений. В фигурном литье новое отразилось в появлении орнито-антропоморфного направления только в позднекулайское время.

В саровский период в приобском литье распространяются сложные изображения лицевых птиц с раскрытыми крыльями и личинами на груди. Трактовке этого сюжета в литературе уделено много внимания (А. А. Спицин, Д. Н. Анучин, А. В. Шмидт, В. И. Чернецов). Несмотря на разнообразие точек зрения, во всех четко проступает общая идея зарождения множественности вселенной через связь сильной, хищной птицы (чаще всего орла) с верхним миром. В. Н. Чернецовым изображения птиц с личиной на груди связывались с небесной солнечной птицей Карс из угорской мифологии, противостоящей нижнему миру — змеям, бобрам, выдрам (Чернецов). В шаманском фольклоре нарымских селькупов солнечная душа «ил» посылалась в виде птицы на землю на кончике солнечного луча. В представлении селькупских шаманов духи всех солнечных лучей, олицетворявшие жизненное начало, изображались в виде людей с крыльями или птиц с человеческими лицами. Солнце ведет постоянную борьбу с нечистой силой. Некоторые лозы (подземные духи) исчезают под землей, как только их коснется солнечный луч [Прокофьева Е. Д., 1952; Пелих Г. И., 1964].

Приведенные материалы, несомненно, свидетельствуют о стратификации в обществе. Представление о высших и низших божествах и духах — обитателях различных миров — возникает на определенной стадии общественного развития — в период имущественного и социального расслоения в патриархально-родовой общине. Более четко эти процессы отразились в третьей группе фигурного литья — антропоморфных сюжетах.

Сочетание индивидуального и общественного производства с частным присвоением все больше подрывало родственные узы. У кулайшев этот процесс усиливался чрезвычайной территориальной разбросанностью общин из-за слабой биологической продуктивности региона. Из-за ослабления родовых связей, коллективных уз человек все отчетливее осознает свое место в системе общественных отношений. Это отразилось и в религиозно-идеологических воззрениях. Прежнее разнообразие зооморфных духов вытесняется антропоморфными. Самостоятельные

в прошлом зооморфные духи становятся помощниками человекообразных божеств. Возможно, в кулайском литье антропоморфные изображения с животными и птицами на голове и плечах (рис. 16, 35) являются как раз отражением этого элемента верований.

Появившиеся в конце кулайской культуры изображения воннов и всадников еще ярче отразили процесс социальной дифференциации внутри патриархальных общин.

Таким образом, анализ различных источников, корреляция полученных результатов дают в целом однозначные ответы и позволяют в общих чертах представить процесс развития кулайских патриархальных общин.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ

Перемещение населения — многоплановое социальное явление, связанное со всеми сторонами жизни общества. Поэтому чрезвычайно важно разобраться в механизме этого явления на интересующем историческом этапе, чтобы понять специфику общественных процессов той или иной культуры.

Исходным фактором миграций является так или иначе прирост населения и его локальное давление, требующее выхода [Козлов В. П., 1982, с. 17; Переверзев В. П., 1975, с. 190].

Перенаселенность возникает при значительном естественном приросте населения за счет рождаемости и сокращения смертности. Избыточность населения может возникнуть и в результате экстремальных условий, обычно связанных с ухудшением природной среды. И в том и в другом случае возникает проблема материального содержания этой избыточной части. В первобытном обществе с его слабой технической базой возникает своего рода противоречие между ростом населения и возможностью общества прокормить себя. Необходимо было постоянно соблюдать баланс между этими явлениями «на определенном ограничении численности населения, пределы которой нельзя было превысить, не подвергая опасности самих условий существования древних обществ» [Маркс К., 1957, с. 567]. Как только баланс нарушался, общество должно было либо повышать уровень произ-

водства или избыточное население вынуждено было мигрировать.

Именно эту классическую форму, связанную с проблемой перенаселенности, приняли миграционные процессы в кулайском обществе. Демографический взрыв был вызван закономерным процессом экономического развития и экологическим кризисом. Развитие производящих форм комплексного кулайского хозяйства и прежде всего скотоводства и черной металлургии, подъем продуктивности традиционных присваивающих промыслов делали жизнь более обеспеченной, что создавало материальную базу для прироста населения. В этом плане показательны поселения васюганского этапа, «прираставшие» за счет увеличивающейся численности общины (Степановский, Барсовский комплексы).

На саровском этапе кулайской культуры завершился процесс полной перестройки материально-технической базы — железо становится основным сырьем для изготовления ведущих орудий, что резко повысило производительность труда, улучшило благосостояние населения.

Однако в условиях в основном присваивающего хозяйства, низкой технической базы темпы развития производительных сил, несмотря на значительный прогресс, отставали от естественного прироста населения. К тому же продуктивность таежных районов Среднего Приобья была низкой в силу заболоченности территории и незначительности промысловых участков, что осложняло продовольственную проблему. В результате возникла ситуация избыточности населения, нарушился баланс между численностью общества и возможностью его прокормить. Выходом из этого положения могла стать только вынужденная эмиграция.

Способ производства кулайцев, основанный на присваивающей системе хозяйства, ставил их в серьезную зависимость от естественно-географической среды. На время примерно с IV по I вв. до н. э. приходится экологический кризис, вызванный изменением климата и интенсивным заболачиванием занимаемой культурой территории. Это совпадало с первым и началом второго этапа кулайской культуры.

В позднем голоцене, около 2 500 лет, а по последним данным 2 200 лет назад наблюдается очередное увлажнение климата, смена теплого, сухого периода холодным

и влажным [Архипов С. А., и др., 1970; Нейштадт М. П., 1957; Хотинский Н. А., 1982, с. 146]. Это повлекло за собой сдвиги таежной зоны на юг на 3—4° [Крылов П. В., 1961, с. 69] или на 200 км [Зубаков В. А., 1972, с. 182]. Похолодание привело к обеднению состава древесной растительности [Волкова В. С., Левина Т. П., 1982, с. 196], к затоплению огромных массивов и сильно сказалось на развитии болотных систем вширь [Лисс О. Л., Березина Н. А., 1982, с. 229]. Кроме того, саморазвитие ландшафтов, не связанных с глобальными изменениями климата на территории Нарымско-Сургутского Приобья, также шло в значительной степени по пути образования верховых болот и наступления их на лес [Ефимова Л. П. и др., 1975; Малолетко А. М., 1983]. Только одно Большое Васюганское болото, самое крупное в мире, заняло 5,3 млн. га [Земцов А. А., 1976, с. 207, 224]. Площадь, пригодная для обитания человека, резко сокращалась, люди вынуждены были искать места для поселения.

Но не только сокращение пригодных для обитания площадей влек процесс заболачивания. Изменяется гидросеть, превращаясь в специфически болотную. Недостаток кислорода в болотной воде способствует в зимний период заморным явлениям на реках и озерах, снижающим их продуктивность, а значит и уровень рыбного промысла. В связи с падением плодородия почв, естественного в процессе болотообразования, происходит замена растительного покрова такими формами, которые не потребляются или мало потребляются животными. Последние вынуждены мигрировать в поисках корма. Общее количество природных продуктов, необходимых для обеспечения жизни человека, сокращается [Львов Ю. А., 1979, с. 13—14]. Люди начинают переселяться в более благоприятные районы. Поэтому вполне объяснимо первоначальное движение кулайцев к югу: там была меньшая заболоченность и привычные промысловые животные. Может быть, этими экологическими изменениями объясняется всплеск производственного культа у кулайцев, особенно на первом этапе, так ярко выразившийся в замене жертвенных животных их изображениями. Предпочтение отдавалось главному источнику мясной пищи — лосю. В основе изображений (культовое литье, скульптура, писанины) и всего комплекса образов, свя-

занных с этим культом, лежит идея о размножении, обилии животных.

Продолжение миграционных процессов и во время нового цикла потепления конца I тыс. до н. э. — начала I тыс. н. э. — с точки зрения естественного фактора вполне объяснимо. Нужно иметь в виду, что перестройка ландшафта происходит позже, чем наступают климатические изменения [Малолетко А. М., 1983, с. 7]. Учитывая фактор саморазвития ландшафтов, становится ясным, что районы Сургутско-Нарымского Полесья еще долго оставались малоприспособленными для уплотнения населения.

Причиной, побудившей к миграции кулайцев, явилась, по-видимому, необходимость приблизиться к сырьевым центрам меди. С III в. до н. э. резко сокращается поступление бронзолитейного сырья от южных соседей, так как там с освоением нового металла — железа — падает металлургия меди.

Успешному развитию миграционных процессов и, главное, возможности закрепиться на освоенных землях способствовала благоприятная для кулайцев историческая обстановка. Гуны во главе с шаньюем Модэ в 205—165 гг. до н. э. распространили свою власть на запад, разгромив среди прочих народов динлинов-тагарцев и юэчжей. Ослабленные племена не смогли оказать сопротивления продвигавшимся с севера кулайцам. Более того, тагарцы, гонимые врагом, вынуждены были сами искать спасения на чужбине. На границе с лесостепным районом Кузнецкого бассейна и Притомья они оказались в тесном контакте с пришельцами с севера. Оба этноса вступили между собой, по-видимому, в союзнические отношения, о чем свидетельствуют совместные погребения и мирное сосуществование кулайских и поздпетгарских поселений в контактной зоне.

Активный переход ряда пастушеско-земледельческих культур юго-западной Сибири и, в частности, соседней с кулайцами саргатской к полукочевому и кочевому скотоводству привел к тому, что большая часть саргатцев отходит из непригодных для кочевания районов Среднего Прииртышья, а позднее вливается в общий поток «великого переселения». В результате их ухода опустели значительные территории Нижнего Прииртышья и между-

речь Тары и Омн, куда незамедлительно поселились кулайцы.

Переселения у кулайцев приняли форму сегментации, то есть выделение из уже сложившегося общества избыточной части населения и перехода ее на новые соседние территории. Выделившиеся коллективы представляли самостоятельные производственные объединения типа семейных общин, иначе в тяжелых условиях существования они бы не выжили. Само по себе изменение социальной структуры общества являлось дополнительным импульсом к миграции: закрепление кормовой территории за определенным социально-производственным коллективом не давало возможности вторгаться в их пределы новым, пусть даже родственным, образованиям, и последним приходилось осваивать новые места. По-видимому, эти процессы отразились в том, что саровские поселения более компактны, они уже не были так растянуты, как васюганские, и заметна их рассредоточенность на производственно-промысловой территории. Примером может служить сопоставление последних двух этапов в небольших микрорайонах. Так, около Среднего Васюгана на отрезке в 15 км сейчас зафиксировано пять васюганских и только два саровских поселения, причем последние на значительном расстоянии. Еще большее несоответствие наблюдается в урочище Тух-Сигат: на единой площади пять васюганских и одно саровское поселение.

Мощная миграционная волна охватила кулайское население в конце III в. до н. э. Пути археологически четко фиксируются комплексом стереотипной керамики, культового литья, оружия, отчасти украшениями, особенностями топографии и конструкции поселений. Главным индикатором перемещений является кулайская керамика как основной культурноопределяющий признак. Большое значение имеет культовое литье, хотя оно не обладает такой серийностью, как керамика, и попадание отдельных предметов на другую территорию не всегда могло быть связано с массовым переселением. Специфичность кулайского оружия свойственна не всему периоду существования культуры и может использоваться ограниченно. Кроме того, функциональное назначение оружия уже предопределяло возможность появления кулайских образцов у инокультурного населения. Кулайские украше-

ния известны плохо и поэтому редко могут помочь в определении границ культуры. В данном случае речь должна идти скорее о специфически кулайской декорировке и прежде всего орнаментации вещей общераспространенных типов (кельты, пряслица, пожи, бляшки и т. д.), которые теперь известны в значительном количестве. Тем не менее специфические кулайские изделия, конструкции и интерьер жилищ при определении миграционных путей должны контролироваться наличием керамики и культового литья, которые не экспортируются без населения, создавшего их.

На основании комплекса признаков сейчас зафиксировано передвижение кулайцев на разных этапах в различных направлениях (рис. 48). При этом интенсивность миграций и их размеры были неодинаковыми.

Первый этап переселения кулайского населения начинается в конце III в. до н. э., когда они двинулись из Нарымского Приобья к югу и появились в Томском Приобье. По пути их следования возникли такие памятники, как Кривошепское поселение и культовое место, поселения Смолокуровское, Кижировское, Басагдайка I, Седова Заимка, Дубровинский Борок 2, 4 и др., могильник Каменный Мыс и Томские писаницы. В Приобье до прихода кулайцев существовала культура с сильным тагаро-большереченским влиянием [Плетнева Л. М., 1977, с. 68; Троицкая Т. Н., 1978]. Судя по тому, что с приходом кулайцев здесь не сохранилось следов местных культур, пришельцы ассимилировали население занятой территории. Возможно, разрозненные группы под натиском экспансии и в связи с климатическими изменениями отступили на юг. Ассимилятивные процессы в значительной степени облегчались близостью культур Томского Приобья и кулайской. Как известно, в VII—VI вв. до н. э. обе эти территории объединялись общим культурным субстратом, восходящим к крестовоструйчатым и еловским традициям [Косарев М. Ф., 1981, с. 200; Троицкая Т. Н., 1981а, с. 11 - 12]. На занятой территории кулайские черты проявляются очень ярко и свидетельствуют о культурном единстве с Нарымским Приобьем.

На конец II—I вв. до н. э. приходится начало второго этапа перемещения населения из Среднего Приобья. Теперь уже посетители переходной васюганско-саровской

(группа 6) и саровской керамики растекаются в различных направлениях от ойкумены культуры (рис. 48).

Из Томского Приобья кулайцы, двигаясь на юг, достигли Верхнего Приобья, оставив здесь памятники фоминского типа. Вопрос о их хронологии и культурной принадлежности дискутировался долгие годы [Грязнов М. П., 1952; Чернецов В. Н., 1953; Мошинская В. И., 1953, 1965; Могильников В. А., 1968; Троицкая Т. Н., 1979 и др.]. В настоящее время большая часть исследователей разделяет мнение автора [Чиндина Л. А., 1970, 1973, 1977] о том, что фоминские памятники, отнесенные М. П. Грязновым к VI—VIII вв. верхнеобской культуры, следует рассматривать как южную периферию кулайской культуры. Последовательность движения кулайцев саровского времени на юг хорошо прослежена по новосибирскому варианту Т. Н. Троицкой (1979).

Выйдя в лесостепные районы, кулайцы должны были приспособляться к новым для них условиям, постепенно воспринимая местные элементы культуры (увеличение скотоводческого потенциала в хозяйстве), адаптируясь в новой экологической среде. Тем не менее культурную специфику, самобытность они сохранили даже в тех районах, где они жили в непосредственном контакте со степняками. Об этом красноречиво говорят различные погребенный времен «великого переселения народов» II—IV вв. в районе Чумыша — Татарские могилки, Печунаевское, Елбань II, Тугозвоново и др. [Уманский А. П., 1974, 1982]. В это время для южной периферии кулайского единства уже заметна значительная культурная локализация, выразившаяся в появлении керамики 9-й группы.

В юго-восточной части граница кулайцев уже в переходное к саровскому время достигла пределов лесостепной тагарской культуры. Взаимоотношения между ними складывались по-разному и подчас сложно. По имеющимся данным мы можем констатировать в целом добрососедские отношения, о чем свидетельствуют совместные погребения и мирное сосуществование кулайских и тагаро-таштыкских поселений в пограничных районах. В тагаро-таштыкских (шестаковских) погребениях встречается кулайская керамика, по-видимому, фиксирующая брачные связи. Четко, хотя и не часто, прослеживается

смешение скифо-сибирского и кулайского стилей в изобразительном искусстве [Бобров В. В., 1978].

Любопытно обратить внимание на состав материалов из культовых мест этого региона: Айдашинская пещера, Пшимский клад. В них встречаются как тагарские, так и кулайские предметы [Ермолаев А., 1914; Молодин В. П. и др., 1980]. Очевидно, что для культовых обрядов использовались населением разных культур одни и те же места. Допустимость таких сочетаний, по-видимому, может свидетельствовать в пользу тесного, а возможно, доброжелательного отношения к верованиям друг друга. Даже некоторые хронологические различия в принципе не отрицают высказанного предположения, так как преемственность традиций в использовании одного культового места — тоже явление позитивное.

Мирные контакты кулайцев с тагарским населением складывались исторически и были обусловлены тесными экономическими связями: от тагарцев пролегал один из путей бронзового сырья на северо-запад.

История исследования культурной карты Прииртышья эпохи раннего железа сложна. В свое время В. Н. Чернецов (1953) здесь выделил несколько культур. В Нижнем Приобье и Нижнем Прииртышье существовала потчевашская культура, в Среднем Прииртышье — саргатская. В Омском Прииртышье вплоть до Тары на рубеже эр сложилась среднеиртышская культура. Его взгляды разделяла В. П. Мошинская (1953).

Против этнокультурной схемы этих исследователей выступил В. Ф. Генниг со свердловскими коллегами (1970, 1972). Они считали, что никакой двухкомпонентной «потчевашской культуры» в I тыс. до н. э. не было. По их мнению, В. П. Мошинская неправоммерно объединила керамику Потчевашского городища и могильника. Курганы относятся к рубежу нашей эры и характеризуют лесостепную культуру абатского типа (саргатскую). Лесная же керамика с фигурно-штамповой орнаментацией, которую их предшественники отнесли к среднеиртышской культуре, они датировали серединой I тыс. до н. э., выделив в средневековой потчевашской культуре сперановский этап [Генниг В. Ф., Голдина Р. Д., 1967; Генниг В. Ф. и др., 1970; Генниг В. Ф., 1972].

В настоящее время исследователи пришли к единодушному мнению о том, что потчевашская культура

в эпоху раннего железного века не существовала. Она появляется только в раннее средневековье [Конников Б. А., 1982; Могильников В. А., 1981; Чиндина Л. А., 1981]. Относительно среднеиртышской культуры мнения разделились. В. А. Могильников (1970, 1973, 1978) расширил границы культуры значительно севернее и уточнил хронологию. Происхождение ее он связал с приходом в Среднее Прииртышье среднеобского населения. Этой же точки зрения придерживается А. С. Шемякина [Чагаева А. С., 1970]. Автором было высказано предположение, что это вариант кулайской культуры [Чиндина Л. А., 1980]. Сейчас в свете новых данных необходимо сказать следующее. Правобережный бассейн Среднеиртышья был не просто занят пришельцами-кулайцами, а являлся территорией формирования кулайской культуры. Кулайские памятники возникли здесь еще на васюганском этапе ее истории (Богачановское, Безымянное II, Ивановское городища, Мурлинское культовое место). На саровском этапе происходит продвижение на соседние территории в районы бассейна Оми и Нижнего Прииртышья, о чем говорит идентичность саровской и прииртышской керамики. Саровский стереотип керамики дает возможность выделить ее в любом месте. На вновь занятых землях иногда заметна локальная вариантность, возникающая под воздействием местных традиций и нарушения внутренней динамики, связанной с отрывом от метрополии, как, например, это можно видеть в Нижнем Приобье. В отношении правобережья Прииртышья такая вариантность отсутствует: например, керамика Большого Лога, Сперановки, Саровки адекватна по всем параметрам. Единство прослеживается и по литью (Богачановское, Мурлинское), костяным изделиям, особенностям поселений и жилищ. Таким образом, говорить о существовании какой-то особой среднеиртышской культуры нет смысла.

Во второй половине I тыс. до н. э. лесостепные районы Прииртышья занимала саргатская культура. На разных этапах развития ее территория значительно расширялась, достигнув Притоболья [Могильников В. А., 1972; Корякова Л. Н., 1981].

Характер взаимоотношений саргатцев и кулайцев пока остается неясным. В. Ф. Геннинг с группой авторов никаких взаимодействий между этими культурами не

усматривают, что отчасти объясняется поздней датировкой ими сперановского (саровского) этапа [Генниг В. Ф. и др., 1970, с. 224]. В. А. Могильников (1981) считает, что часть саргатцев была ассимилирована кулайцами, в результате чего возникла потчевашская культура. Б. А. Конников более осторожно и, как нам кажется, более правильно подходит к решению данной проблемы: в генезисе потчевашской культуры саргатцы сыграли определенную роль, «но доля их участия в разных районах Прииртышья была различной» [Конников Б. А., 1982, с. 14].

Действительно, саргатцы и кулайцы довольно рано вступили в контакт: в период продвижения саргатцев на север в бассейне Тары и правобережья Среднеиртышья они столкнулись с кулайцами, уже жившими там. Начавшееся внутри кулайского общества движение населения, вызванное социально-экономическими и экологическими изменениями, обострило борьбу за удобные земли. Может быть, частным отголоском постоянных столкновений служит одно интересное наблюдение. В одном погребении Новочекинского могильника лежали атрибуты кулайского типа: керамика, оружие (топоры, стрелы), но в позвоночнике умершего торчала стрела степняка [Молодин В. К., Полосьмак А. В., 1981, с. 79]. Как бы то ни было, но пока ощутимых свидетельств слияния саргатских и кулайских традиций западносибирская археология не имеет.

На север кулайское население проникало разными путями. Движение на саровском этапе шло из бассейна Средней Оби к Прииртышью. Кулайские памятники распространились по Нижней Оби, появились на р. Таз (рис. 48).

В Нижнеобском регионе В. Н. Чернецовым и В. И. Мошинской была выделена усть-полуийская культура, существовавшая, по их мнению, в IV, до н. э. — II в. п. э. [Чернецов В. Н., 1953; Мошинская В. И., 1953а]. Позднее датировка была удревлена и ограничена более узкими пределами — V—III вв. до н. э. [Мошинская В. И., 1965, с. 8]. Дискуссия по хронологии культуры развернулась сразу же после ее выделения [Грязнов М. П., 1952, 1956; Чернецов В. Н., 1957; Кызласов Л. Р., 1960]. Она продолжается до сих пор, то возобновляясь, то затухая.

В. Ф. Геннинг, изменивший историко-культурное место потчевашской культуры, совершенно справедливо считал, что коль скоро один из предлагаемых В. Н. Чернцовым компонентов усть-полуйской культуры — потчевашский — выпадает, то вопрос о ее происхождении должен быть пересмотрен [Геннинг В. Ф., 1972, с. 273]. Однако он, как и его предшественники, ошибочно исходил из однослойности Усть-Полуя, а поскольку он существенно зави-сил дату сперановского типа, то и хронология всей усть-полуйской культуры им определялась серединой I тыс. н. э.

Исследования автора в Среднем Приобье показали, что саровский тип керамики, характеризующий второй этап кулайской культуры, активно проникает в Нижнее Приобье в конце I тыс. до н. э. [Чиндина Л. А., 1973, 1973б].

Поток информации, новые точки зрения привели В. И. Мошинскую (1978) к необходимости вернуться к некоторым вопросам, связанным с проблемами усть-полуйской культуры. Оставаясь на старых позициях в отношении хронологии, исследовательница вынуждена была признать наличие в Усть-Полуе комплекса среднеобской керамики как более позднего. Она объяснила его появление эпизодическим приходом (посещение жертвенного места) среднеобского населения. Но не эта керамика, подчеркивала В. И. Мошинская, определяет сущность усть-полуйской культуры. Она заострила внимание на сосудах с поддонами с бедной орнаментацией как особом типе в составе усть-полуйской керамики, ставшем культурноопределяющим для Усть-Полуя.

Правомерно ли противопоставлять керамику на поддонах (группа II по В. И. Мошинской) керамике с фигурно-штамповой и гребенчатой орнаментацией (III группа)? По-видимому, нет.

В ранних работах В. И. Мошинская (1953, 1965) убедительно доказала культурную близость II и III групп. Действительно, сходство прослеживается по формам — поддоны есть в обеих группах и по орнаменту — рядами ямок, фигурных и гребенчатых штампов, единством мотивов и композиций. Сходство прослеживается в особенностях технологической обработки сосудов — зубчатым предметом. Что касается низкого процента фигурных штампов на II группе, то следует сказать, что на

классической кулайской керамике он невысок, значительно чаще встречаются сосуды с орнаментацией из рядов ямок, ямочно-гребенчатых, гребенчатых и волнистых поясов. Среди усть-полуйской керамики есть группа, продолжавшая крестово-струйчатые традиции, которая действительно отличается от среднеобской. Но она в свое время не нашла отражения в работах В. П. Мошинской.

К сожалению, нет оснований весь культурный комплекс многослойных памятников (инвентарь, типы поселений, святилищ) связывать только со II группой керамики. Еще до появления статьи [Мошинская В. П., 1978] было определено известно, что саровская керамика по всему Приобью идет в комплексе с аналогичным усть-полуйскому инвентарем (исключая предметы, связанные со спецификой производственной деятельности). Особенно это касалось предметов духовной культуры (гребни, ложки, костяная мелкая пластика и т. п.). Причем сочетание вещей и керамики стандартно на очень отдаленных друг от друга памятниках — Дубровинский Борок 3, Саровка, Большой Лог, Усть-Полуй [Генинг В. Ф. и др., 1970; Мошинская В. П., 1965; Троицкая Т. Н., 1979; Чпидина Л. А., 1968]. Правда, на первых трех среди керамики низок процент сосудов с поддонами. Тем более, казалось бы, нет оснований связывать вещи только со II группой керамики. В целом же подобный стереотип мог выработаться только в культурно-едином обществе.

Судя по ранее известным и новым материалам, саровская (усть-полуйская и ярсалинская) керамика на рубеже тысячелетий и в первой трети I тыс. н. э. встречается в Нижнеобье повсеместно (рис. 20), поэтому говорить об эпизодичности появления здесь кулайского населения не приходится.

С точки зрения хронологии и культурной характеристики Нижнего Приобья имеют значение новые материалы закрытых комплексов с усть-полуйской территории — Шеркалинского могильника. По спаренным и крупным золоченым и глазчатым поздних форм бусам, накладкам с зубчатым, концентрическим орнаментом или в виде рядов выпуклостей, обрамленных шнуром, памятник датируется I—III вв. н. э. (табл. 4). Найденные в двух могилах сосуды (рис. 23, 1, 8) по орнаментации и

технологии керамики относятся к саровскому типу или III группе Усть-Полуя. Один сосуд кубковидный на высоком коническом поддоне, украшен рядами зубчатой уточки, волной. Другой сосуд круглодонный с гребенчатой орнаментацией (II группа). В слое также найдена подобная керамика (рис. 25, 5—10), что лишнее раз свидетельствует о культурном единстве II и III групп. Сочетание керамики различных форм известно и на других памятниках Приобья в это время (Саровка, Маллет 6, Дубровинский Борок 3 и др.). Причем везде она имеет орнаментацию, характерную западносибирским таежным традициям.

Усть-полуйскую керамику нельзя рассматривать обособленно от ярсалинской, которая В. Н. Чернецовым (1957) была отнесена к другой, нижеобской культуре. Генетическая связь этих двух типов была доказана еще В. Н. Чернецовым (1957, с. 143). Новые материалы свидетельствуют об их хронологической близости и даже параллельности, судя хотя бы по данным Шеркалинского могильника. Очевидно, настало время рассматривать их в едином культурном комплексе, с возможным выделением локальных этапов: усть-полуйского и ярсалинского²⁵. В Нижнем Приобье усть-полуйский вариант саровской керамики появился не раньше конца II в. до н. э., так как возникновение саровского типа (7-я, 8-я группы по нашей типологии) в Среднем Приобье относится к этому времени.

В период массовых миграций часть среднеобского кулайского населения заняла обширные территории Нижнего Приобья, включая и Тазовский район. Здесь они вступили в контакт с местным населением, продолжавшим традиции культур крестово-струйчатой керамики, близкой позднегамаюнской. На Шеркалинском могильнике обнаружен комплекс керамики баночной и горшковидной формы, украшенной разными ва-

---

²⁵ Н. В. Федорова предлагает называть саровский этап ярсалинским «как более подходящий для всей территории Обь-Иртышья [Федорова Н. В., 1978а, с. 82]. Не являясь сторонницей терминологического многообразия, тем более неоправданных переименований, все же считаю предложение Н. В. Федоровой нецелесообразным, так как всеобщее определение этапа как ярсалинского исказит ход исторических событий. Саровский тип керамики генетически связан со Средним Приобьем, в Нижнеобье подобная керамика была притой и трансформировалась в ярсалинскую уже там на месте.

риантами крестовых струйчатых (змейка) штампов. Орнаментировался весь или большая часть сосуда, хотя нередки случаи бедной декорировки — из ряда ямок и редких оттисков штампа (рис. 23, 24). Такая керамика известна и на других памятниках (Сортынья I, Шаргалы X), в том числе и на Усть-Полуе. В Зауралье она выделена как синдейский тип [Викторова В. Д., 1970, с. 260—261]. По-видимому, эту керамику и ряд вещей раннего времени из Усть-Полуя (чеканы, кельты, стрелы) можно связывать с местной собственно усть-полуйской культурой. Пришельцы из Среднего Приобья оказали серьезное влияние на культурное развитие этого района. Однако до конца местные традиции не были вытеснены и возродились в раннем средневековье в новой культуре.

Длительные и мощные миграции кулайцев носили характер экспансии, сопровождавшейся отчасти ассимилятивными процессами. На занимаемой ими территории надолго исчезли местные традиции. Движение и расселение не выходило за пределы лесных зон, что вполне объясняется спецификой их хозяйства. Население занимаемых районов, как выше указывалось, не оказало достаточного сопротивления и было колонизировано. По разным причинам местные культуры в это время пришли в упадок. Прежде всего они были ослаблены или частично уничтожены разорительными многовековыми походами кочевников: юэчжей, усуней, хунну. В той обстановке тагарское, большебереченское и отчасти саргатское население с оседлым скотоводческо-земледельческим укладом не смогло своевременно перестроить хозяйство в связи с неблагоприятными природно-климатическими изменениями. В результате оказалась подорванной материальная основа культур. Все это создавало благоприятную обстановку для расселения и усиления кулайцев. Соседние кочевые племена, занятые своими делами в степях, не препятствовали действиям кулайцев. Здесь наглядно проявилась историческая закономерность возможности успешного сосуществования двух разных социально-экономических систем тогда, когда общество в значительной мере зависит от природных условий.

Причины успешного продвижения на север были несколько иными. Природные условия Нижнего и Среднего Приобья сходны, и наступивший в кулайское время экологический кризис должен был одинаково ска-

зываются на развитии этих двух регионов. Однако дело в том, что кулайская культура оказалась на более высоком уровне развития, дополнительно усилившись за счет постоянных тесных контактов с передовыми южными и юго-западными культурами. Поэтому кулайцам сравнительно быстро (I в. до н. э. — I в. н. э.) удалось колонизировать Нижнее Приобье и на длительное время заглушить местные традиции, но полностью ассимилировать местное население им не удалось.

Таким образом, в лесном Приобье на рубеже эр возникла огромная кулайская общность. Культурное единство выразилось в адекватной керамике самых отдаленных районов, объединенной автором в 6-ю, 7-ю группы васюганского и саровского типов, идентичности украшений, объектов культа и искусства, в общности погребального обряда, к примеру, таких могильников, как Шеркалинский, Ордынское I.

Бурное расширение границ, ярко выраженное культурное самосознание вряд ли было возможно в условиях социальной разобщенности мелких производственных групп. В то же время мы еще не располагаем достаточными данными, чтобы определить форму кулайского единства. Возможно, это был политический союз, объединявший родственные по культурному и этническому признаку социальные образования типа племени и успешно функционирующий в условиях постоянных военных столкновений.

Однако низкий технический уровень производства, отсутствие экономического единства, специфическая территориальная разобщенность тормозили интегральные процессы, препятствуя дальнейшей консолидации кулайского общества. Уже в III в. н. э. наблюдаются обратные процессы — локализация периферийных районов. Это особенно стало заметно по керамике. В памятниках Томского Приобья распространяется керамика упрощенного варианта 8-й и 9-й групп, известная с Шеломка I, Лагерного сада и др. [Плетнева Л. М., 1973, табл. VII]. Для Новосибирского Приобья эта керамика выделена в группу, относящуюся к последнему этапу существования здесь кулайской культуры [Троицкая Т. Н., 1979]. В Нижнем Приобье и Прииртышье, как уже говорилось, развитие орнаментации пошло по

линии усложнения фигурно-штампового напразления, причем здесь рано проявляются местные традиции.

В середине I тыс. н. э. кулайское единство распалось. В результате в лесном Приобье возникает ряд новых культур раннего средневековья, отражавших этническую специфику, новый социально-экономический этап развития. Среди них хорошо известные теперь потчевашская, релкинская, нижеобская, верхнеобская, или в новой интерпретации, одинцовская, культуры. На месте кулайской культуры сложилась на ее основе раннесредневековая релкинская культура, продолжавшая развивать кулайские традиции, преломляя их через свою культурную систему. Преемственность особенно наглядно выразилась в орнаментации керамики и в дальнейшем развитии кулайских сюжетно-стилистических особенностей в культовом литье [Чиндина Л. А., 1977].

В связи с предлагаемой трактовкой исторических событий в лесном Приобье в кулайское время возникает необходимость обратить внимание на некоторые этнические проблемы региона.

В начале 40-х годов В. Н. Чернецов изложил свою концепцию этногенеза западносибирского населения, в дальнейшем развивая и углубляя два главных направления — о прародине обских угров и самодийцев и этапах формирования угорских этносов на территории Западной Сибири [Чернецов В. Н., 1941, 1953, 1969 и др.]. Основная идея его гипотезы заключалась в том, что в середине I тыс. до н. э. в связи с развитием коневодства у южных угров начинается их интенсивное продвижение в Нижнее Прииртышье и Нижнее Приобье. Там пришельцы ассимилировали автохтонное палеазиатское население (носители зеленогорской керамики). В результате возникли древнеугорские культуры: потчевашская и усть-полуйская.

Среднеобскую, кулайскую, культуру он предположительно связывал с самодийцами. Подмеченные у кулайцев тагаро-таштыкские элементы (бронзовые котлы, южные зооморфные изображения, стиль «свернувшегося зверя») объяснялись продвижением южносамодийских племен из Саяно-Алтая в районы Томско-Нарымской Оби [Чернецов В. Н., Мошинская В. И., 1954, с. 189]. Позднее В. Н. Чернецов окончательно утвердился в своей

точке зрения и отнес население кулайской культуры к предкам селькупов [Чернецов В. Н., 1971, с. 105].

В дальнейшем относительно этнической принадлежности кулайской культуры у исследователей почти не было разногласий. Все, кто касался данного вопроса, считали кулайцев в основе самодийцами, хотя всегда при этом отмечали генетическую многокомпонентность этноса, обусловленную сложностью этнокультурного процесса эпохи бронзы [Васильев В. И., 1979; Косарев М. Ф., 1969, 1974; Могильников В. А., 1969а, 1973; Ураев Р. А., 1956]²⁶. Автором настоящих строк также отмечалось, что автохтонная кулайская культура вобрала в себя словские, андроновидные, самусьские, северные крестовоструйчатые традиции, сфокусированные в молчановской культуре, от которой вела начало кулайская. Развитие кулайских традиций в релкинской и позднесредневековой (позднеселькупской по А. П. Дульзону) культурах позволило предполагать участие самодийского компонента как основного в сложении кулайской культуры [Чиндина Л. А., 1970, 1973, 1977].

Поздние исследования Западной Сибири, подтвердившие конкретную точку зрения В. Н. Чернецова о самодийской принадлежности кулайцев, пришли в противоречие с его общей концепцией о ходе этнических процессов в эпоху раннего железа в Приобье. В настоящее время к кулайской культуре отнесены материалы фоминского этапа, доказана неправомерность выделения потчевашской культуры в эпоху раннего железа [Геннинг В. Ф. и др., 1970; Геннинг В. Ф., 1972; Конинов Б. А., 1982; Могильников В. А., 1970, 1981; Троицкая Т. Н., 1979; Чиндина Л. А., 1970, 1982]. Некоторые исследователи не согласны с угорской принадлежностью потчевашской культуры даже эпохи раннего средневековья [Геннинг В. Ф., 1972]. Возник вопрос о существовании усть-полуйской культуры в составе выделенных в свое время угро-палеазиатских компонентов. Распространение кулайской, саровской керамики, как можно было видеть, принципиально меняет представление о ходе миграций в Приобье в эпоху раннего железа, а значит, и этнических взаимо-

---

²⁶ Т. Н. Троицкая этническую привязку кулайцев Новосибирского Приобья дает «гипотетически в рамках широкой угросамодийской общности» [Троицкая Т. Н., 1979, с. 64].

действий, по сравнению с этнокультурной схемой В. Н. Чернецова.

О происхождении и значении южных черт в культурах Приобья в литературе говорилось много. В. Н. Чернецов обратил внимание на предметы, облик которых позволял говорить о существовании связей с южными культурами: глиняные сосуды на поддонах, изображения кинжалов, близких скифо-сарматским формам, votivные миниатюрные чеканы, высокие гребни со скульптурной резьбой [Чернецов В. Н., 1941, с. 23]. Не отрицая возможности опосредованного проникновения некоторых вещей в циркумполярную зону, В. Н. Чернецов все же настаивал на появлении в Приобье нового этнического элемента, последующий контакт которого с местным населением дал в итоге предков ханты и манси.

Точку зрения о роли степных культур в формировании обских угров поддержал С. В. Киселев (1942, с. 52). Л. Р. Кызласов развил этот сюжет, однако не беря во внимание положения В. Н. Чернецова о самодийской принадлежности таштыкского компонента, продвигавшегося в Среднее Приобье. Он считал, что в этногенезе угров Западной Сибири активную роль сыграли позднее тагарские племена, вытесненные из Минусинской котловины [Кызласов Л. Р., 1860, с. 173]. Для укрепления своих позиций исследователем были использованы, кроме археологических и этнографических параллелей, выводы Г. Ф. Дебца (1941) о сходстве черепов хантов с таштыкскими (точнее тагарскими в таштыкской культуре) сериями. Это сходство заключалось в наличии у некоторых групп хантов и таштыкцев низколицевого монголоидного типа. Данный антропологический тип, появившийся в виде примеси в составе населения III стадии тагарской культуры, в таштыкское время усиливается [Алексеев В. П., 1973, с. 227]. По мнению В. П. Алексеева, это не может быть объяснено только проникновением центрально-азиатского типа монголоидной большой расы. Важное значение имел таежный компонент, появившийся в Минусинской котловине с проникновением с севера населения с низколицим монголоидным типом. С этим антропологическим комплексом в таштыкской культуре связывают топонимику самодийского Саяно-Алтайского нагорья [Алексеев В. П., 1973, с. 232]. Таким образом, современные антропологические исследования не под-

тверждают продвижения тагарцев в таежное Приобье, наоборот, проникновение наблюдается с севера из лесных районов.

Археологические исследования в Среднем Приобье свидетельствуют об интенсивных миграциях кулайцев на юг, в том числе и на территорию лесостепных тагарцев. Связи с последними, выразившиеся в появлении немногочисленных тагаро-таштыкских предметов, носили обменный характер. Движение тагарцев на северо-запад даже в самые драматические моменты их истории не заходило севернее юго-восточной лесостепи Томского Приобья [Мартынов А. И., 1979; Могильников В. А., 1970; Плетнева Л. М., 1977]. Вряд ли логично допускать, что в основе оседлое пастушеско-земледельческое население в массе передвигалось на таежный север. Перемещению степного и лесостепного населения мешали межзональные экологические различия. Даже в более позднее время, в период тюркской экспансии, подобный ход миграций затруднялся причинами хозяйственно-экологического порядка [Белич И. В., Головнев А. В., 1983, с. 17]. Если немногочисленные группы и попадали в таежные районы, то они не могли изменить местного культурного облика, а сами подвергались аккультурации со стороны аборигенов. Возможности продвижения лесных племен на юг более реальны по ряду причин.

Оседлость таежных и степных обществ различается. Рыболовы и охотники леса из-за слабой продуктивности промысловых угодий вынуждены были осваивать значительные площади и заниматься специфическим сезонным хозяйством, поэтому они были более подвижны, слабее прикованы к ограниченному участку земли. Развитие скотоводства в собственном комплексном хозяйстве давало необходимые навыки и облегчало адаптацию в новых экологических условиях, где животноводство являлось главным источником жизни. Кроме того, продвигаясь на юг, кулайцы предпочитали занимать лесные области, минуя степи и лесостепи.

Современные лингвистические и этнографические исследования самодийцев второй половины I тыс. до н. э. локализуют в «регионе между Средней Обью и Енисеем, вокруг четырехугольника Нарым—Томск—Красноярск—Енисейск», включая окружающие сопредельные территории [Белич И. В., Головнев А. В., 1983; Хелм-

ский Е. А., 1983]. Данный район в основном совпадает с территорией формирования кулайской культуры. Вполне возможно, что с продвижением кулайского населения на юг следует увязывать появление там таежного низколицего антропологического типа. По аналогии можно считать самодийским и то население, которое принесло керамику саровского типа в Нижнее Приобье, и связать с ним усть-полуйский комплекс, считавшийся ранее угорским.

В целом анализ этнокультурных событий в Приобье приводит к следующим выводам.

1. Расселение кулайцев по Приобью, выразившееся в появлении саровских комплексов и прежде всего керамики, свидетельствует о сложении кулайской историко-культурной общности.

2. Проникновение кулайцев на чуждые территории приводит к появлению там самодийского компонента.

3. Начало распада кулайского единства, по-видимому, было началом распада самодийской общности на южную и северную с последующим формированием самодийских этносов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Кулайская культура сыграла огромную роль в истории Западной Сибири в эпоху железа. Сформировавшись в центральной части великой Западно-Сибирской равнины, вобрав в себя разные хозяйственно-бытовые, социальные и этнокультурные традиции, кулайская культура как бы сфокусировала в себе всю историю западносибирского раннежелезного века, стала своего рода генератором и катализатором важнейших социально-экономических событий эпохи, этнических трансформаций и политических потрясений.

Эта культура складывается на новой экономической основе. Освоение собственной добычи железа принципиально изменило в это время историческое место Среднего Приобья. Новые, местные источники сырья положили конец многовековой зависимости лесного Приобья от сырьевых металлургических центров эпохи бронзы и дали возможность создать собственную металлургическую базу. Вполне возможно, что богатый болотной железной рудой край сам мог обеспечивать соседей недостающим сырьем. В кулайской экономике усиливается развитие производящего хозяйства и прежде всего скотоводства, активизируется специализация традиционных форм. Возросшая потребность в мягком золоте на евразийских торговых путях привела хозяйство кулайцев к выделению пушного, как свидетельствуют археологические источники, соболиного промысла и укрепила их обменные связи с югом на новой основе. Глубокие изменения в ключевых направлениях экономики обеспечили автономное существование как самой культуры, так и расселявшихся групп — носителей кулайской традиции.

Яркая, самобытная кулайская культура является составной частью исторического развития Сибири в скифо-сакское и гунно-сарматское время. Несмотря на очевидное своеобразие социально-экономического и культурного развития кулайцев, в их истории отразились epochальные изменения, связанные с освоением железа, ростом кочевничества. Культурные изменения фиксируются в смене этапов кулайской культуры, хронология которых укладывается в общую периодизацию раннего железного века северной Евразии.

На васюганском этапе (скифском по общей периодизации) в материальной культуре кулайцев четко проступают своеобразные черты, выразившиеся в специфике керамики, культового литья, оружия. В конце этапа начинаются южные миграции кулайцев. К этому времени большепереченские и тагарские культуры были сильно ослаблены вначале юэчжами, а затем хунну. Сложившаяся политическая обстановка облегчила освоение южных территорий кулайцами.

На саровском этапе (совпадает с гуннским периодом) стираются особенности кулайского оружия, на их место приходят общераспространенные формы, так как усилившиеся внутренние противоречия, необходимость внешней защиты и нападения требовали усовершенствования военного дела. По-прежнему сохраняется специфика керамики и культового литья. Эти два культурных признака выделяют кулайцев среди прочих старых и новых культурных образований гуннского периода, четко фиксируют пути их перемещения в разных направлениях.

Кулайцы оставили глубокий след в преддверии сложения современных западносибирских этносов и в значительной степени предопределили культурную близость аборигенов Западной Сибири. Расселение по промысловым территориям заложило основы формирования обособленных экзогамных групп, которые впоследствии в Среднем Приобье проступают более четко у релкинцев, а затем окончательно оформляются в позднеселькупском обществе.

Выявленные общие схемы и направления развития кулайской культуры требуют дальнейшего изучения и проверки. В то же время анализ источников показал их крайнюю недостаточность для решения многоплановых задач в кулайской проблеме. Мы еще не располагаем не-

обходимыми сравнительными данными как в хронологическом, так и в территориальном плане. Проведенные раскопки на большинстве поселений незначительны, фрагментарны. Почти нет данных из погребальных комплексов, особенно из районов формирования культуры. Поэтому требуются фронтальные полевые исследования на поселениях и могильниках.

Накопление источников позволит вновь вернуться к вопросам происхождения, социальной и этнической интерпретации кулайской культуры, ее взаимоотношений с соседними народами. Дополнительные сравнительные материалы помогут уточнить или пересмотреть положения, выдвинутые автором, дать, может быть, более доказательные объяснения уже отмеченным фактам и событиям.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОПИСАНИЕ ПАМЯТНИКОВ СТЕПАНОВСКОГО КОМПЛЕКСА

Степановский комплекс памятников находится в Каргасокском р-не Томской обл., в 6—8 км восточнее пос. Средний Васюган. Памятники расположены на узкой Степановской гриве — первой надпойменной террасе в водоразделе рр. Варен-Егана и Егомьяхе — левых притоков р. Васюгана. Грива лежит между пойменной речкой Лемпой (Степановская протока) и большим рямом. В высокие паводки болотистая пойма заливается, как бы сливаясь с водами Лемпы. Обрез надпойменной стороны гривы крайне извилист и следует контурам речной долины: она тянется то с востока на запад, то делает крутой поворот, изменяя направление с севера на юг. В резких изгибах гривы образованы мысы высотой до 5—8 м.

Памятники расположены на этих мысах, а также в более пониженных пространствах между ними (рис. 2). Все они открыты автором в 1968 и 1973 гг. [Чипдина Л. А., 1968, 1973и].

Степановское городище (СГ)

Городище расположено в ЮВ части Степановской гривы и занимает высокий (6—7 м) мыс. Городище имело подковообразную систему укреплений, его площадь равна приблизительно 180 кв. м. Внутри объекта находились 3 жилищные западины, окаймленные валдиковой насыпью. Раскопки проводились автором в 1971, 1973 гг. Общая площадь раскопа, включающего 3 жилища, межжилищное пространство, часть рва и вала, — 154 кв. м (рис. 4).

Жилище 1 на поверхности представляло углубление округлой формы. На глубине 15—22 см контуры жилища приняли устойчивые очертания неправильной трапеции. Размеры стены 3,15×2,70×130××2,80 м. Пол жилищной камеры углубляется в материк на 10—12 см, возвышаясь к центру. Заполнение котлована: первый слой — дерновый состоит из мха, брусничника, мощность 10—15 см; второй слой — серо-коричневая супесь различной мощности от 40 до 50 см. При выборке заполнения жилища найдена керамика. В южной стенке западнее выхода, на глубине 30 см, обнаружено бронзовое ажурное изображение лоса (рис. 15, 5).

Выход находился в южной стенке. Размеры 1,1×0,9×0,4 м, имел небольшое возвышение (уступ) над полом жилища (10 см).

Открытый очаг, находясь в центре жилища, был несколько смещен к западной стенке, обнаружен на глубине 20 см от поверхности. Размеры 0,9×0,5 м. Верхний слой очага состоял из коричне-

вой смеси угля и жженого песка, второй — из прокаленного розового песка. При выборке очага постоянно встречались дробленые горелые кости, керамика, обломки тиглей. На уровне пола в очаге обнаружены обломки камней, скопление керамики, капли бронзы, шлаки, глиняная модель формы (рис. 8, 7). Пол жилища имел нечеткие границы и мало чем отличался от заполнения жилища — мешаного серо-коричневого песка.

В центре жилищной камеры на глубине 20 см от дневной поверхности прослеживается темное углистое пятно, достигающее до уровня пола (глубина 20 см).

Жилище 2 представляет на поверхности небольшое (3,5 × 3,3 × 0,4 м) округлое углубление. Западная густо заросла мелким сосняком и кустарником. Контуры неправильных форм стали выступать на глубине 20 см от дневной поверхности.

Котлован подчетыреугольной формы. Очень четко прослеживались юго-восточная, северо-восточная и отчасти юго-западная стенки. Западная стенка сильно деформирована. В северо-западной части образовался выступ (95 × 60 × 35 см). Глубина котлована везде различна. В юго-восточной части наибольшая глубина до 65 см (от дневной поверхности). Размеры (по линиям С—Ю, З—В) 4,0 × 3,4 × 0,6 м.

Заполнение котлована состояло из серого мешаного песка. Под дерном песок белесый, выщелоченный с угольками — результат пожара. К северо-восточной и юго-западной стенкам жилища сосредоточивались скопления керамики.

Трудно сказать что-либо определенное относительно выхода. Возможно, он приходился на выступ в западной или в южной стенке, но был уничтожен выросшим здесь деревом.

В центре котлована находился очаг-козрище. Первоначально оно занимало большую часть жилища, т. е. было разбросано. После выборки верхнего черноземного слоя контуры очага обозначились четко — подпрямоугольные, вытянутые по линии СВ—ЮЗ. Размеры 1,8 × 0,7 м. Углубляется в пол на 10—15 см. Структура очага неоднородна. Верхние слои из бурого чернозема с забросками углистого песка. Внизу золистые слои из красноватого прокала. Козрище было заполнено большим количеством мелких дробленых костей, фрагментами керамики. Здесь же были обнаружены небольшие слитки бронзы, обломок бронзового изображения, обломок костяной стрелки, голубая бусинка (рис. 16, 11). С северо-западной стороны очага на дне сохранились следы от двух пятнышек диаметром 8 см, углублялись в материк на 10—15 см. Пол из плотного темного, местами черного песка прослеживается тонкой (1—1,5 см) прослойкой.

Жилище 3 на поверхности представляло обширное мелкое углубление. На глубине 25 см выявилось пятно округлой формы (5 × 4,5 м по диаметру). В ЮЗ стенке широкий заплыв в ЮЗ сторону (вероятно, остатки перекрытия) — песок темного цвета с примесью угля. При дальнейшей расчистке эти контуры исчезли и обозначились на месте прежнего пятна еще более неопределенные формы, углубляющиеся в материк на 16 см и на 45 см от дневной поверхности.

Дерн состоит из смеси хвон, песка, брусничника — 10—12 см. Сразу же под ним проходил тонкий слой (4—6 см) углей (следы прошлого пожара). Мощность культурного слоя, состоящего из серой мешаной супеси, составляла 24—28 см. В месте жилищной камеры

культурный слой углублялся на 30—32 см. На этом уровне проходит слой углей, вероятно, это остатки перекрытия и стен.

Открытый очаг находился посередине жилищной камеры на глубине 15—30 см от дневной поверхности, его площадь $2,2 \times 1,2$ м, чем глубже, тем больше сужались границы очага, на глубине 50 см от дневной поверхности очаг приобрел овальную форму и углубился до 70 см. Очажное заполнение — угли и жженый песок. В очаге была обнаружена основная масса керамики, обломок железного ножа, обломок бронзового украшения. Отмечено обилие пережженных рыбьих костей, встречались кости животных. Пол жилища проходил на глубине 45 см, состав — углистый черный песок. В СЗ и В части у стенок жилища обнаружены два пятна круглой формы глубиной 50 см от дневной поверхности. Около пятна 1 находился небольшой грушеобразный заплыв глубиной 40—45 см. Это остатки столбов.

Траншея 1 была проложена рядом с раскопом жилища 1 и доходила до раскопа жилища 3 длиной 9 м в направлении СЗ—ЮВ, ширина ее 1 м. СЗ часть ее разрезает вал до середины рва (рис. 3). Первый слой дерновый. Мощность его неодинакова. Самая глубокая часть в СЗ конце, где ров; наиболее тонкий — на возвышенностях-валах. Сразу же под дерном проходит тонкий слой углей — следы недавнего пожара. Далее структура различается следующим образом.

На основном валу после углей идет слой светлого песка. Такая же лиза песка видна и на других валах. Это насыпь. Под насыпью на основном валу идет узкой полосой слой темного, местами черного песка — сгоревшие остатки от деревянных креплений вала. Ниже этого слоя проходит серая мешаная супесь — заполнение рва (мощность до 30 см). На расстоянии 1,2 м этот слой резко поднимается к насыпи вала.

Серая мешаная супесь заполняет пространство между валами и обваловками жилищ. Ближе к ЮВ концу профиля этот слой резко уходит в материк (мощность от дерна 30 см). Возможно, это следы ямы, возникшей при возведении насыпи.

Крепление вала, судя по остаткам, строилось следующим образом. Между вертикальными столбами (диаметр от 16 до 25 см, глубина от 15 до 25 см) располагались тонкие жерди (10 см) перпендикулярно друг другу. Получалась клеть.

Траншея 2 проведена через городище в направлении ЮЗ—СВ длиной 10 м. Ширина ее 1 м. На профиле отразилась значительная пересеченность местности. Здесь четко видны три возвышенности-вала, обваловки жилищ 1, 2, 3 (рис. 4, разрез IV—IV).

Стратиграфическое строение профиля сложнее, чем в первой траншее. Дерн — мощность 8—10 см, под ним идет слой углей. Ниже почти повсеместно располагалась серая мешаная супесь. Только на разрезе вала между 2-м и 3-м жилищами сразу под дерном и углями прослеживается слой светлого песка — насыпь, мощность 25 см. Такой же светлый песок составлял насыпь общего вала, здесь мощность его была 40 см, а длина слоя 3,8 м. Примерно в середине он прерывался темным песком. Нижний горизонт профиля составлял слой очень темного, местами черного от углей песка, мощность его неодинаковая. В ЮЗ части глубина его 12—15 см. На расстоянии

1 м от конца под этим слоем углубление правильной прямоугольной формы (20×40 см). Заполнены ямы серым мешаным песком.

Глубина третьего слоя увеличивается до 20—25 см под насыпью между жилищами 2 и 3. Далее мощность слоя почти не меняется до самого конца, за исключением заполнения двух ям глубиной 40 и 60 см. Яма глубиной 60 см находилась у подножия вала, и, видимо, со временем произошло оползание вала со стороны севера и северо-запада.

В основании общего вала местами сохранились крепежные конструкции, судя по обгоревшим остаткам, основание вала и стены укреплялись короткими бревнами (диаметр 15—20 см), положенными клетью между вертикальными столбами.

На площади между жилищами 2 и 3 находилась часть обваловки, и на глубине 40—50 см проявилось пятно с четкими подпрямоугольными контурами (рис. 4). Ориентация СВ—ЮЗ. Размеры 2,8×1,1 м. Юго-западная часть пятна шире, насыщена углями и имеет более четкие границы. Здесь пятно углубляется в материк на 18—20 см. Северо-восточная часть уже и углубляется в материк на 5—6 см. Заполнение пятна: светло-желтый песок с вкраплениями углей. При выборке пятна было обнаружено 4 фрагмента 4 сосуда.

Степиновское I поселение (СП-1)

СП-1 находится в 500 м от дороги и в 700 м от городища на правом берегу р. Лемпы в месте поворота ее с запада на север, который образует мыс высотой 5—6 м от уреза воды.

Поселение состояло из 11 визуально заметных западин глубиной 35—40 см, расположенных вдоль речки и поросших густой травой и мелким кустарником (рис. 5). Западины 1—6 находились на самой высокой части мыса и разделялись с остальными глубоким распадком, внешне напоминавшим ров.

Раскопки поселения производились Л. А. Чиндиной в 1973, 1978, 1979 гг. и Ю. Ф. Кирюшиным в 1971 г.

Общая площадь раскопок составляет 336 кв. м, Вскрыто 4 жилища и 6 объектов различного назначения.

Жилище I находилось в юго-восточной части поселения. На поверхности было заметно хорошо выраженной западиной диаметром 4 м. Контур жилища четко обозначился на глубине 20—25 см. Жилище приняло почти овальную форму с закругленной западной стороной, четкую прямоугольную форму имел лишь северо-восточный угол. Северо-западный и южный углы жилища оплыли. Размеры жилища 3,7×3,4 м. Глубина — 90 см от дневной поверхности. В материк врзается на 20—30 см (рис. 5, разрез IV—IV').

Заполнение жилища состояло из темной гумусированной супеси. При выборке заполнения были обнаружены фрагменты сосудов васюганского типа и кости. Находки встречаются по всей площади котлована. В северо-восточной и центральной частях в 30 см от пола жилища были обнаружены обожженные куски дерева, вероятно, остатки крыши.

В юго-восточной части жилища со стороны Лемпы четко обозначился выход. Форма вытянутая. Размеры 1,4×0,9 м. Заполнение выхода соответствовало заполнению жилища: темная гумусированная супесь. Рядом с выходом обнаружено скопление расколотых костей и фрагментов керамики.

У южной стенки в 1 м от выхода находился очаг. Размеры $1,0 \times 0,8$ м. Мощность очага около 90 см. В материк очаг углублялся на 10 см. Под очагом находился слой прокала 5—7 см. При выборке очага обнаружено большое количество дробленых костей, мелкие фрагменты керамики, угли.

В северо-западной части жилища после выборки заполнения, т. е. на глубине 80 см, открылось пятно. Первоначальные его размеры $1,3 \times 0,9$ м. При разборке пятна оказалось, что часть его перекрыта стерильной прослойкой и пятно имеет в длину 2,1 м, а в ширину 1,0 м. Пятно ориентировано СЗ—ЮВ, причем в северной части оно имело закругленную форму размером $1,0 \times 0,9$ м. Глубина этой части пятна составляет 1,7 м, в материк углубляется на 0,9 м.

Заполнено пятно гумусированной супесью более темного цвета, чем заполнение жилища. Заполнение северной части пятна 1 состояло из гумусированной супеси, углей, сильно обожженной глины. Все это располагалось слоями. Верхний слой — гумусированная супесь мощностью 25 см. В нем обнаружены каменный стерженек, мелкие фрагменты керамики без орнамента, угольки. Слой светлой супеси (8 см); слой гумусированной земли, содержащей угли, куски обожженной глины (16 см); слой сильно прокаленной глины (8 см); слой гумусированной земли (12 см). Следующий густо насыщенный углями и золой до 7 см. Пятно заканчивалось слоем сильно прокаленной глины в 17 см. Центральная часть пятна имела глубину 0,25 м от пола жилища. На всей площади пятна при выборке заполнения были обнаружены кусочки сильно обожженных костей, угли, куски сильно обожженной глины.

Жилище 1 возникло на месте могильника эпохи ранней бронзы и часть вещей попала из него в жилищный слой.

Жилище 2 находилось на 2,5 м северо-западнее жилища 1. На поверхности выделялось хорошо заметной западиной размером $3,8 \times 3,6$ м округлой формы.

Контуры жилища появились на глубине 25 см. Жилище имело почти правильную прямоугольную форму с выходом в юго-западной части. На глубине 40 см появились контуры перекрытия или обрушившихся стен. Размеры контуров перекрытия $3,3 \times 3,05$ м. В южной стороне контуры перекрытия образуют выступ размером $0,85 \times 0,4$ м. Углистые остатки перекрытия хорошо заметны в северо-западном и юго-западном углах. После снятия перекрытия четко обозначились три стороны пола (кроме юго-западной). В южной стенке котлована находился выход длиной 3 м, шириной 1,2 м. На стенке раскопа заметно, что выход крытый: сохранились остатки древесного тлена.

После снятия пола четко обозначилось пятно размером $2,05 \times 0,9$ м. Заполнение жилища составляла темная гумусированная супесь, заполнение пятна имело более светлый цвет. Глубина пятна от пола жилища — 45 см. На глубине 20 см пятно несколько меняет форму. Находок в пятне не было.

При выборке заполнения жилища у южной стенки и под пятном были обнаружены небольшие скопления васюганской керамики, обломки льячек и тиглей, а также кусочки бронзового шлака и обломки бронзового предмета.

Жилище 4 на поверхности просматривалось округлой ложбиной с выступом в юго-западной стенке. Контуры жилища проступали сразу под дерном, но нечетко. Только на глубине 35 см границы

жилища определены: оно имело подчетыреугольную форму. Южный угол не проступил, и стенка плавно перешла в выход. Размеры обозначившегося котлована следующие: северо-восточная стенка — 4,80 м; северо-западная — 3,20 м, юго-западная — 3,60 м; юго-восточная — 5,20 м; глубина жилища от дерна — 40—52 см.

В центре котлована находился очаг. Он обозначился сразу под дерном, вначале расплывчатым аморфным пятном с углистыми забросками. После расчистки очаг приобрел прямоугольные очертания (1,8×1,0 м), вытянут в северо-западном направлении. Мощность очага 30 см. Структура — бурая супесь с углями, на дне горелый песок. В очаге сосредоточивалось большое количество дробленых горелых костей, васюганской керамики, куски ошлаковки, всплески бронзы, обломок керамического предмета и тигель (рис. 9, 4). В юго-восточной части кострища — обширное скопление керамики, в котором находились остатки от 8 сосудов васюганского типа.

В северо-западной части кострища, уже под ним, обозначалась небольшая подквадратная яма (50×50 см), заполненная костями животных и рыб. При расчистке яма значительно расширялась и углубилась. В ее заполнении обнаружены кости крупных животных, керамика. В северо-западной части яма перекрывалась небольшой прослойкой песка, отделяя небольшую округлую яму со скоплением керамики, по в светлой супеси. Кроме того, найден обломок бронзовой пластины. Керамика, собранная в яме, аналогична найденной в очаге и скоплении.

В жилище было два четких выхода: в юго-западной стенке (№ 1) и северо-восточной (№ 2). Выход № 1 шел ступеньками наружу. Размеры 3,6×1,0 м. Выход № 2 меньше первого — 1,2×0,9 м. У его основания прослежены столбовые ямки. Вдоль стен жилища обнаружено несколько столбовых ям.

Жилище 12 располагалось в западной части поселения и на поверхности было незаметно. Жилище 12 сползло по склону мыса и было обнаружено при прокладывании траншей в западной части поселения.

Четкие контуры северного угла и части северо-западной и северо-восточной стенок обозначились на глубине 25 см. Очажное углистое пятно появилось почти сразу под дерном. Заполнение котлована, врезавшегося в материк на 10—15 см, состояло из серой супеси.

Очаг-кострище находился в середине раскопанной части котлована, ближе к северо-восточной стенке жилища 12 и частично уходил в стенку раскопа. Заполнение очага составляла углистая бурая супесь, перемешанная с кальцинированными мелкими костями, фрагментами керамики, развалом сосуда васюганского типа. Пол жилища состоял из уплотненной темно-серой супеси.

На площади межжилищного пространства были обнаружены три ямы и три пятна. Мощность культурного слоя раскопов 15—30 см из светло-серой и серой супеси чаще всего маловыразительна, и иногда трудно было уловить границу между материком и культурным слоем. Находки концентрировались около жилищ или ям.

Восточнее жилища 2 была обнаружена яма 1 сложной stratиграфии. На поверхности яма имела вид овальной западины 3×3 м. После снятия дерна обозначалось овальное пятно, размеры и конфигурация которого на различной глубине менялись, так же как и структурный его состав. На глубине 40—70 см оно было прямоугольным и имело размеры 2,2×1,2 м. Заполнение состояло из сме-

шанных слоев: темная коричневая прослойка и чистый желтый песок вкраплены в слой серого мешаного песка. На глубине 70 см пятно перекрывалось светлым песком, мощность которого различна: в центре и южной части глубина достигала 40 см. После выборки этого слоя обозначались контуры пятна несколько меньших размеров, заполненного коричневым и серым песком. После выборки по этим контурам выяснилось, что в западной части контуры на глубине 1 м начали расширяться, а заполнение стало густокоричневым с мелкими забросками угля. В восточной части также частично контуры расширяются за счет боковых северных и южных выступов. В восточной части ямы на глубине 1,3 м она приобретает новые границы и углубляется еще на 10 см. Заполнение — коричневый углистый песок. В восточной стенке ямы с новыми контурами выходит «рукав». У него интересный структурный состав: три тонких слоя (4—5 см) серого песка чередовались со светлыми песчаными слоями. Эти слои прорезали яму вдоль всей северо-восточной стенки. В виде дуги эти прослойки проходили через всю яму и в северо-западной части также рукавом поднимались вверх до уровня 40 см от дневной поверхности.

После выборки ямы по этим контурам размеры ее на глубине 145 см уменьшались. Заполнение этого пятна из серого мешаного песка с редкими забросками углей имело мощность 10 см. В пятне обнаружено несколько мелких камней, редкие фрагменты керамики. Яма была местом выжига древесного угля. Боковые «рукава» могли быть поддувалами.

Яма 2 располагалась севернее ямы 1. Она имела подчетыреугольную форму, ориентирована СЗЗ—ЮВВ. Размеры 1,2×0,7 м. Глубина ямы всего 75 см, но на протяжении этой глубины форма и размеры ее менялись. Последние контуры подпрямоугольные обозначились на глубине 55 см, и яма углубилась в материк еще на 20 см. Заполнение ямы — темно-серый песок с коричневым оттенком и углями. В заполнении найдены три фрагмента керамики без орнамента.

Яма 3 находилась северо-восточнее жилища 4. Она обозначилась сразу под дерном и углублялась до 35 см. В ней обнаружено скопление васюганской керамики.

На площади раскопов между жилищами 2 и 12 были найдены два бронзовых трехлопастных наконечника стрел со скрытой втулкой (рис. 12, 11, 13) и бронзовый прямой нож с орнаментом из треугольных штампов по лезвию (рис. 7, 5). Были найдены также фрагменты керамики васюганского типа. Восточнее ям 1 и 2 было обнаружено небольшое количество васюганской керамики и бронзовое плоское изображение человека (рис. 17, 6). Восточнее жилища 12 найден небольшой слиток бронзы и развал сосуда, а западнее в конце траншеи — бронзовый нож (рис. 4).

Степановское II поселение (СП-II)

Памятник находится в 150 м севернее СП-I. Поселение состояло из 9 бессистемно разбросанных западин. Раскопки проводились в 1971 и 1973 гг. на западинах 3, 6, 7. В 1979 г. в раскоп площадью 32 кв. м вошло жилище 9. Все работы были проведены автором. Общая площадь раскопа за все годы работы составила 111 кв. м. Раскоп захватил 4 объекта исследования.

Жилище 3 расположено в западной части поселения на самом берегу. На глубине 40 см от дневной поверхности проявились четкие очертания жилища неправильной четырехугольной формы: $3 \times 2,6 \times 2,4$ м. Жилище углублено в материк на 20—40 см. Заполнение жилищной камеры: дерновый слой 10—12 см состоял из хвой брусничника и черного песка, под дерном прослеживался слой углей — следы недавнего пожара. Ниже идет культурный слой из серого мешаного песка мощностью 40—60 см. Выход находился в СЗ стенке, размеры $0,7 \times 0,6 \times 0,6$ м.

Очаг в виде кострища ($1,5 \times 0,8 \times 0,67$ м) располагался в центре жилища. Структура очага — темно-буроватая супесь, местами черная от угля, на дне очага зола. Углублялся в материк на 10—12 см. В очаге найдены остатки пережженных костей животных, рыбы и керамика. Находки сосредоточивались в основном в очаге и выходе. Они представлены обломками тиглей, льячек и керамикой. Пол был темнее по цвету в отличие от основного культурного слоя, местами же проявлялись пятна белого песка, характерного обычно в месте пожарниц.

Жилище 6. Углубление заросло мелким лесом (сосняк, березняк). Сразу под дерном встречались находки, в центре западины пошел очажный буроземный слой. Контуры жилища 6 обозначились на глубине 20 см.

Котлован очень неглубокий — 30—45 см, имел подчетыреугольную форму. Размеры по линиям С—Ю, 3—В (через центр) $4,0 \times 3,4$ м. Заполнение: дерн из мха, хвой и ягодника перемешан с песком. Мощность 5—8 см. Под ним слой белесого песка с углями. Мощность его неодинакова — 12—30 см. Третий слой — заполнение жилища из серого мешаного песка — 15—20 см.

В западной стенке имеется выступ в западную сторону ($1,0 \times 0,5$ м). Возможно, это был выход жилища. Около северной стенки на полу сосредоточивалось скопление керамики, тигля и головешек.

Очаг-кострище находился в центре (95×50 см). Обозначился сразу под дерном. Мощность его 35 см. Верхний слой из черного гумусированного углистого грунта (20 см), нижний — из красноватого прокала и золы (15 см). Углублялся в материк на 8—10 см.

В очаге было большое количество горелых, дробленых костей, керамики, обломки тиглей, капли и небольшие слитки бронзы (табл. 41, 9; 44). Скопление керамики было рядом с костром (юго-западной).

Жилище 7 на поверхности представляло округлое углубление 4×5 м, глубиной 60 см. На глубине 19 см обозначились более или менее четко контуры овального пятна ($4,5 \times 4$ м) с заплывом в западной части. Возможно, что это было перекрытие.

Дерновый слой состоял из перегноя мха, хвой, ягодника и песка, мощность его 6—8 см, культурный слой — из светло-коричневого гумусированного песка. Наибольшая его глубина на разрезе ямы 1,18 м от дневной поверхности. Третий слой небольшой из жженого песка и углей. Находки, керамика сосредоточивались только в верхнем слое жилища.

В жилище, примерно в центре его, чуть ближе к ЮВ стороне, находилось большое кострище ($2,2 \times 1,2$ м) из жженого песка и углей. Оно обозначилось почти сразу под дерном и углублялось на 30 см. Находки — керамика. Под очагом была обнаружена яма овальной формы (60×35 см), уходящая в глубь материка на 54 см от уровня

дна камеры жилища. Состав заполнения ямы — светло-коричневый гумусированный песок. Находок нет.

Жилище 9 расположено севернее жилища 6, на поверхности было плохо заметное углубление (10—15 см), вытянутое по линии С—Ю.

Жилище имело форму неправильного четырехугольника. Длины сторон: СВ — 2,8 м, ЮВ — 2,2 м, ЮЗ — 2,2 м, СЗ стенка имела волнистые контуры и размеры ее приблизительно — 2,9 м. В ней находился выход. Глубина котлована — 30—40 см, заполнение — серая супесь.

После окончательной зачистки были выявлены следы двух ямок. Одна — в южном углу жилища, круглая, диаметр — 10 см, глубина от уровня пола — 37 см. Вторая — во входе жилища, овальная, глубиной 10 см.

В центре жилища был очаг прямоугольной формы, ориентирован по линии С—Ю. Размеры: 0,9×1,75 м. Цвет заполнения в центре черный, к краям бурый. Мощность очага 25—30 см. В материк он в целом не углубляется и только частично нижний горизонт прокаленного яркого песка на 1,5—2 см заходит в материк. В центре очага зафиксирована столбовая ямка диаметром 15 см, углубляется в материк на 4 см. В очаге обнаружены мелкие дробленые кости, керамика васюганского типа и роговой предмет со следами декоративной обработки.

В пространстве между 6-м и 9-м жилищами под слоем пестроты мощностью 50 см от дневной поверхности обнаружено четыре круглых пятна, углублявшихся в материк на 10 см. Над ними в слое были найдены фрагменты керамики васюганского типа, сами пятна оказались пустыми.

Степановское III поселение (СП-III)

Поселение находится на Степановской гриве, СЗ городища. С СВ стороны грива скошена дорогой в Средний Васюган. Этой дорогой уничтожена часть поселения. Сохранились только три углубления, протянувшиеся с СЗ на ЮВ. Западныи округлой формы — 4×3,5×0,5 м. Раскопки на поселении проводились автором в 1971 г. Общая площадь раскопа, включившая 2 объекта исследования и межжилищное пространство, составила 68 кв. м. В ходе раскопок выяснилось, что жилище 1, значившееся на плане и представлявшее овальное углубление (4×3,2×0,4 м), оказалось просто ямой. После снятия дерна, верхнего слоя углей и светлого песка (остатки былого пожара) на глубине 25 см четко обозначились контуры ямы 2,2×1,6 м. Глубина ее от поверхности оказалась 80 см. Структура заполнения жилища следующая: дерн из мха, хвоя, ягодника глубиной 5—8 см; затем идет слой углей с жженым песком белого цвета 5 см; культурный слой из серого мешаного песка глубиной 38—40 см. Находки — керамика ранневасюганского типа.

Жилище 2 находилось в ЮВ части поселения. На поверхности оно представляло углубление овальной формы. На глубине 20 см проявились контуры жилища неправильной формы. Южная стенка сравнительно прямая, образует прямой угол с восточной,

которая посередине резко выдается на восток. Северная стенка деформирована и разрывается прямоугольным выходом. Западная стенка прерывается широким (в 9 м) материковым останцем, вдающимся в жилище. Заполнение жилища — темно-серая супесь глубиной 30—60 см составляла культурный слой, мощность дерна 6—10 см. Найдена керамика. Прямоугольный выход размером 90×55 см находился в северной стенке.

В центре жилища находился открытый очаг (1,6×1,2 м). Следы его стали прослеживаться на глубине 23 см от поверхности и состояли из смеси темно-коричневой жженой земли и угля. На глубине 28 см появился зольный песок розоватого цвета, углублявшийся в материк на 10 см. Контуры очага подпрямоугольной формы размером 60×40 см. Основная масса находок обнаружена в очаге. Кроме керамики в нем обнаружено пять кусочков бронзы, обломки от литейных форм, маленький глиняный предмет с отверстием (амулет, бусина?), бронзовые шлаки.

После снятия пола к СЗ от очага выявилось большое темное пятно (смесь песка и угля) овальной формы (1,0×0,6 м), углубляющееся в материк на 40 см от пола.

Степановское IV поселение (СП-IV)

Памятник находится в 130 м западнее СП-1, состоит из 15 западин (рис. 2). Их расположение своеобразно: две неравномерно скученные группы (восточная из 6 западин, западная¹ из 5) отделены друг от друга, и между ними средняя группа из трех западин. Памятник был открыт в 1973 г. автором, раскопки проводились им же в 1979 г. Общая площадь раскопа, включавшая 4 западины по трем группам, составляла 206 кв. м. К восточной группе западин в раскоп 46 кв. м вошла западина 1.

На поверхности жилище 1 представляло овальную западину глубиной 18—20 см, вытянутую с севера на юг. Первоначальные контуры проступили сразу под дерном гумусированной пестроцветной супесью.

На глубине 30 см от дневной поверхности пятно меняет форму, размеры и состав почвы. Оно становится трапециевидным со скругленными углами, длина сторон: СВ — 2,6 м, ЮВ — 4,4 м, ЮЗ — 3,2 м, СЗ — 3,4 м. Заполнение из серой супеси около 20 см мощностью. На глубине 50 см контуры сузились, изменили конфигурацию. Слой по этим контурам имел мощность 7—8 см.

Очаг овальной формы (1,6×0,8 м) ориентирован по линии С—Ю. Начал прослеживаться на глубине 30 см от дневной поверхности, однако четкие очертания он приобрел в более низких горизонтах. Заполнение очага однородно—темного цвета супесь с вкраплениями угля, золы, жженого песка. Углублялся в материк на 5 см. В очаге обнаружены фрагменты керамики васюганского типа, дробленые косточки, глиняная скульптура головы лося (рис. 19, 1).

В нижних горизонтах котлована обнаружено три больших пятна. Одно из них примыкало с внешней стороны СЗ стенки, имело прямоугольную форму (40×60 см). Другое находилось внутри котлована у ЮВ стенки, имело аналогичные очертания. Размеры 50×60 см. Заполнение обоих пятен—темно-серая супесь. Контуры их исчезают на уровне пола. Интересно пятно в СВ части жилища. Оно появилось

после выборки очага, глубже его примерно на 5 см. Имело форму четырехугольника. Северо-западная и юго-восточная стенки были обозначены двумя темно-серыми параллельными полосами длиной 1,8 м, а шириной 4—5 см. Размеры торцевых стенок 0,6 м. Мощность пятна 7—10 см.

В межжилищном пространстве находок почти не было, кроме редких фрагментов керамики васюганского типа кулайской культуры.

Жилище 8 находилось в западной группе западни. Здесь был заложен раскоп в 32 кв. м. На поверхности жилища хорошо просматривалось овальной впадиной, ориентированной С—Ю. Контуры котлована начали появляться сразу под дерном. На глубине 35—38 см контуры определились в квадрат со сторонами 3,2 м. Глубина котлована от дневной поверхности 45—65 см. Заполнение — серая супесь.

В жилище и на неопределяемой территории обнаружено большое количество находок. У северной стенки котлована жилища найдено скопление целых и разбитых тиглей. Некоторые из них еще не были в употреблении, другие с явными следами ошлаковок, нагара — свидетельства производства производственного использования. Форма их стандартна для васюганских тиглей — это неглубокие овальные круглодонные плоские с округлым литником в одной вытянутой стороне. Размеры разные (рис. 9, 1, 5, 6). Некоторые из них были вложены один в другой. В одном из тиглей найдены остатки кальцинированных костей и застывший слиток бронзы в другом. Рядом с тиглями было большое скопление керамики и кусочек железа. Керамика на раскопе вообще встречалась часто как фрагментами, так и скоплениями. На ее характеристике есть смысл остановиться подробнее.

По форме и орнаментации она входит в васюганский тип — широкогорлые горшки с короткой шейкой с плавным, реже резким переходом в яйцевидное или округлое тулово, низкие открытые круглодонные чаши, орнаментированные жемчужником, ямками, гребенчатым и фигурным (уточка, треугольник) штампом. Среди керамики жилища 8 появляется и другая, отличная от васюганского типа: изменение строения с венчиком в виде бортика и стволыстым орнаментом. Эти два признака характерны для саровского типа. Керамика найдена рядом с жилищем и несколько фрагментов в очаге.

В центре камеры находился очаг-козрище. Появился почти сразу под дерном, имел мощность 45—50 см, не углубляясь в материк. Первоначально очаг имел квадратную форму со сторонами 1,0 м, затем сильно оплыл и сместился в юго-западную часть котлована. Состав его из темной, местами черной супеси с забросками углей, в нижних горизонтах — из жженого песка, перемешанного с остатками сгоревших костей и обильного количества керамики. Выход находился в середине восточной стенки котлована.

Жилище 9 находилось в центральной группе. На поверхности просматривалось круглой западной. Стабильные контуры появились на глубине 25 см от дневной поверхности. Они имели неправильно округлую форму с выступом в юго-восточной стороне. Размеры по линии разрезов 6,4×7,0 м. Стратиграфия заполнения: под тонкой дерновой прослойкой шел слой серой супеси мощностью 25—30 см, светло-серая супесь занимала в основном нижний горизонт центральной части котлована, севернее очага, его мощность 18—20 см. В юго-западной части на глубине 25—35 см шла углистая прослойка

сплошным шитом, а в северной части четко сохранились остатки деревянной обуглившейся конструкции.

Находки из котлована в основном состояли из керамики, редких камней, обломка тигля. Керамика васюганского и саровского типов. Выходом, скорее всего, служил юго-восточный выступ. Пятно 9, находившееся в нем, вполне могло служить дренажной ямой.

Очаг-кострище находился почти в центре, несомненно, тяготея к южной стороне. Его первоначальная форма приближалась к прямоугольной (80×60 см). Позднее очаг оплыл в юго-западную сторону. Его состав черно-бурая супесь с небольшими участками прокаленного песка в нижнем горизонте. В нем обнаружены мелкие горелые кости, керамика, обломки камней, всплески бронзы и небольшой обломок бронзового изделия. Здесь же были прокаленные небольшие камни.

После выборки заполнения котлована обозначились 3 пятна округлой формы, которые располагались вдоль северо-западной стенки, их глубина 5—10 см. Перед выходом также было зафиксировано пятно, появившееся на глубине 50 см и углубившееся в материк на 18 см.

При расчистке западины 10 от валежника, деревьев и кустарника выяснилось, что это не одна, а две западины. При раскопках определить назначение их не удалось, во всяком случае связать их с остатками жилищ вряд ли возможно. Сразу под дерном в южной западине пошел пестроцвет, затем серая супесь культурного слоя с одинаковой на всем протяжении мощностью 30—40 см. Скорее всего, это ложбина естественного происхождения. На этом месте обнаружено три пятна на разной глубине и разной мощности. Два из них быстро исчезли. Среднее представляло яму искусственного происхождения: хорошо виден песчаный выкид от рывья котлована. Однако четких контуров котлована не прослежено — состав почвы заполнения и прилегающих участков из одинаковой светло-серой супеси, углубление в материк пологое и неглубокое. В верхнем горизонте котлована, сразу под дерном, был слой прокаленного песка, вытянутый узкой полосой с востока на запад, мощность его 20—25 см. На раскопе на месте котлована обнаружено небольшое скопление керамики васюганского типа, а рядом с котлованом на глубине 20 см найдены фрагменты от сосудов эпохи бронзы.

Таким образом, очевидно, что СП-IV памятник многослойный.

КОЛЛЕКЦИИ

Томский областной краеведческий музей

Бундюрские, Бакчарские, Васюганские, Нюрнинские, Парабельские, Чижапские сборы	2281
Кривошеинский клад	302
Кулайское культовое место	2281
Парабельское культовое место	297, 298
Степановский клад	1493

Колпашевский краеведческий музей

Богатырские Бугры, городище	309—328
Дунаевские находки	242, 244
Мурзинские находки	241, 243
Набегн	240
Напасские находки	683, 684
Парабельское культовое место (Малые Бугры)	1107, 1108, 1109, 1110, 1111, 1114
Пиковские находки	236, 237, 238

Музей археологии и этнографии Сибири Томского университета

Басаидайка I	6735, 6736, 6737
Киреевское III, городище	7329
Кижирово, поселение	6722, 6900
Красноозерки, поселение	
Кривошешенское поселение	
Кулайка, культовое место	1256—1258
Лисий Мыс, поселение	7042
Лысая Гора, поселение у Долгой Гривы	7150, 7273
Малгет, поселение	6970
Могильный Мыс (на Час)	6962
Напасское поселение	7268
Нововасюганское городище	9026
Нововасюганское поселение	8067
Окуневское городище	7115
Потчеваш, могильник	1368
Рыбицкие находки	7335
Савельевское поселение	7135
Самусь IV, «клад»	6794
Саровское городище	7046
Саровское поселение	7244
Смолокуровское городище	6714
Сохта II, поселение	7295
Степановское городище	9018
Степановское I поселение	9014
Степановское II поселение	7039, 9019
Степановское III поселение	7040
Степановское IV поселение	7147
Тух-Сигат, IV, поселение	7110
Тух-Сигат VII, поселение	7134
Тух-Эмтор I, поселение	7108
Тух-Эмтор II, поселение	7107
Тух-Эмтор IV, поселение	7113
Усец, городище	7283
Челомеевское II поселение	7061
Шаманский Мыс	7043, 8025
Шеломок, городище (поселение I)	6840
Шеркалинский могильник	7438
Шудельское поселение	8034
Язевская находка с Обь-Енисейского канала	2409

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Гейнинг В. Ф. Отчет об археологических раскопках поселения Большой Лог на р. Омн у г. Омска, произведенных Уральской археологической экспедицией в 1965 г. — Архив ИА АН СССР, р-1, № 3104.

Елькина М. В. Отчет о раскопках на Барсовой Горе в Сургутском р-не Тюменской обл., проведенных в 1973 г. — Архив ИА АН СССР, р-1, № 5234.

Елькина М. В. Отчет о раскопках поселений на Барсовой Горе в Сургутском р-не Тюменской обл., проведенных в 1974 г. — Архив ИА АН СССР, р-1, № 5613.

Киришин Ю. Ф. Отчет об археологических работах проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии при Томском университете им. В. В. Куйбышева летом 1971 г. — Архив МАЭС ТГУ, № 539.

Киришин Ю. Ф. Отчет об археологических работах проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии при Томском университете им. В. В. Куйбышева летом 1972 г. — Архив МАЭС ТГУ, № 531.

Киришин Ю. Ф. Отчет об археологических работах Васюганской археологической экспедиции Томского университета им. В. В. Куйбышева летом 1976 г. — Архив МАЭС ТГУ, № 707.

Кутафьев П. И. Отчет об археологических исследованиях по Нарымскому округу за 1938 год, т. 2. — Архив ККМ.

Кутафьев П. И. Отчет об археологических исследованиях по Нарымскому округу за 1938 год, т. 4. — Архив МАЭС ТГУ, № 116.

Плетнева Л. М. Отчет о полевых исследованиях археологического отряда проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Томского университета летом 1970 г. — Архив МАЭС ТГУ, № 460.

Рябцев В. А. Отчет об археологической разведке в Томской области летом 1977 г. — Архив МАЭС ТГУ, № 724.

Ураев Р. А. Отчет об исследовании Парабельского культового места в 1955 г. — Архив ТОКМ, оп. 4, инв. 163.

Черных Е. Н. Результаты спектрального анализа металла бронзовых изделий из археологических памятников Приобья. — Архив МАЭС.

Чемякин Ю. П. Отчет о раскопках на Барсовой Горе в Сургутском р-не Тюменской обл., произведенных в 1979 г. — Архив ИА АН СССР, р-1, № 7770.

Чиндина Л. А. Отчет об археологической разведке в Каргасокском р-не Томской обл. в 1968 г. — Архив МАЭС ТГУ, № 341.

Чиндина Л. А. Отчет об археологических работах проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского университета им. В. В. Куйбышева летом 1970 г. — Архив МАЭС ТГУ, № 466.

Чиндина Л. А. Отчет об археологических работах проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского университета летом 1971 г. — Архив МАЭС ТГУ, № 487.

Чиндина Л. А. Отчет об археологических работах проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Томского университета летом 1972 г. — Архив МАЭС ТГУ, № 516.

Чиндина Л. А. Отчет об археологических исследованиях Нарымского отряда летом 1973 г. — Архив МАЭС ТГУ, № 565.

Чиндина Л. А. Полевая документация по раскопкам летом 1973 г. — Архив МАЭС ТГУ, № 600—605.

Чиндина Л. А. Отчет об археологических исследованиях Нарымского отряда летом 1974 г. — Архив МАЭС ТГУ, № 627.

Чиндина Л. А. Отчет об археологических исследованиях Нарымского отряда летом 1976 г. — Архив МАЭС ТГУ, № 706.

Чиндина Л. А. Отчет об археологических исследованиях Нарымского отряда летом 1977 г. — Архив МАЭС ТГУ, № 726.

Чиндина Л. А. Полевая документация по археологическим исследованиям летом 1978 г. — Архив МАЭС ТГУ, № 792.

Чиндина Л. А. Отчет об археологических исследованиях Нарымского отряда летом 1979 г. — Архив МАЭС ТГУ, № 793.

Яковлев Я. А. Отчет об археологических исследованиях Тымского отряда летом 1980 г. — Архив МАЭС ТГУ, № 824.

ЛИТЕРАТУРА

Акишев К. А., Кушаев Г. В. 1963. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 800 с.

Алексеев В. П. 1973. К происхождению таштыкского населения Южной Сибири. — Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, с. 220—232.

Архинов С. А., Вдовин В. В., Мизеров Б. В., Николаев В. А. 1970. Западно-Сибирская равнина. М.: Наука, 279 с.

Белич Н. В., Головинев А. В. 1983. О характере миграций населения таежного Приобья. — Проблемы этногенеза и эвнической истории самодийских народов: Тезисы докладов областной научной конференции по этнографии. Омск, с. 16—20.

Бельтикова Г. В. 1977. Иткульские поселения. — Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, с. 119—133.

Бельтикова Г. В. 1981. О зауральской металлургии VII—III вв. до н. э. — Вопросы археологии Урала, вып. 15. Свердловск, с. 118—125.

Бобров В. В. 1978. Кулайские элементы в татарской культуре. — Ранний железный век Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, с. 33—49.

Богданова-Березовская Н. В. 1963. Химический состав металлических предметов из Минусинской котловины. — Новые методы в археологических исследованиях. Л.: Изд-во АН СССР, с. 115—159.

Бокоренко Н. А. 1981. Бронзовые котлы эпохи ранних кочевников в азиатских степях. — Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск: Наука, с. 42—52.

Васильев В. П. 1979. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М.: Наука, 243 с.

Васильев Е. А. 1982. Северотаежное Приобье в эпоху поздней бронзы (хронология и культурная принадлежность памятников). — Археология и этнография Приобья. Томск: Изд-во Томск. ун-та, с. 3—14.

Викторова В. Д. 1970. Этапы развития фигурно-штамповой орнаментации на сосудах памятников бассейна р. Тавды. — Проблемы хронологии и культурной принадлежности памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, с. 254—271.

Волкова В. С., Левина Т. П. 1982. Растительность голоцена Западной Сибири по палеонтологическим данным. — Развитие природы СССР в позднем плейстоцене и голоцене. М.: Наука, с. 186—192.

Вронов Ю. Н., Шенк ао Н. К., 1982. Вооружение воинов Абхазии IV—VII вв. — Древности эпохи Великого переселения народов V—VIII веков. М.: Наука, с. 121—165.

Гаврилова А. А. 1965. Могильник Кудырге как источник по истории алтайских племен. М. — Л. 143 с.

Геннинг В. Ф. 1970. История населения Удмуртского Прикамья в пясноборскую эпоху. Ижевск. 256 с.

Геннинг В. Ф. 1973. Программа статической обработки керамики из археологических раскопок. — СА, № 1.

Геннинг В. Ф., Голдина Р. Д. 1967. Поселение Большой Лог у г. Омска. — Тезисы докладов и сообщений V Уральского археологического совещания. Сыктывкар, с. 145—148.

Геннинг В. Ф., Корякова Л. Н., Овчинникова Б. Б., Федорова Н. В. 1970. Памятники железного века в Омском Припутье. — Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, с. 203—228.

Геродот. 1972. История. М.: Наука. 599 с.

Гондатти П. Л. 1888. Следы язычества у инородцев северо-западной Сибири. — Труды этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. М., кн. 8, с. 70—74.

Гондатти П. Л. 1888. Культ медведя у инородцев северо-западной Сибири. — Труды этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. М., кн. 8, с. 74—87.

Гондатти П. Л. 1888. Следы языческих верований у манзов. — Труды этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. М., кн. 8, с. 49—70.

Горячкин В. 1925. Теория ручных орудий. — Вестн. металлопромышленности, № 3—4, М., с. 199—201.

Граков Б. И. 1965. Заметки по скифо-сарматской археологии. — МИА, № 130, с. 215—219.

Григор Г. Г., Земцов А. А. 1961. Природное районирование Западной Сибири. — Вопросы географии. Сб. 55, М., с. 80—92.

Григорьев Г. П. 1972. Восстановление общественного строя палеолитических охотников и собирателей. — Охотники, собиратели, рыболовы. Л., с. 11—26.

Гришин Ю. С. 1980. Древняя добыча меди и олова. М.: Наука. 186 с.

Грязнов М. П. 1952. Некоторые итоги трехлетних археологических работ на Верхней Оби. — КСИИМК, вып. 48, с. 93—102.

Грязнов М. П. 1956. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка. М.—Л.: Наука. 163 с.

- Грязнов М. П. 1971. Миниатюры таштыкской культуры. — АС, вып. 13. Л., с. 92—106.
- Гундризер А. П., Вершинин В. К. 1979. Особенности ихтиофауны на различных этапах обитания человека в Приобье. — Особенности естественно-географической среды и исторические процессы Западной Сибири. Томск, Изд-во Томск. ун-та, с. 27—29.
- Дебец Г. Ф. 1941. Антропологическое исследование погребальных масок таштыкской культуры. — Краткие сообщения о научных работах научно-исследовательского института и музея антропологии при МГУ. М.
- Деопик В. Б. 1959. Классификация буе Северного Кавказа. — СА, № 3, с. 48—65.
- Дервянко А. П. 1976. Приамурье. Новосибирск: Наука. 386 с.
- Евдокимова Г. В. 1973. К вопросу о молчановской культуре. — Из истории Сибири, вып. 7. Изд-во Томск. ун-та, с. 117—124.
- Елизарьева М. Ф. 1966. Луговая растительность. — Природно-биологические ресурсы Томской области и перспективы их использования. Томск: Изд-во Томск. ун-та, с. 127—132.
- Елькина М. В. 1977. Поселения раннего железного века в Сургутском Приобье. — Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, с. 104—118.
- Ермолаев А. П. 1914. Ишимская коллекция. — Описание коллекций Красноярского музея. Красноярск. 19 с.
- Ермолова П. М. 1980. К изучению хозяйства кулайской культуры. — Вопросы этнокультурной истории Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, с. 11—13.
- Ефимова Л. П., Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М. 1975. Эволюция почв и растительности Васюганья в позднем голоцене. — Материалы исследования природной среды и населения Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, с. 86—96.
- Западная Сибирь. 1963. М.: Наука. 487 с.
- Збруева А. В. 1952. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. — МИА, № 30. 321 с.
- Земцов А. А. 1976. Геоморфология Западно-Сибирской равнины. (Северная и центральная части). Томск. 343 с.
- Зубакова В. А. 1972. Палеогеография Западно-Сибирской низменности в плейстоцене и позднем плистоцене. Л.: Наука. 200 с.
- Ильин Р. С. 1930. Природа Нарымского края. — Материалы по изучению Сибири, т. 2. Томск: Изд-во Томск. ун-та. 350 с.
- Иоганзен Б. Г. 1971. Природа Томской области. Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во. 176 с.
- Кабо В. Р. 1972. Теоретические проблемы реконструкции первобытности. — Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М.: Наука, с. 60—107.
- Канивец В. П. 1964. Капнская пещера. М.: Наука. 136 с.
- Каприелов А. А. 1974. Этнографическое объяснение археологического материала Западной Сибири V—X вв. н. э. (Изображения лося, медведя, бобра). — Известия лаборатории археологических исследований, вып. 5. Кемерово, с. 130—144.
- Кирюшин Ю. Ф. 1973. К вопросу о происхождении культуры раннего железа в Нарымском Приобье. — Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск. Изд-во Томск. ун-та, с. 211—214.

- Кириوشин Ю. Ф. 1976. Нововасюганское поселение. — Из истории Сибири, вып. 16. Томск: Изд-во Томск. ун-та, с. 29—49.
- Кириوشин Ю. Ф., Малодетско А. М. 1979. Бронзовый век Васюганья. Томск. Изд-во Томск. ун-та, 182 с.
- Киселев С. В. 1942. 25 лет советской археологии. — 25 лет исторической науки в СССР. М.—Л., с. 41—53.
- Киселев С. В. 1951. Древняя история Южной Сибири. М. 643 с.
- Ковалюх Н. П. 1980. Абсолютные даты по C^{14} Института геохимии и физики минералов АН УССР. — Вопросы этнокультурной истории Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, с. 14—18.
- Козлов В. И. 1982. Особенности воспроизводства населения в доклассовом и раннеклассовом обществе. — Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М.: Наука, с. 9—32.
- Комарова М. П. 1952. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири. — МИА, № 24. М., с. 7—50.
- Коников Б. А. 1982. Культуры таежного Прииртышья VI—XIII вв. и др. Автореф. ... канд. ист. наук. Новосибирск. 17 с.
- Корякова Л. П. 1981. Саргатская культура раннего железного века западносибирской лесостепи. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 19 с.
- Косарев М. Ф. 1969. К вопросу о кулайской культуре. — КСИА, вып. 119. М., с. 43—51.
- Косарев М. Ф. 1974. Древние культуры Томско-Парынского Приобья. М.: Наука, 216 с.
- Косарев М. Ф. 1976. Географическая среда и неравномерность социально-экономического развития разных районов Западной Сибири в первобытную эпоху. — Вопросы археологии Приобья. Тюмень, с. 3—20.
- Косарев М. Ф. 1980. Географическая среда, хозяйственные типы и факторы первобытного обмена по материалам Западной Сибири. — Археология Прииртышья. Томск: Изд-во Томск. ун-та, с. 57—67.
- Косарев М. Ф. 1981. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 278 с.
- Крылов Г. В. 1961. Леса Западной Сибири. М.: МН СССР. 255 с.
- Кузьминных С. В. 1977. Бронзовые орудия и оружие в Среднем Поволжье и Приуралье. — Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 21 с.
- Кулемзин А. М. 1976. Татарские костяные наконечники стрел. — Известия лаборатории археологических исследований, вып. 7. Кемерово, с. 30—41.
- Кулемзин В. М. 1976. Шаманство васюганско-ваховских хантов (конец XIX — начало XX вв.). — Из истории шаманства. Томск: Изд-во Томск. ун-та, с. 3—154.
- Кулемзин В. М., Луккина Н. В. 1973. Легенды и сказки хантов. Томск: Изд-во Томск. ун-та.
- Кызласов Л. Р. 1960. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Миусинской котловины. М. 197 с.
- Лисс О. Л., Березина Н. А. 1982. Развитие болотообразовательного процесса в центральной части Западной Сибири. — Раз-

витие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. М.: Наука, с. 224—230.

Львов Ю. А. 1979. Болотный процесс как фактор среды обитания человека в Западной Сибири.— Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, с. 12—18.

Мажитов Н. А. 1968. Бахмутинская культура. М. 161 с.

Малолетко А. М. 1983. Палеогеографический анализ при археологических исследованиях.— Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. Барнаул, с. 3—7.

Мартынов А. И. 1979. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск. 208 с.

Мартынов А. И., Мартынова Г. С. 1978. Лесостепная тагарская культура и вопросы происхождения и хронологии кулайской культуры.— Ранний железный век Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, с. 25—32.

Массон В. М. 1976. Экономика и социальный строй древних обществ. Л.: Наука. 191 с.

Матющенко В. И. 1978. Некоторые общие вопросы происхождения кулайской культуры.— Ранний железный век Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, с. 3—8.

Мернерт Н. Я. 1955. Из истории оружия племен Восточной Сибири в раннем средневековье.— СА, 33, с. 131—168.

Могильников В. А. 1969. Находки из села Пиковки.— СА, № 3. М., с. 254—259.

Могильников В. А. 1969 а. К вопросу о самоедской принадлежности культур эпохи железа Среднего Приобья.— Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск: Изд-во Томск. ун-та, с. 179—181.

Могильников В. А. 1970. К вопросу об этнокультурных ареалах среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа.— Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, с. 172—190.

Могильников В. А. 1971. Сперановское городище.— КСИА, вып. 128, с. 48—52.

Могильников В. А. 1972. К вопросу о саргатской культуре.— Проблемы хронологии и древней истории угров. М.: Наука, с. 66—86.

Могильников В. А. 1973. К культурной характеристике Западной Сибири в эпоху раннего железа.— Из истории Сибири, вып. 7. Томск: Изд-во Томск. ун-та, с. 175—189.

Могильников В. А. 1974. Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири.— СА, № 3 (рецензия).

Могильников В. А. 1978. К вопросу о контактах населения Среднего Приобья и Прииртышья в раннем железном веке.— Ранний железный век Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, с. 84—92.

Могильников В. А. 1979. К вопросу о причинах и характере миграций в лесостепи Западной Сибири в раннем железном веке.— Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, с. 45—47.

Могильников В. А. 1981. О культурах лесной полосы Западной Сибири второй половины I тыс. н. э. — Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, с. 82—86.

Молодин В. П. 1983. Бараба в древности. Автореф. дисс. докт. ист. наук. Новосибирск.

Молодин В. П., Бобров В. В., Равиушкин В. А. 1980. Айташская пещера. Новосибирск: Наука, 208 с.

Мошинская В. П. 1953. Городище и курганы Потчеваш. — К вопросу о потчевашской культуре. — МИА, № 35, с. 189—220.

Мошинская В. П. 1953 а. Материальная культура и хозяйство Усть-Подуя. — МИА, № 35, с. 72—106.

Мошинская В. П. 1965. Археологические памятники севера Западной Сибири. — САИ, ДЗ-8. М. 87 с.

Мошинская В. П. 1978. Современное состояние вопроса о роли южного компонента в древней культуре Крайнего Севера и Западной Сибири. — Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, с. 56—72.

Мошкова М. Г. 1963. Памятники прохоровской культуры. — САИ, вып. Д 1—10. М.: Изд-во АН СССР, 56 с.

Мягков П. М. 1929. Древности Парынского края. — Труды ТКМ, т. 2, Томск, с. 51—86.

Нейштадт М. И. 1957. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М.: Изд-во АН СССР, 404 с.

Печезава Л. Г. 1966. Погребения с трупосожжением могильника Тора-Тал-Арты. — Труды ТКАЭЭ, т. 2, с. 108—112.

Пикишин П. П. 1917. Некоторые замечания о почвообрабатывающих орудиях. — КСИМК, 16. М.

Окладников А. П., Мартынов А. П. 1972. Сокровища Томских висаний. М. 257 с.

Паскаль Ю. П., Федорищева М. В., Чиндина Л. А. 1983. Технология железных топоров из Среднего Приобья. — Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул, с. 109—115.

Патрушев В. С. 1971. Кельты Старшего Ахмыловского могильника и их функциональное назначение. — КСИА, вып. 123. М.

Патрушев В. С. 1975. Азовско-метатарские кельты Марийского Поволжья. — СА, № 3. М.: Наука, с. 28—44.

Патрушев В. С., Халиков А. X. 1966. Ахмыловский археологический комплекс. — АО. М., с. 91—98.

Пелих Г. П. 1964. К истории селькунского шаманства. — Труды ТГУ, т. 167. Томск: Изд-во Томск. ун-та, с. 132—144.

Пелих Г. П. 1972. Пронхождение селькунов. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 422 с.

Пелих Г. П. 1981. Селькуны XVII века (очерки социально-экономической истории). Новосибирск: Наука, 176 с.

Переведенцев В. П. 1975. Методы изучения миграций населения. М.: Наука, 231 с.

Плетнева Л. М. 1970. Памятники кулайского типа в Томском Приобье. — Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, с. 164—171.

Плетнева Л. М. 1973. Томское Приобье в конце I тыс. до н. э. — начале н. э. — Пронхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск: Изд-во Томск. ун-та, с. 198—199.

Плетнева Л. М. 1973 а. Керамика Томского Приобья эпохи раннего железа. — Из истории Сибири, вып. 7. Томск: Изд-во Томск. ун-та, с. 129—151.

Плетнева Л. М. 1977. Томское Приобье в конце VIII—III вв. до н. э. Томск: Изд-во Томск. ун-та. 140 с.

Плетнева Л. М. 1978. Томское Приобье в кулайское время. — Ранний железный век Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, с. 51—59.

Полодьмак Н. В., Молодин В. П. 1981. Новые находки предметов вооружения раннего железного века в Барабинской лесостепи. — Военное дело древних племен Сибири и центральной Азии. Новосибирск: Наука, с. 74—86.

Прокофьева Е. Д. 1917. Древние жилища на реках Тым и Кеть. — СЭ, № 2, с. 199—202.

Прокофьева Е. Д. 1952. К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия). — Сибирский этнографический сборник, вып. 1. М.—Л.

Российская Федерация. Западная Сибирь. 1978. — Советский Союз. 430 с.

Сайко Э. В. 1982. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М. 212 с.

Сергеева П. Ф. 1981. Древнейшая металлургия меди юга Восточной Сибири. Новосибирск: Наука. 152 с.

Смирнов А. П. 1919. Могильники пьяноборской культуры. — КСИИМК, вып. 25. М.

Смирнов К. Ф. 1961. Вооружение савроматов. — МИА, № 101. М.: Изд-во АН СССР. 162 с.

Смирнов К. Ф. 1964. Савроматы. М.: Наука. 379 с.

Соколова З. П. 1962. Материалы по жилищу, хозяйственным и культовым постройкам обских ургов. — Сибирский этнографический сборник, т. 5. М.

Старцева Л. М. 1966. Поселение Самусь II. — Сибирский археологический сборник. Новосибирск, с. 208—211.

Сунчугашев Я. П. 1979. Древняя металлургия Хакасии. Новосибирск: Наука. 192 с.

Сыркина П. А. 1973. О бронзовых пластинках Истяцкого и Сузунского кладов. — СА, № 4. М., с. 255—260.

Сыркина Л. М., Матюшенко В. П. 1969. Раскопки поселения Самусь IV. (Предварительное сообщение). — Из истории Сибири, вып. 2. Томск: Изд-во Томск. ун-та, с. 35—54.

Троицкая Т. П. 1978. О северной границе распространения большереченских племен. — Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, с. 46—55.

Троицкая Т. П. 1973. О культурной принадлежности могильника Каменный Мыс. — Из истории Сибири, вып. 7. Томск: Изд-во Томск. ун-та, с. 152—160.

Троицкая Т. П. 1974. Вооружение населения Новосибирского Приобья в конце I тыс. до н. э. — СА, № 3. М., с. 45—46.

Троицкая Т. П. 1979. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск. 124 с.

Троицкая Т. П. 1981. Бронзовые изделия памятников кулайской культуры Новосибирского Приобья. — Доклады на конференции «Сибирь в прошлом, настоящем и будущем». Новосибирск, октябрь.

Тронцкая Т. Н. 1981 а. Лесостепное Приобье в раннем железном веке. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1981. 38 с.

Уманский А. П. 1974. Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше. — Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, с. 136—149.

Уманский А. П. 1978. Погребение эпохи «великого переселения народов» на Чарыше. — Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978, с. 129—163.

Уманский А. П. 1982. Памятники «великого переселения народов» на Алтае. — Доклад на советско-венгерском совещании по проблемам урало-алтаистики. Новосибирск, октябрь.

Ураев Р. А. 1956. Дополнение к «археологическим памятникам Томской области». — Труды ТОКМ, т. 5. Томск, с. 317—328.

Ураев Р. А. 1956 а. Кривошенинский клад. — Труды ТОКМ, т. 5. Томск, с. 329—342.

Ураев Р. А. 1959. Кулайская культура Среднего Приобья. — Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, с. 22—24.

Федорова Н. В. 1978. Клады Барской Горы. — Уральский следопыт, № 4, с. 41—45.

Федорова Н. В. 1978 а. О культурной принадлежности обьиртышских памятников I тыс. н. э. — Ранний железный век Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, с. 78—83.

Хазанов А. М. 1971. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука. 172 с.

Халиков А. Х. 1977. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII—VI вв. до н. э.). М. 262 с.

Хелимский Е. А. 1983. Ранние этапы этногенеза и этнической истории самодийцев в свете языковых данных. — Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов: Тезисы докладов областной научной конференции по лингвистике. Омск, с. 5—10.

Хотинский Н. А. 1982. Голоценовые хроносрезы: дискуссионные проблемы палеогеографии голоцена. — Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. М.: Наука, с. 142—147.

Хотинский Н. А., Волкова В. С., Левина Т. П., Лисс О. А. 1979. Хронология, периодизация и палеогеография голоцена Западной Сибири. — Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, с. 10—12.

Худяков Ю. С. 1980. Вооружение енисейских кыргызов VI—XII вв. Новосибирск: Наука. 175 с.

Чемякин Ю. П., Коротаев В. П. 1976. Многослойное городище Барсов городок 1/10. — Вопросы археологии Приобья. Тюмень, с. 49—62.

Чемякин Ю. П. 1979. Городище Барсов городок 1/11 и 1/12 — памятники раннего железного века Сургутского Приобья. — Вопросы археологии Приобья. Тюмень, с. 131—144.

Чемякин Ю. П., Сосновкин П. Н. 1979. Городище Барсов городок 1/11 близ города Сургута. — Вопросы археологии Приобья. Тюмень, с. 118—130.

Чемякин Ю. П. 1981. Городище Барсов городок 1/13 и 1/14. — Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск: Наука, с. 62—69.

- Черненко Е. В. 1968. Скифский доспех. Киев. 190 с.
- Чернецов В. Н. 1941. Очерк этногенеза обских утров. — КСИИМК, вып. 9, М., с. 18—28.
- Чернецов В. Н. 1947. Опыт типологии западносибирских кельтов. — КСИИМК, 16. М., с. 65—78.
- Чернецов В. Н. 1953. Усть-полуйское время в Приобье. — МИА, № 35, М., с. 221—241.
- Чернецов В. Н. 1953 б. Бронза усть-полуйского времени. — МИА, № 35, с. 121—178.
- Чернецов В. Н. 1969. Опыт выделения этнокультурных ареалов в северо-восточной Европе и северной Азии. — Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск: Изд-во Томск. ун-та, с. 112—119.
- Чернецов В. Н. 1971. Наскальные изображения Урала. — СЛИ, В 4—72(2). М. 120 с.
- Чернецов В. Н. 1957. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры. — МИА, № 58, с. 136—245.
- Чернецов В. Н., Мошинская В. И. 1954. В поисках древней родины угорских народов. — По следам древних культур. М., с. 165—192.
- Чиндина Л. А. 1970. О некоторых хронологических особенностях среднеобской керамики в I тыс. н. э. — Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, с. 191—206.
- Чиндина Л. А. 1971. Керамика могильника Релка. — СА, № 1, с. 233—236.
- Чиндина Л. А. 1973. Культурные особенности среднеобской керамики в эпоху железа. — Из истории Сибири, вып. 7. Томск: Изд-во Томск. ун-та, с. 161—174.
- Чиндина Л. А. 1973 б. О кулайской культуре. — Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, с. 67—68.
- Чиндина Л. А. 1976. О возможности реконструкции социальной организации Нарымского Приобья в раннем средневековье. — Из истории Сибири, вып. 21. Томск: Изд-во Томск. ун-та, с. 166—174.
- Чиндина Л. А. 1977. Могильник Релка на Средней Оби. Томск: Изд-во Томск. ун-та. 191 с.
- Чиндина Л. А. 1978. Кулайская культура в Нарымском Приобье. — Ранний железный век Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, с. 59—65.
- Чиндина Л. А. 1978. Саровское городище. — Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, с. 51—80.
- Чиндина Л. А. 1979. О миграциях кулайцев. — Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, с. 48—51.
- Чиндина Л. А. 1981. Соболь в пластике населения Среднего Приобья. — Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск: Наука, с. 144—148.
- Чиндина Л. А. 1982. Орнамент керамики степановских памятников (в печати).
- Членова Н. Л. 1967. Происхождение и ранняя история тагарской культуры. М.: Наука. 300 с.

Шмидт А. В. 1927. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля. — Сборник музея антропологии и этнографии, т. 6. М.—Л., с. 125—164.

Шнитников А. В. 1957. Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария. — Записки географического общества СССР, т. 16. Новая серия. М.—Л.

СОКРАЩЕНИЯ

- АО — Археологические открытия
АС — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ИА — Институт археологии АН СССР
ККМ — Колпашевский краеведческий музей
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
МАЭС — Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета
МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
САН — Свод археологических источников
СА — «Советская археология»
ТКАЭЭ — Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция
ТОКМ — Томский областной краеведческий музей

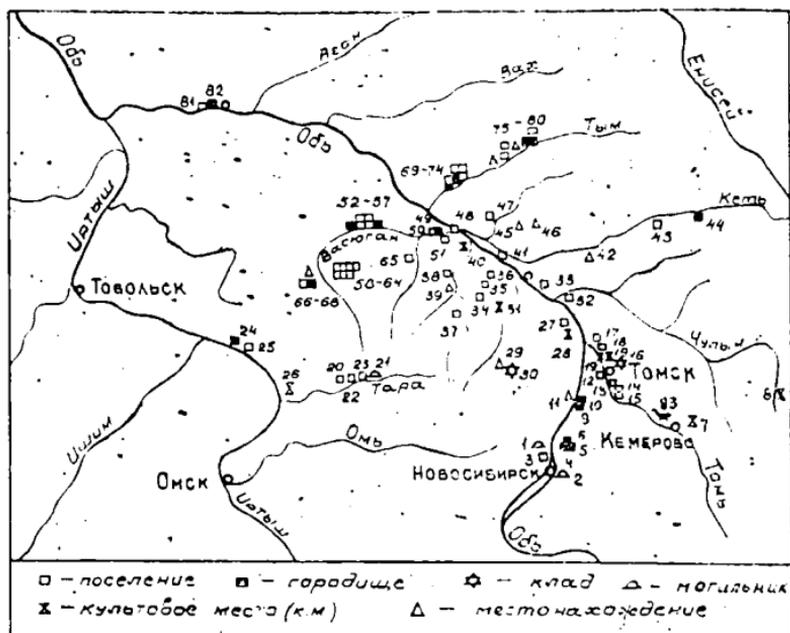

Рис. 1. Кулайские памятники васюганского этапа: 1 — Каменный Мыс, 2 — Новосибирский могильник, 3 — Седова Заимка, 4 — Дубровинский Борок 2, 5 — Дубровинский Борок 1, 6 — Дубровинский Борок 6, 7 — Елыкаевское к. м., 8 — Ишимское к. м., 9 — Киреевское III, 10 — Киреевское IV, 11 — Пагорный Иштап, 12 — Тимирязевское I, 13 — Басандайское гор., 14 — Басандайка I, 15 — Басандайка II, 16 — Степановский клад, 17 — Кижирово, 18 — Самусь II, 19 — Самусьский клад, 20 — Новочекино I, 21 — Новочекино 2, 22 — Новочекино 3, 23 — Кыштовка, 24 — Богочановское, 25 — Зимнее, 26 — Мурлинское к. м., 27 — Кривошенское пос., 28 — Кривошенское к. м., 29 — Усть-Парбинское, 30 — Бакчарский клад, 31 — Кулайское к. м., 32 — Смолокурово, 33 — Саровка, 34 — Малгет, 35 — Сохта II, 36 — Турбабино IV, 37 — Савельевское, 38 — Кедровый Мыс II, 39 — Парабельская находка, 40 — Парабельское к. м., 41 — Карджа I, 42 — Рыбинское, 43 — Макеноярское 3 пос., 44 — Катайгинское II, 45 — Дунаево, 46 — Мурзипо, 47 — Набегн, 48 — Лысая Гора, 49 — Окуневское гор., 50 — Окуневское пос., 51 — Желтый Яр, 52 — Степановское гор., 53 — Степановка I, 54 — Степановка II, 55 — Степановка III, 56 — Степановка IV, 57 — Шаманский Мыс, 58 — Тух-Эмтор I, 59 — Тух-Эмтор III, 60 — Тух-Эмтор IV, 61 — Тух-Сигат IV, 62 — Тух-Сигат V, 63 — Тух-Сигат VII, 64 — Тух-Сигат VIII, 65 — Мыльджинское, 66 — Пововасюганская находка, 67 — Нововасюганское пос., 68 — Пововасюганское гор., 69 — Горшечное, 70 — Кондрашкина Акка I, 71 — Кондрашкина Акка III, 72 — Кондрашкино III, 73 — Кондрашкино IV, 74 — Кондрашкино V, 75 — Молодежное пос., 76 — Молодежное, находка, 77 — Зимний Напас, 78 — Богатырекле Бугри, 79 — Могильный Мыс, 80 — Напасские находки, 81 — группа поселений Барсовой Горы, 82 — группа городищ Барсовой Горы, 83 — Томские пещины*

* Рисунки выполнены Ю. В. Ширным, Т. Б. Майборода и автором.

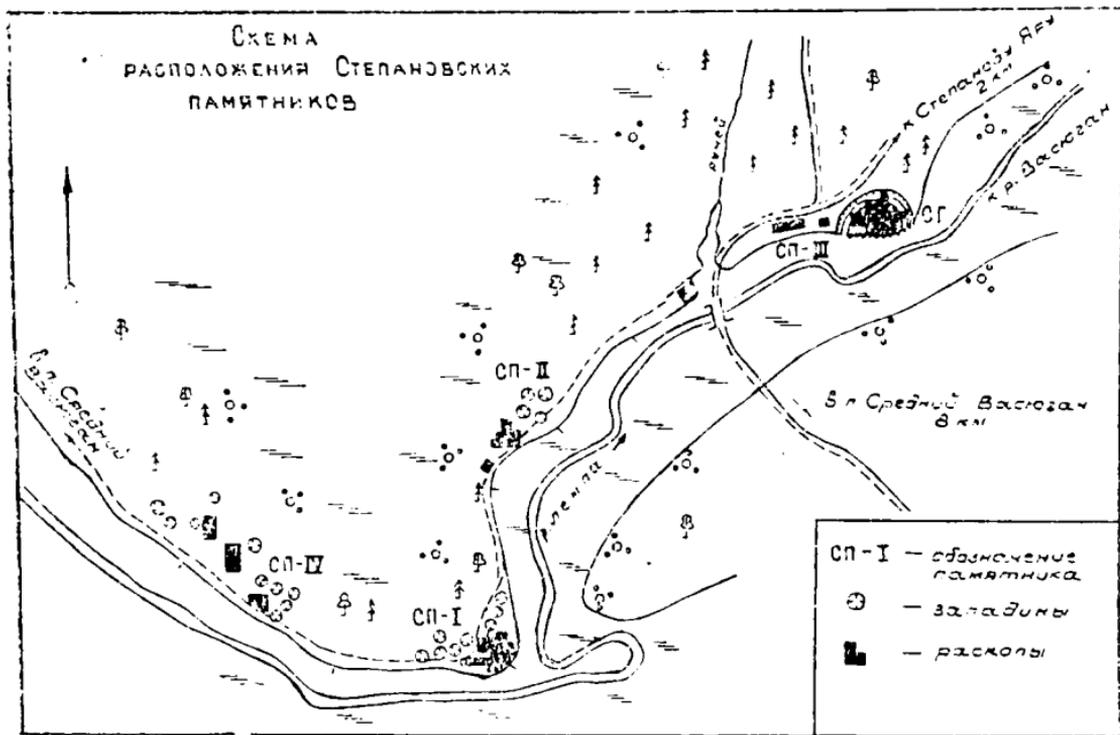

Рис. 2. Схема расположения Степановских памятников

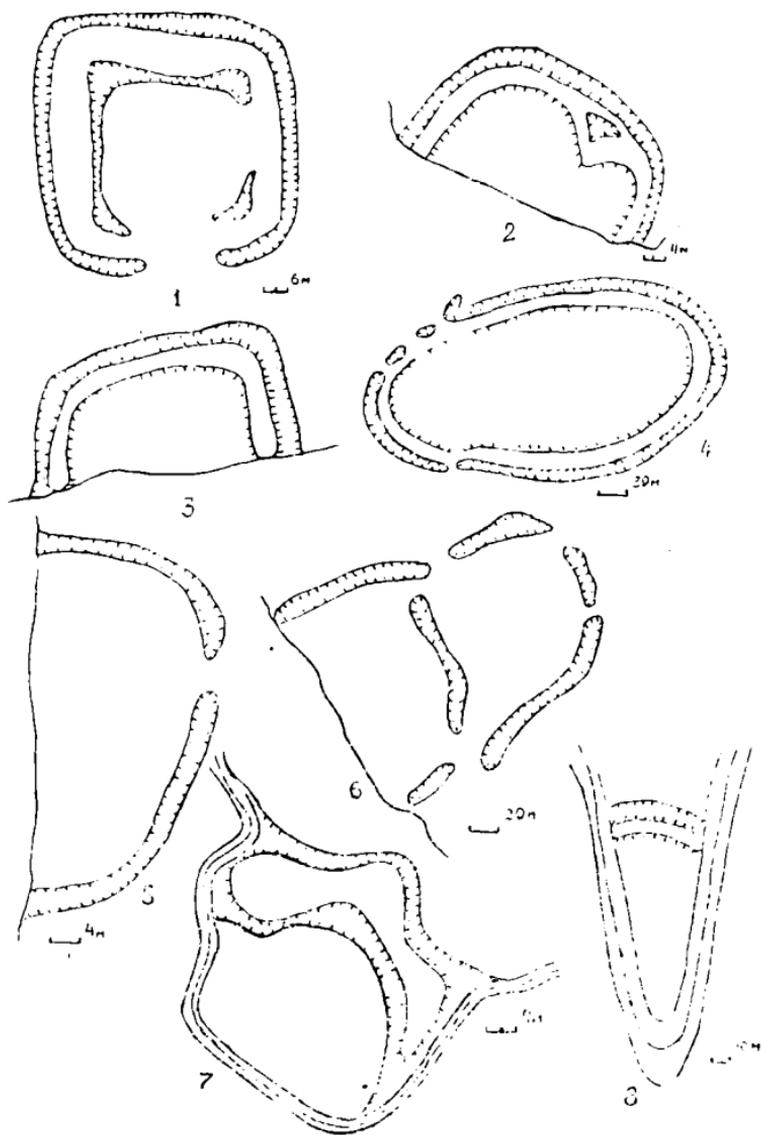

Рис. 3. Типы кулайских городищ: 1 — Барсова Гора III/6, 2 — Степановское, 3 — Барсова Гора I/12, 4 — Барсова Гора III/1, 5 — Ивановка 4, 6 — Дубровицкий Борок 3, 7 — Саровка, 8 — Усец

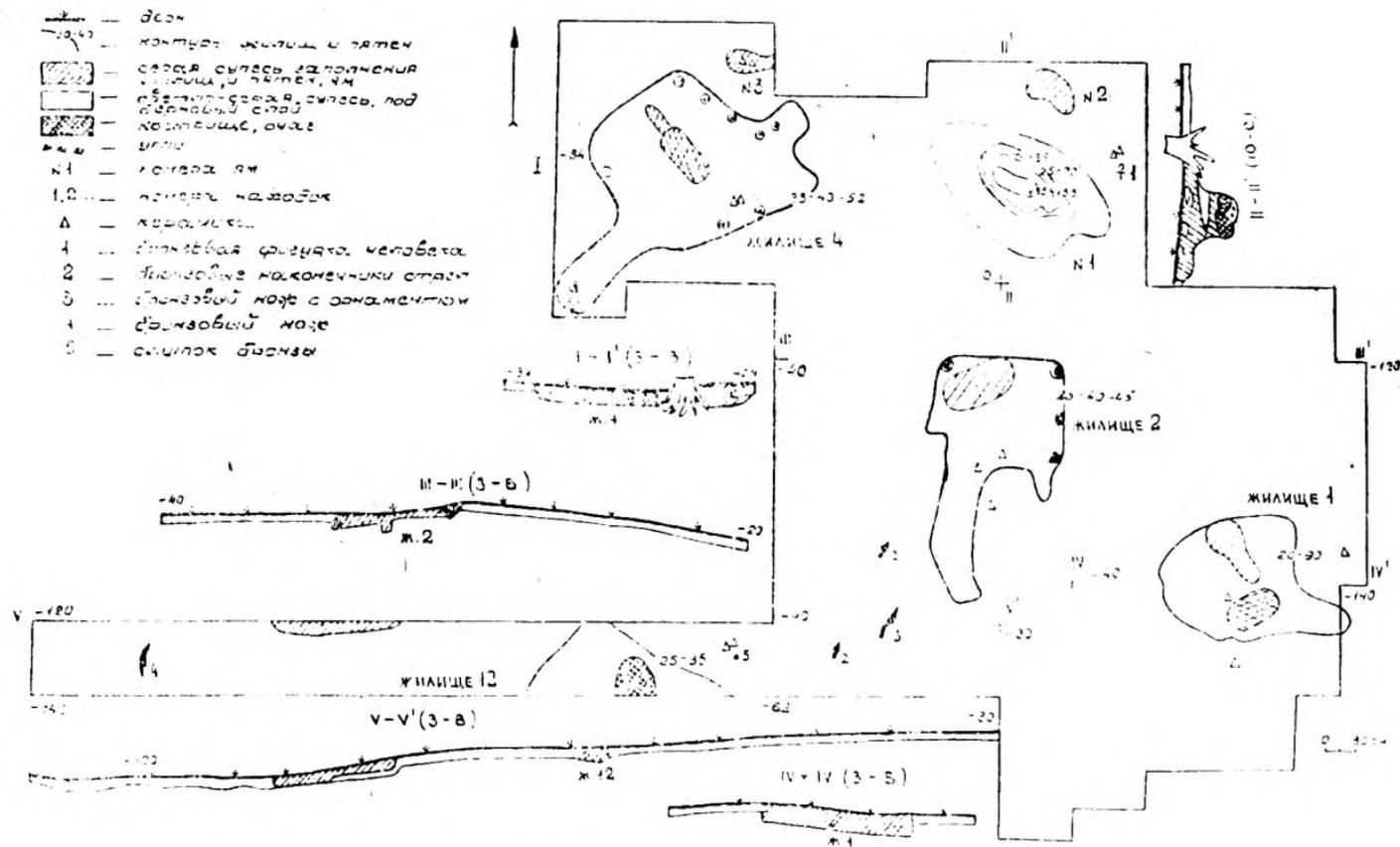

Рис. 5. Степановское I поселение

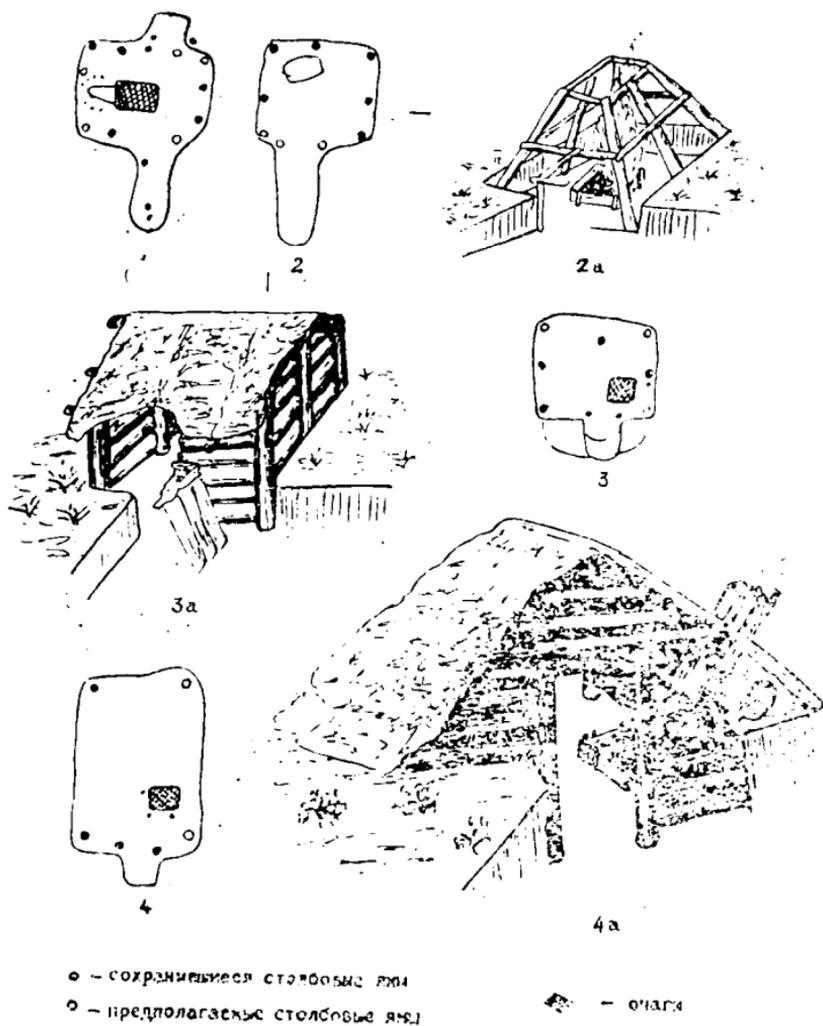

Рис. 6. Реконструкция кулайских жилищ; 1, 2 — Степановское I поселение, жилища 4, 2; 3, 4 — поселение Малгет 6, жилища 54 и 10 А; 1а, 3а, 4а — возможные варианты реконструкции

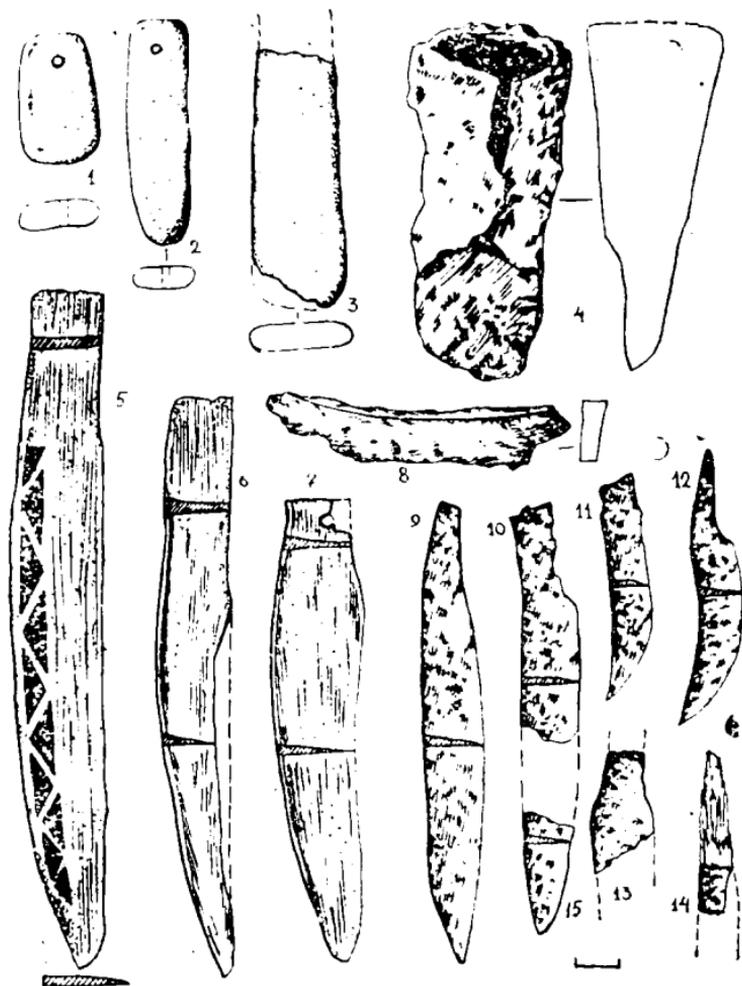

Рис. 7. Хозяйственный инвентарь васюганского этапа. 1, 2, 4 — Каменный Мыс (по Т. П. Троицкой), 3, 5, 6 — Степановское I поселение, 7 — Барсова гора 1/12 (по Ю. П. Чемякину), 8, 13, 14, 15 — Степановское городище, 10, 11 — Тух-Эмтор IV, 12 — Шаманский Мыс

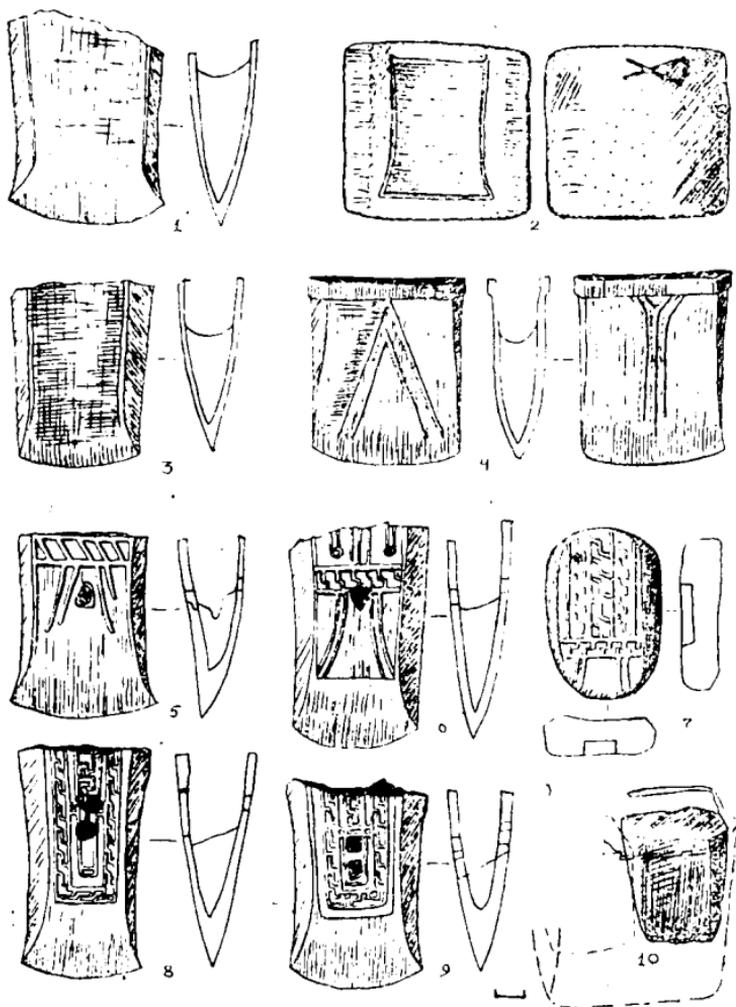

Рис. 8. Бронзовые кельты и глиняные формы. 1 — Молодежное, 2 — поселение Тух-Сигат VII (по Ю. Ф. Кирюшину, А. М. Малолетко), 3 — поселение Тух-Эмтор IV, 4 — Набегн, 5, 6 — Каменный Мыс (по Т. Н. Троицкой), 7 — Степановское городище, 8, 9 — Ордынское I (по Т. Н. Троицкой), 10 — Степановское IV поселение; 1, 2—6, 8, 9 — бронза, 1, 7 — глина, 10 — камень

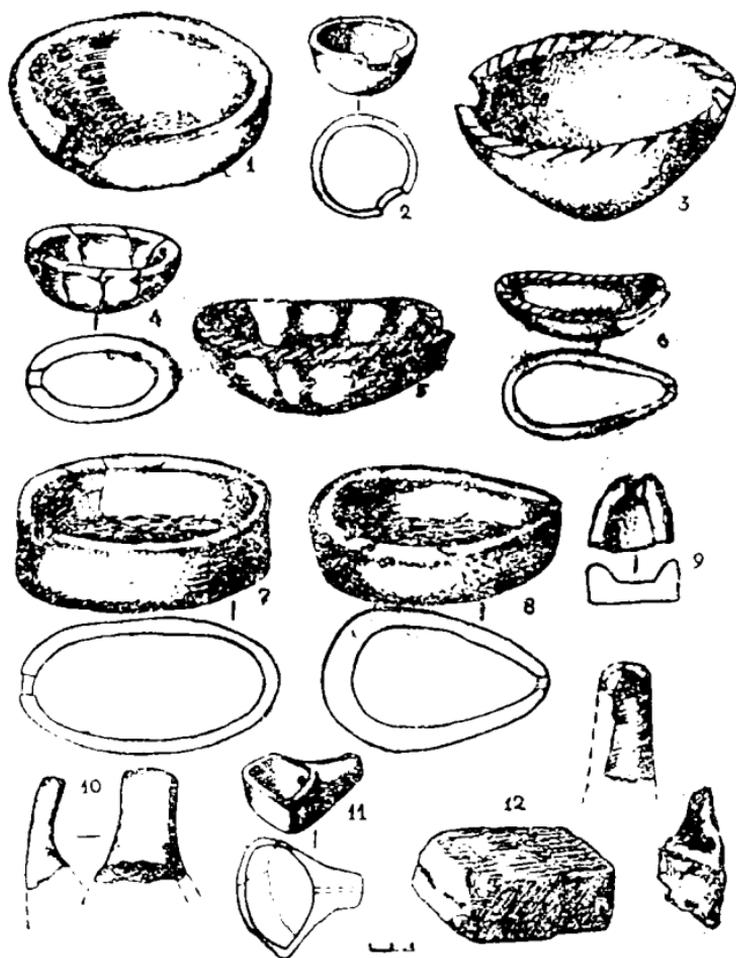

Рис. 9. Бронзолитый инвентарь васюганского этапа. 1, 5, 6, 12—Степановское IV поселение, 2, 11—поселение Кижирово, 4—Степановское I поселение, 7—Шаманский Мыс, 8, 9—Барсова Гора III/6 (по М. В. Елькиной), 10—Степановское городище, 13—поселение Сохта II, 14—Степановское III поселение; 1—13 — глина, 14 — бронза

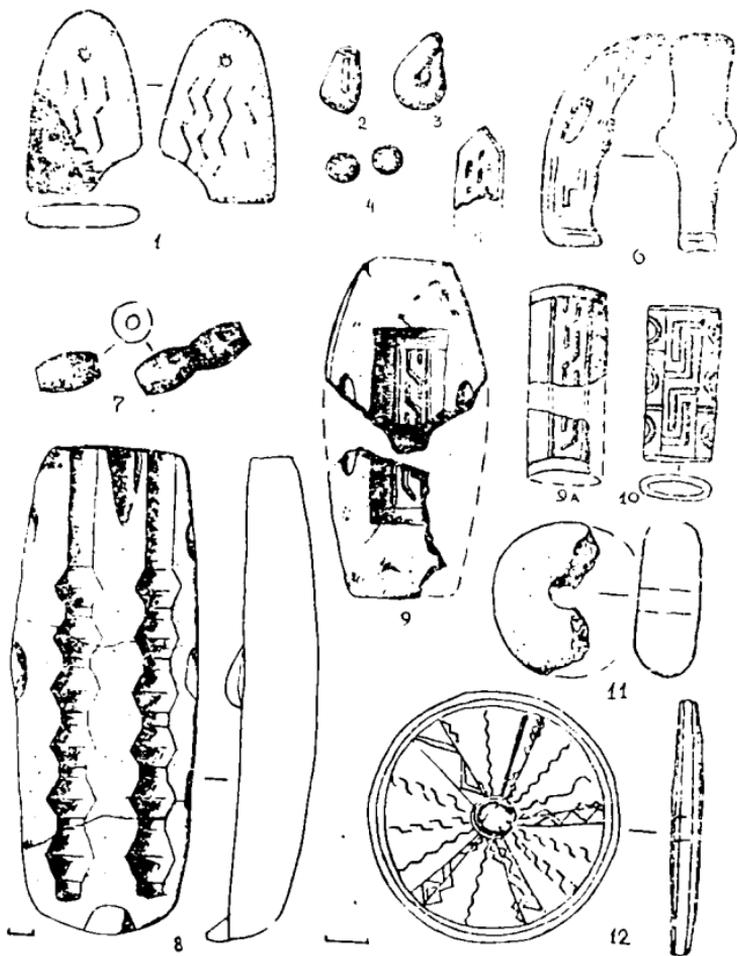

Рис. 10. Украшения, пряслица, формы. 1, 2 — Степановское IV поселение, 3 — Степановское III поселение, 4, 5 — Степановское городище, 6, 7, 10, 12 — Каменный Мыс (по Т. Н. Троицкой), 8, 9 — Кижировское поселение (по Л. М. Плетневой), 11 — Киреевское городище III; 1, 2, 3, 8, 9, 11 — глина, 4 — стекло, 5, 7, 10 — бронза, 12 — камень

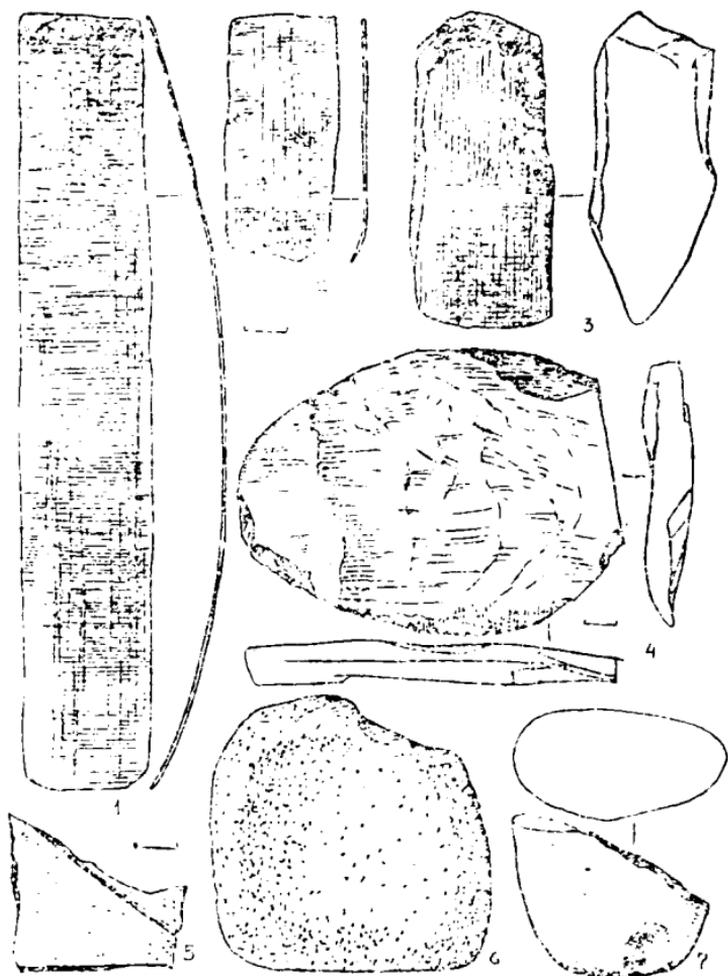

Рис. 11. Инвентарь васюганского этапа. 1 — Кулайка, 2 — Степановское I поселение, 3—7 — Степановское IV поселение; 1, 2 — бронза, остальное камень

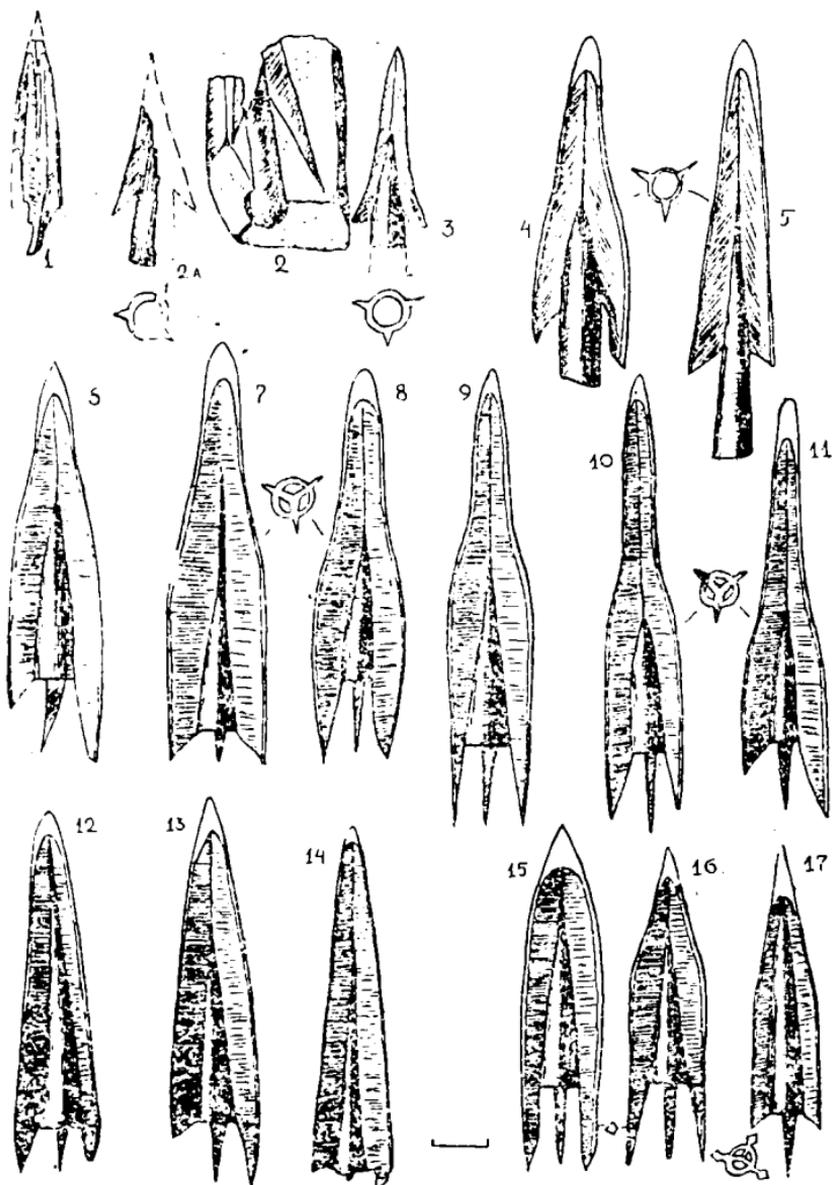

Рис. 12. Кулайские бронзовые наконечники стрел. 1 — Тух-Эмтор IV, 2 — Нововасюганское поселение (по Ю. Ф. Кирюшину), 3 — Барсова Гора, 4, 5, 7, 8 — Каменный Мыс (по Т. Н. Троицкой), 6 — Степаповское городище, 9, 10, 12, 14 — гора Кулайка, 11, 13 — Степановское I поселение, 15 — Саровка, 16 — Дубровнинский Борок 3 (по Т. Н. Троицкой), 17 — Парабельское культовое место, 2 — глина, остальное бронза

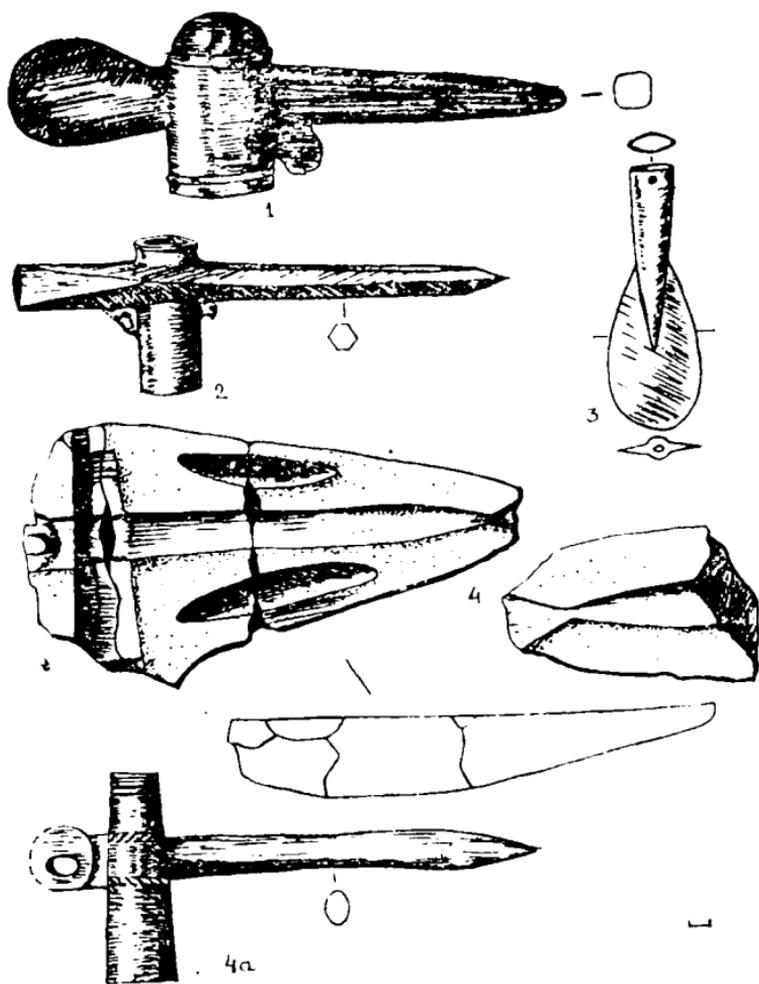

Рис. 13. Чеканы, вток, форма. 1—3 — Парабельское культовое место, 2 — Дунаево, 4, 4а — Кижирово; 1—3 — бронза, 4 — глина

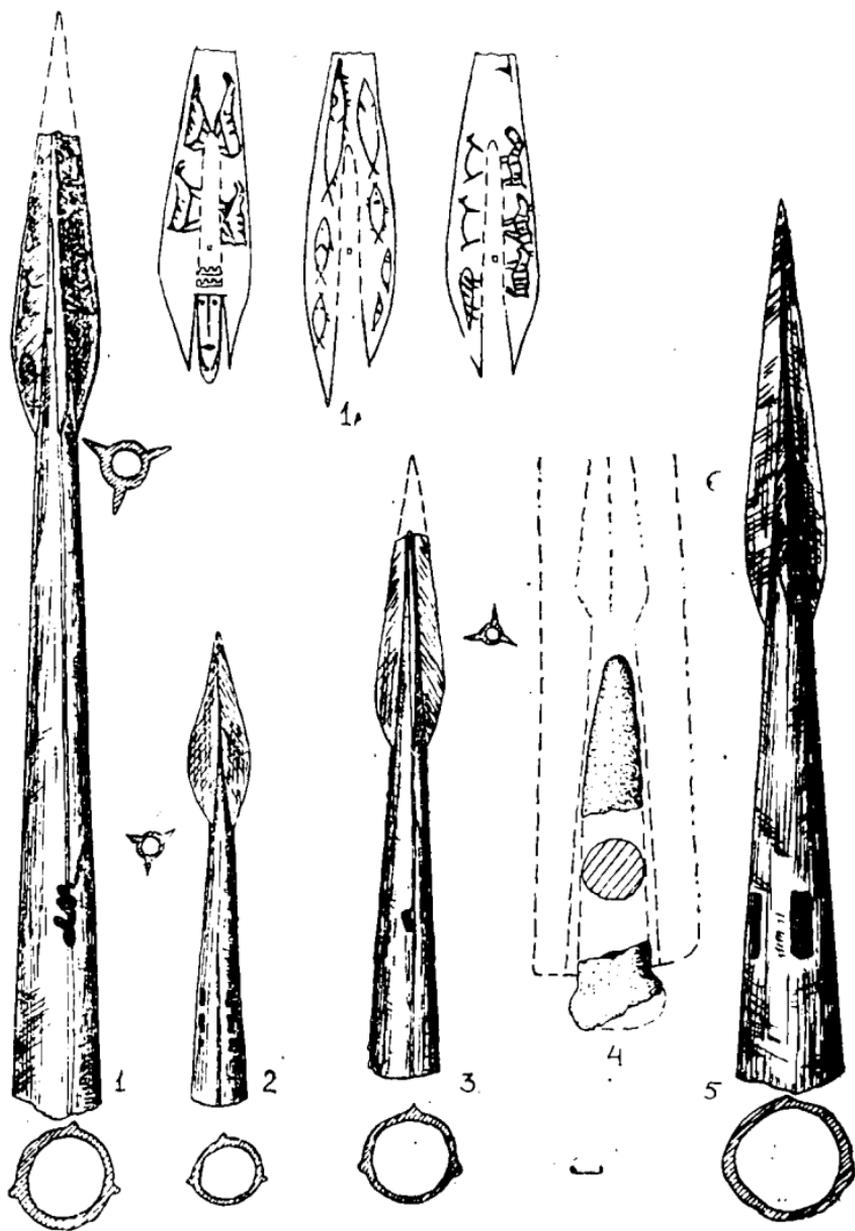

Рис. 11. Бронзовые копья из Нарымского Приобья. 1, 2 — случайные находки, 3 — Мурзино, 4 — поселение Степановка IV, 5 — Дунаево; 4 — глина, остальное — бронза

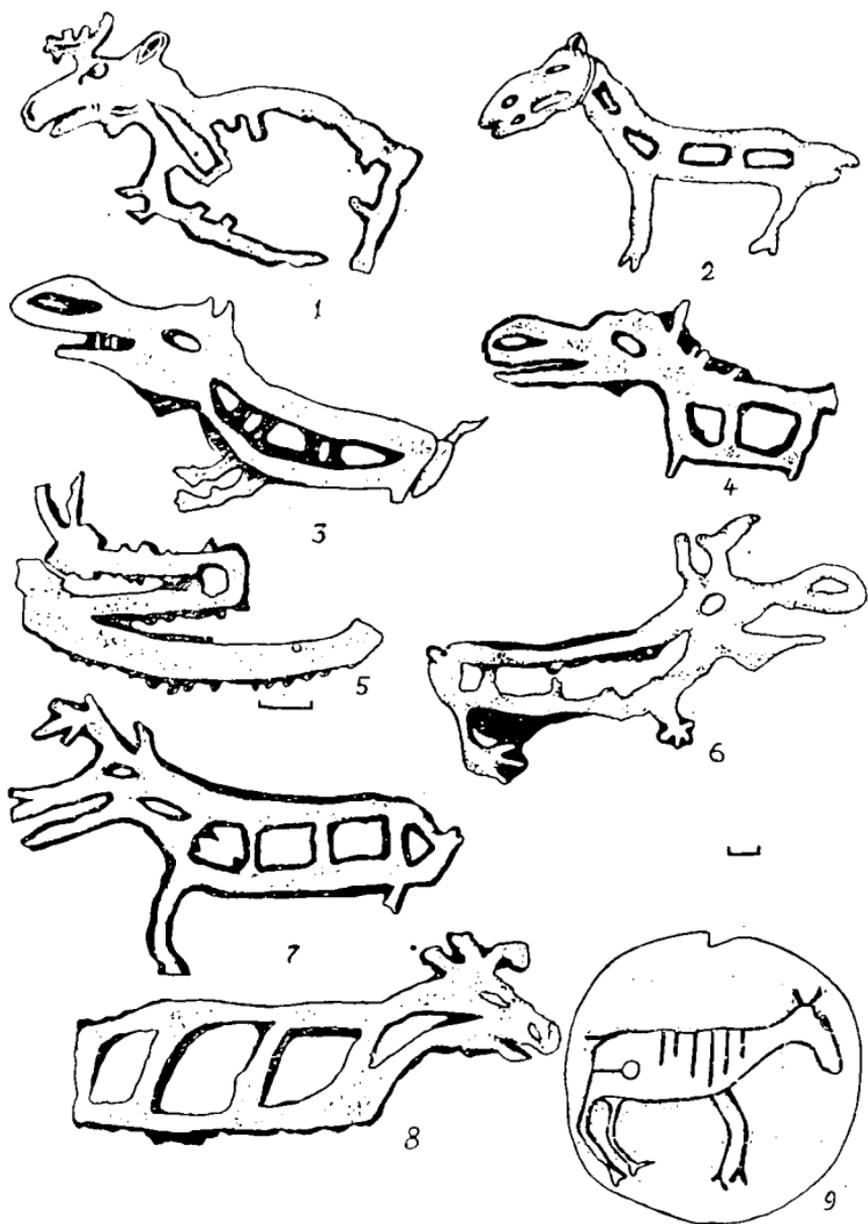

Рис. 15. Бронзовые изображения лосей и коня. 1, 8 — Парабельское культовое место, 2, 3, 4, 6, 7, 9 — Кулайка, 5 — Степановское городище

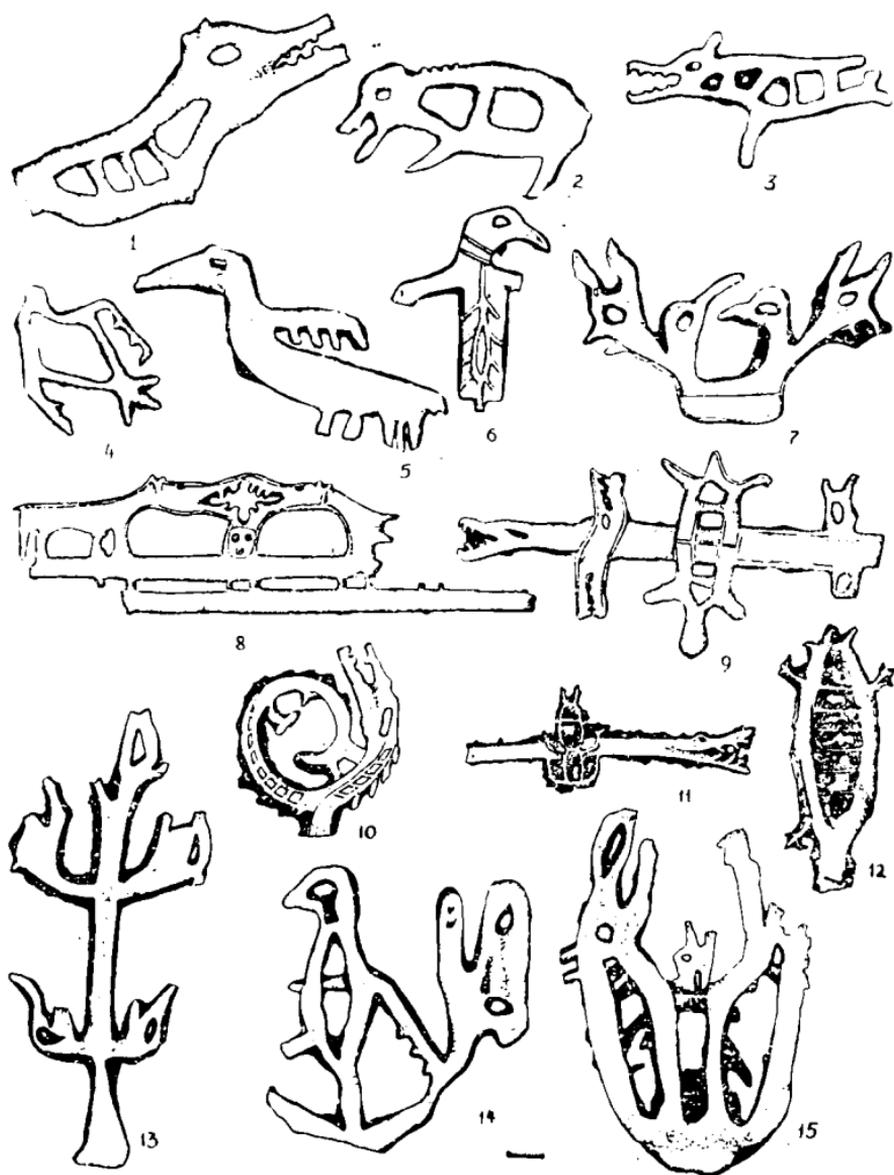

Рис. 16. Зооморфные изображения. I тип. 1, 6, 7, 13, 14, 15 — Кулайка, 2 — Тимирязевское I поселение (по Л. М. Плетневой), 3, 4 — находки на р. Васюган; 11 — Степановское городище, 12 — книжировская находка

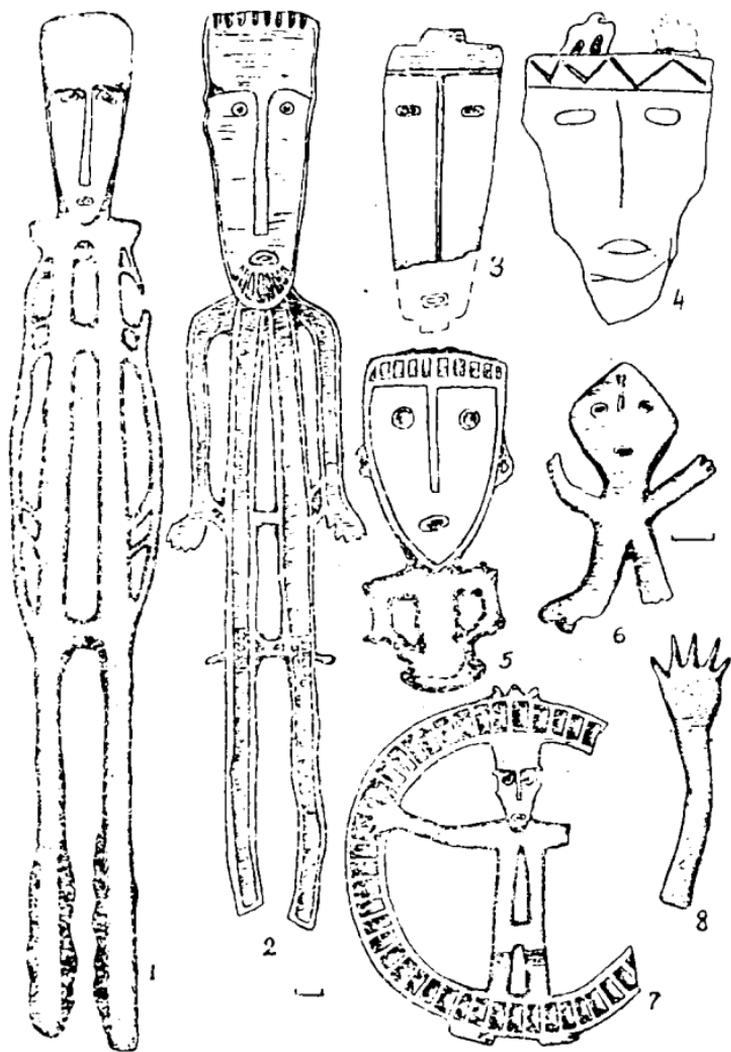

Рис. 17. Одиночные антропоморфные изображения. I тип.
 1, 2, 7—напасские находки, 3, 4—Кулайка. 5—рыбническая
 находка, 6—Степановское I поселение, 8—кижировская
 находка

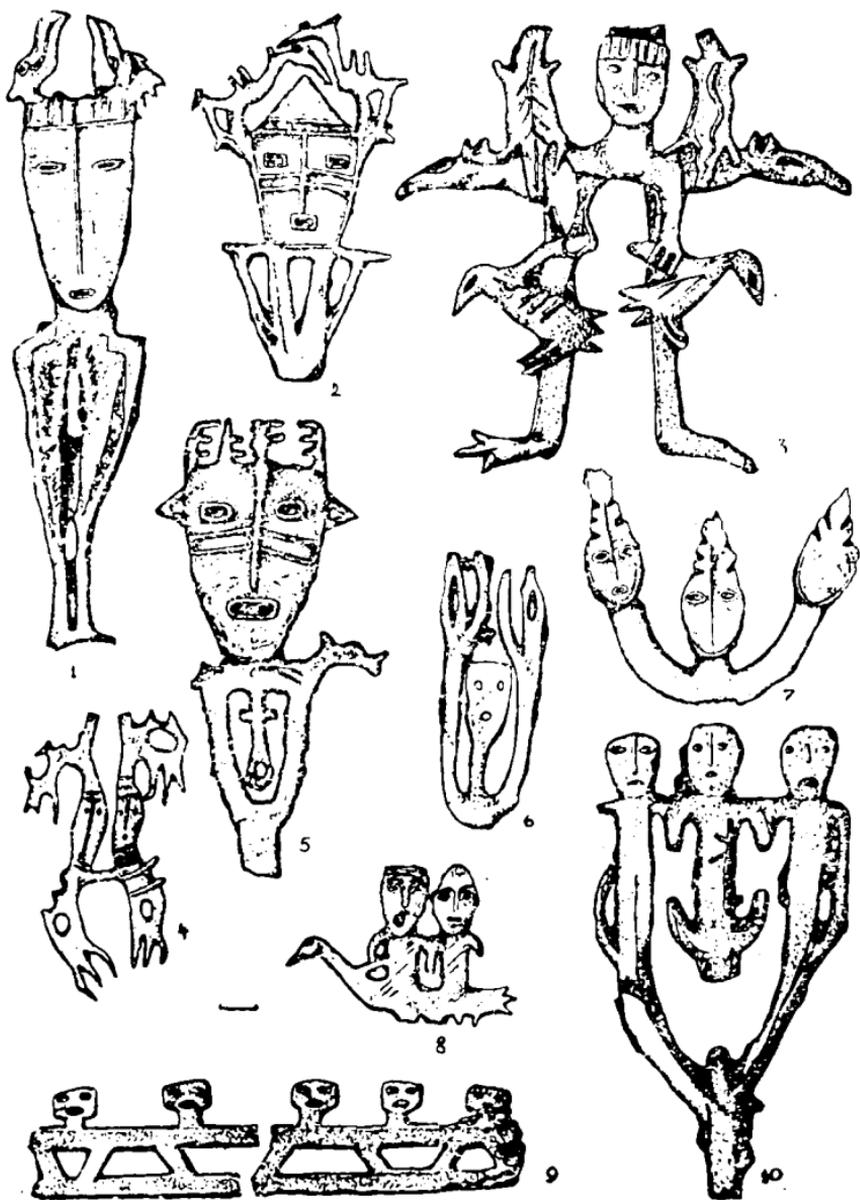

Рис. 18. Сложные антропоморфные изображения. 1, 3, 6, 7, 10 — Кулайка, 2, 5 — рыбинская находка, 4, 9 — Парабельское культовое место, 8 — находка на р. Васьоган

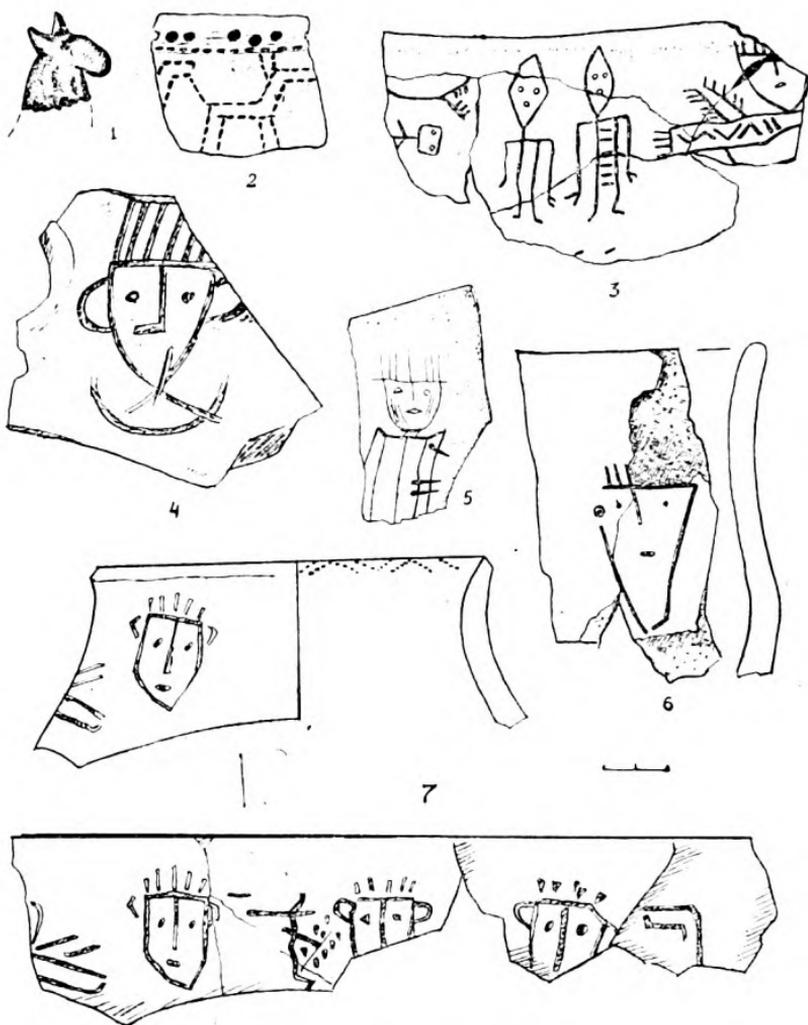

Рис. 19. Раннекулайская скульптура и графика. 1 — Степановское IV поселение, 2 — Савельевское селище, 3—7 — Кижинское поселение (по Л. М. Плетневой); 5 — камень, остальное — глина

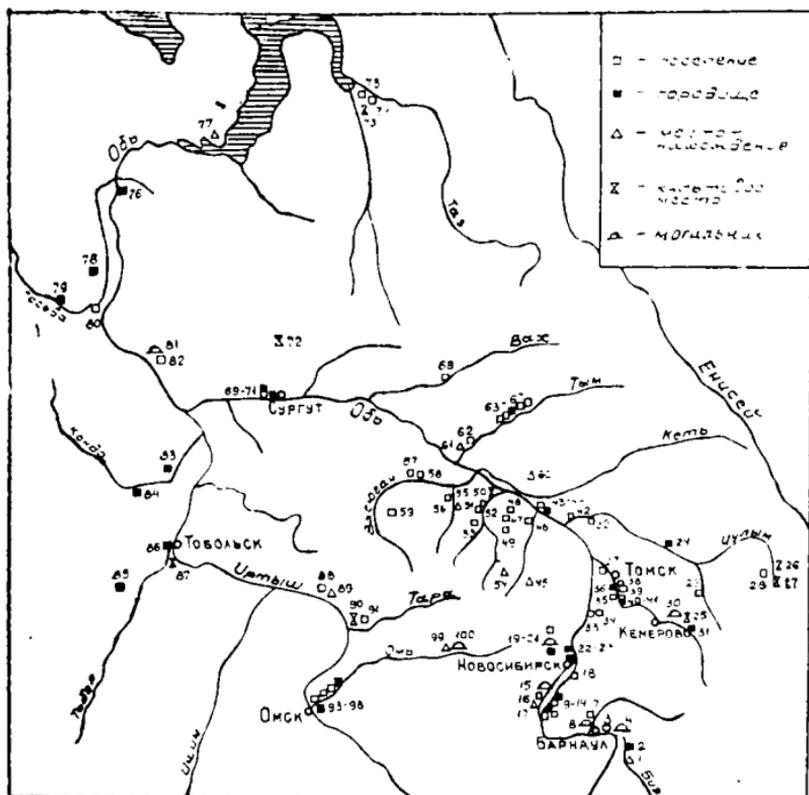

Рис. 20. Кулайские памятники саровского этапа. 1 — Турачакские находки, 2 — Бийское гор., 3 — Ближние Елбаны IV, 4 — БЕ-VII, пос., 5 — Фоминский мог., 6 — Чудацкая Гора, гор., 7 — Усть-Чумыш I, пос., 8 — Усть-Чумыш II, мог., 9 — Абрашкино 2, пос., 10 — Ирмень 2, пос. и мог., 11 — Ирмень I, гор., 12 — Усть-Ирмень, пос., 13 — Ивановка 4, гор., 14 — Чингизы 3, гор., 15 — Ордынское I, мог., 16 — Ордынское 9, пос., 17 — Новый Шаран I, пах., 18 — Завьялово 19, гор., 19 — Умна 3, пос., 20 — Красный Яр I, мог., 21 — Черный Мыс 7 и 8, гор., 22 — Дубровинский Борок I, гор., 23 — Дубровинский Борок 3, гор., 24 — Центрополигон, гор., 25 — Елыкаевское к. м., 26 — Ишимское к. м., 27 — Айдашиновское к. м., 28 — Большой Улуй, пос., 29 — Колелу, пос., 30 — Шестоково, мог., 31 — Утинка, гор., 32 — Смолокурово, гор., 33 — Припский Борик, пос., 34 — Могильникское пос. II, 35 — Кафташиковское пос., 36 — Тимирязевское III гор., 37 — Нагорный Штан, пос., 38 — Лагерный сад, пос., 39 — Басандайское II пос., 40 — Шеломок I, пос., 41 — Шеломок, гор., 42 — Карасево озеро, пос., 43 — Саровка, гор., 44 — Саровское пос., 45 — Бундур, пах., 46 — Могильный Мыс, м/п, 47 — Шудельское пос., 48 — Турбабино IV, пос., 49 — Малгет 6, пос., 50 — Парабельское к. м., 51 — Высокий Яр, пос., 52 — Белка 2, пос., 53 —

Кедровый Мыс I, 54 — Нюrsa, нах., 55 — Чижaпка, нах., 56 —
Пермянка, нах., 57 — Лисий Мыс, пос., 58 — Лемпячное пос.,
59 — Тух-Эмтор II, пос., 60 — Пиковская нах., 61 — Неготская
нах., 62 — Неготское пос., 63 — Напас, пос., 64 — Пекуляжское
пос., 65 — Усец, гор., 66 — Минолга, пос., 67 — Польшу III,
68 — Чехломеевское II пос., 69 — Барсов городок III/4, 70 —
Барсов городок I/31, 71 — Барсовский мог., 72 — Холмогор-
ское к. м., 73 — Сехрау-Сале I, пос., 74 — Сехрау-Сале II,
пос., 75 — Сехрау-Сале, к. м., 76 — Усть-Полуй, гор., 77 —
Яр-Сале, м/н., 78 — Соровый Мыс, гор., 79 — Сортынья I,
гор., 80 — Нарыкары II, пос., 81 — Шеркалинский мог., 82 —
Шеркалы X, пос., 83 — Усть-Толт, гор., 84 — Леушинское гор.,
85 — Словоцкое гор., 86 — Потчеваш, гор., 87 — Истяцкое
к. м., 88 — Красноозерское пос., 89 — Бузовская нах., 90 —
Мурлинский клад, 91 — Мурлинское пос., 92 — Новочекинские
нах., 93 — Омская стоянка, 94 — Кемеровский спуск, м/н., 95 —
Сперановское I пос., 96 — Сперановское II пос., 97 — Спера-
новское гор., 98 — Большой Лог, пос., 99 — Чеки-аул, м/н.,
100 — Усть-Тартасский мог., 101 — Сопка, гор., 102 — Возне-
сенское гор.

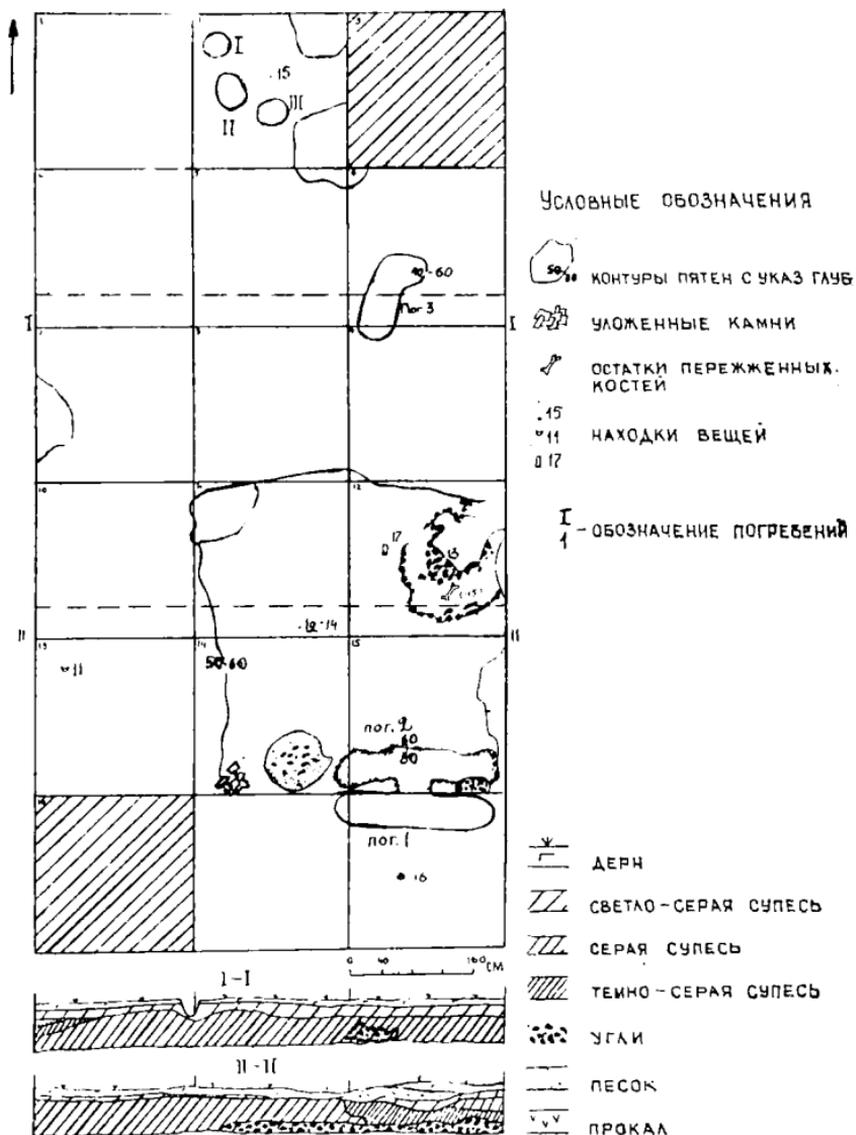

Рис. 21. Раскоп на Шеркалинском могильнике

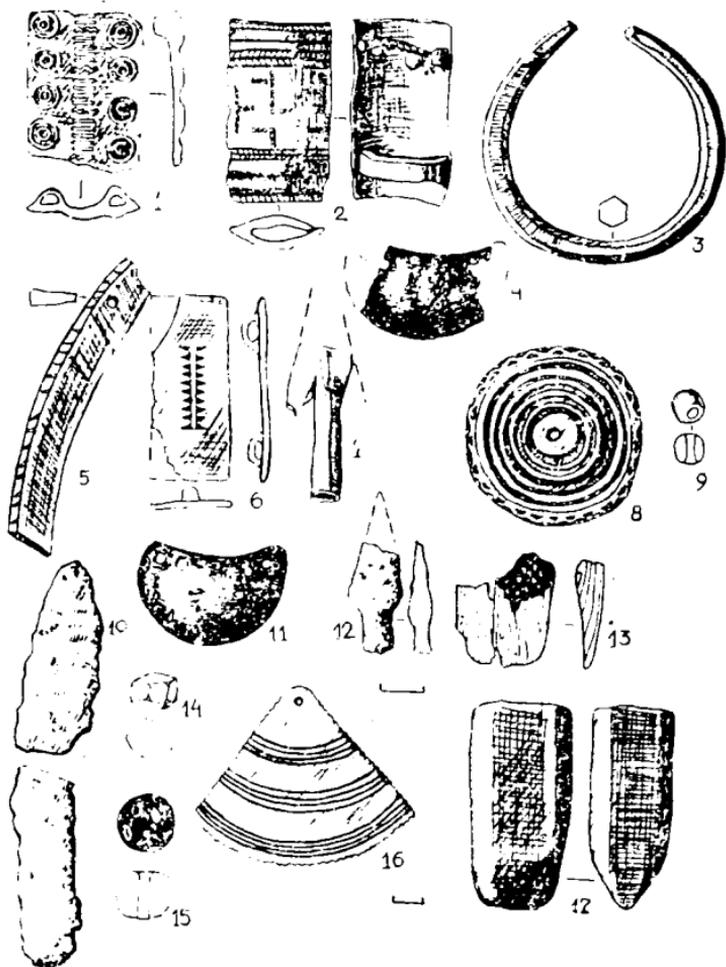

Рис. 22. Инвентарь Шеркалинского могильника. 1—4 — погребение I, 5—7 — погребение II, 8—9 — погребение III; 10—17 — из слоя, 1—8, 11, 14, 16 — бронза, 9, 15 — стекло, 10, 12 — железо, 13 — дерево, 17 — камень

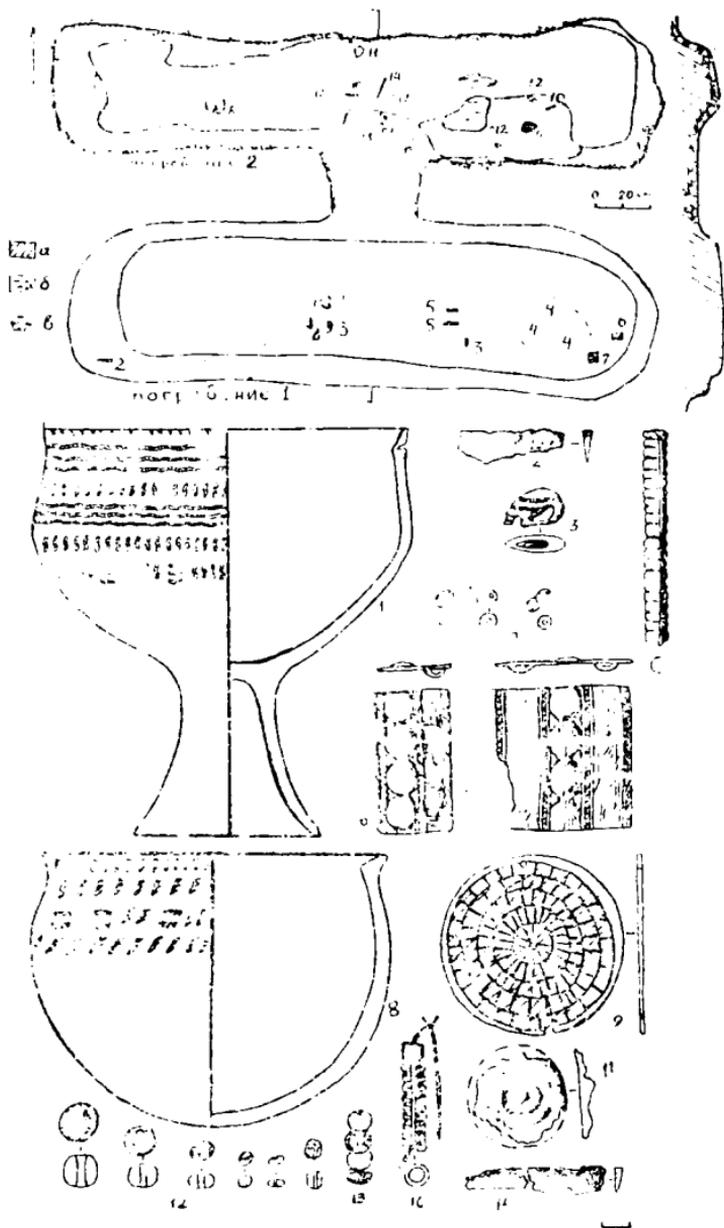

Рис. 23. Шеркалинский могильник. Погребения 1 и 2. 1, 8 — глина, 2, 14 — железо, 3, 5, 6, 7, 9, 10, 11 — бронза, 4, 12, 13 — стекло; а — сусесь, б — угли, в — береста

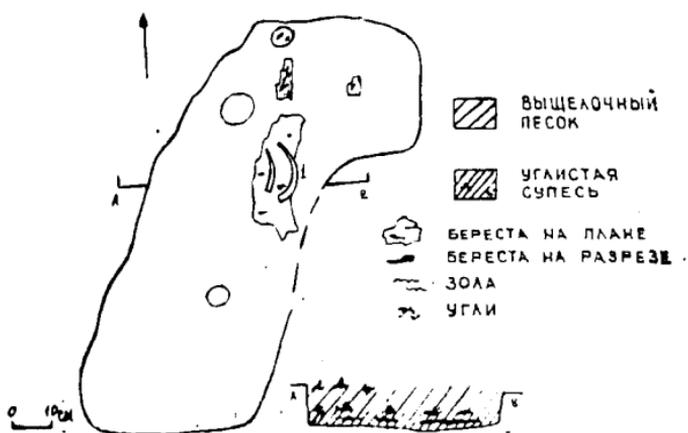
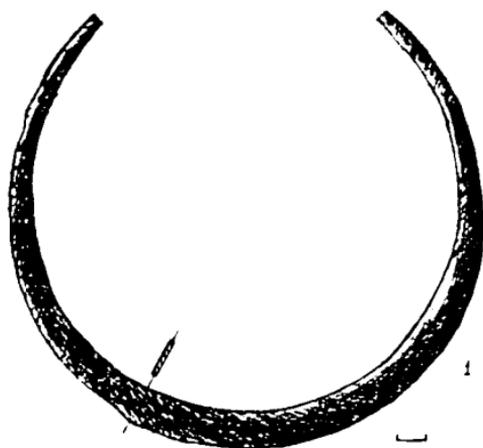

Рис. 24. Шеркалинский могильник. Погребение 3

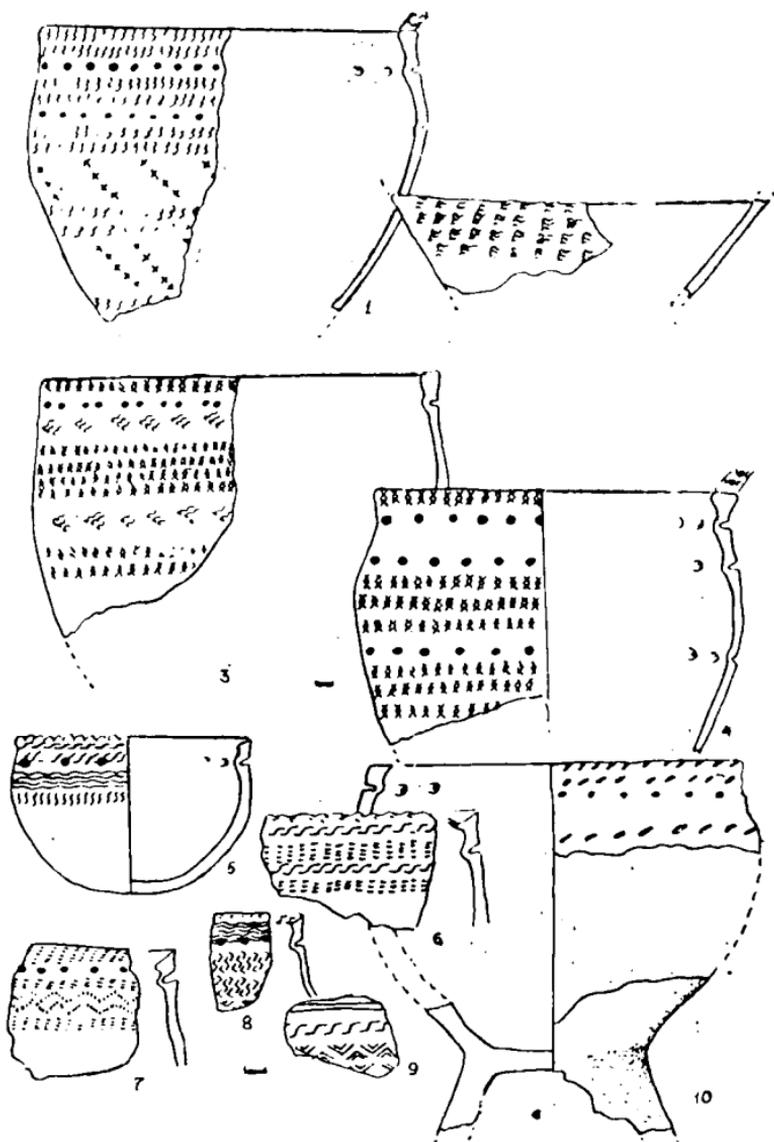

Рис. 25. Шеркалинский могильник. Керамика из культурного слоя

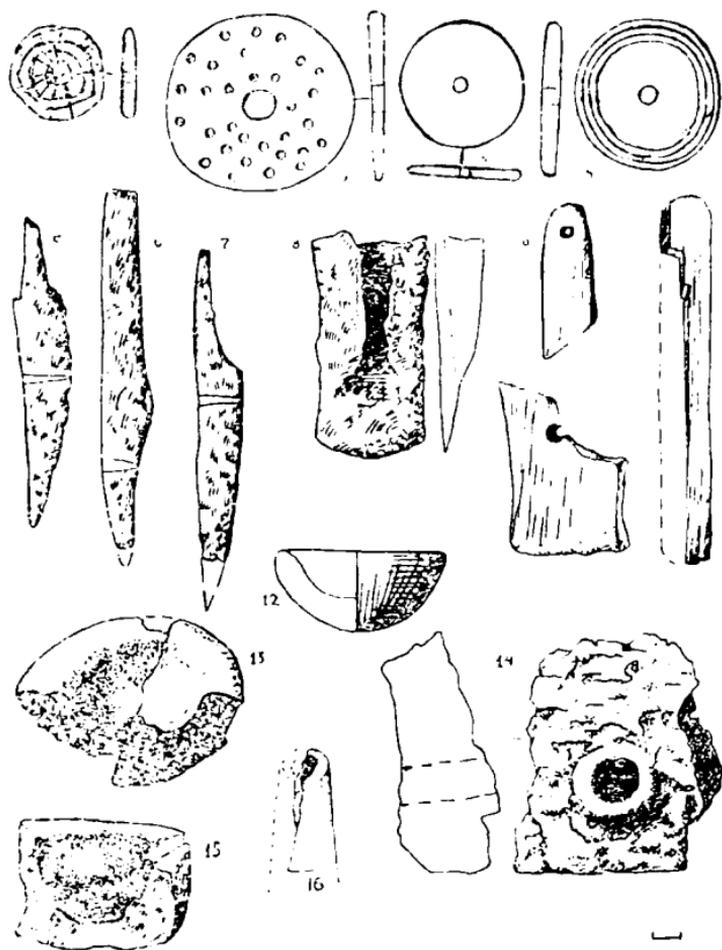

Рис. 26. Хозяйственный инвентарь саровского этапа.
 1, 3, 4, 5, 7, 8, 10, 11, 12, 13, 14 — Саровское городище,
 2, 6 — Дубровинский Борок 3, 9 — Ордынское 9, 16 —
 Сохта II; 1, 2, 3, 9, 10, 11 — камень, 4 — кость, 5—8 —
 железо; 12—16 — керамика

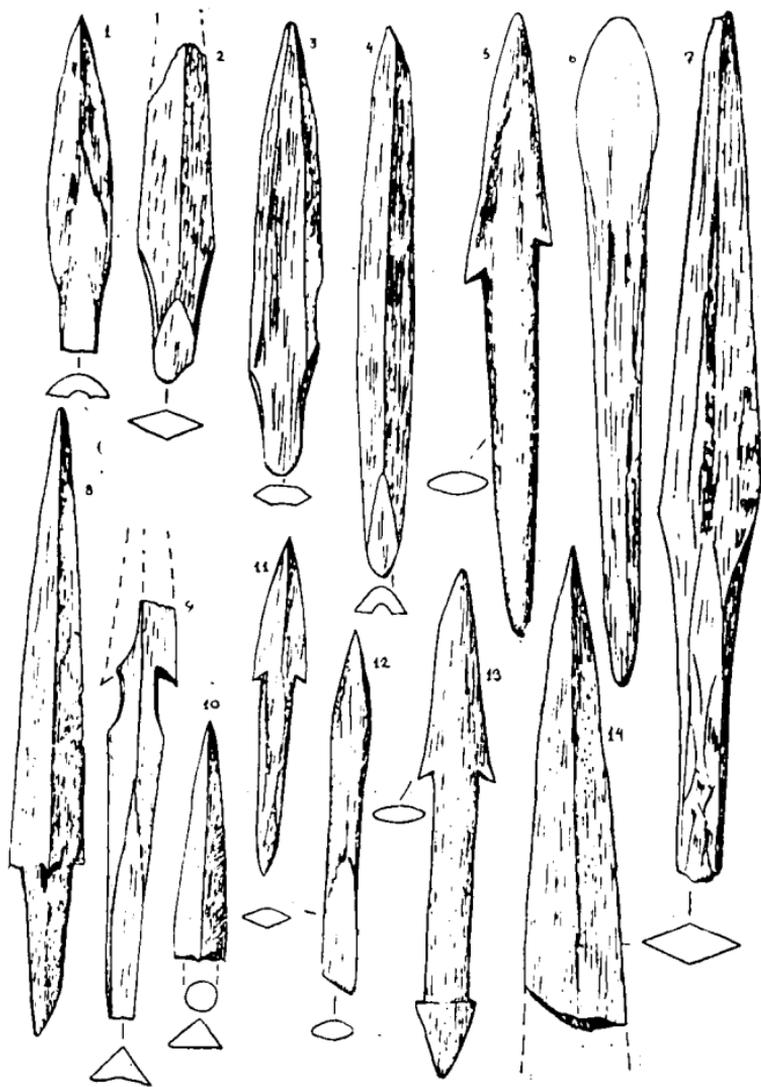

Рис. 27. Костяные наконечники стрел, дровиков, гарпунов.
 1, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 14 — Саровка; 2 — Шаманский
 Мыс; 3, 4, 13 — Дубровинский Борок 3 (по Т. Н. Троицкой)

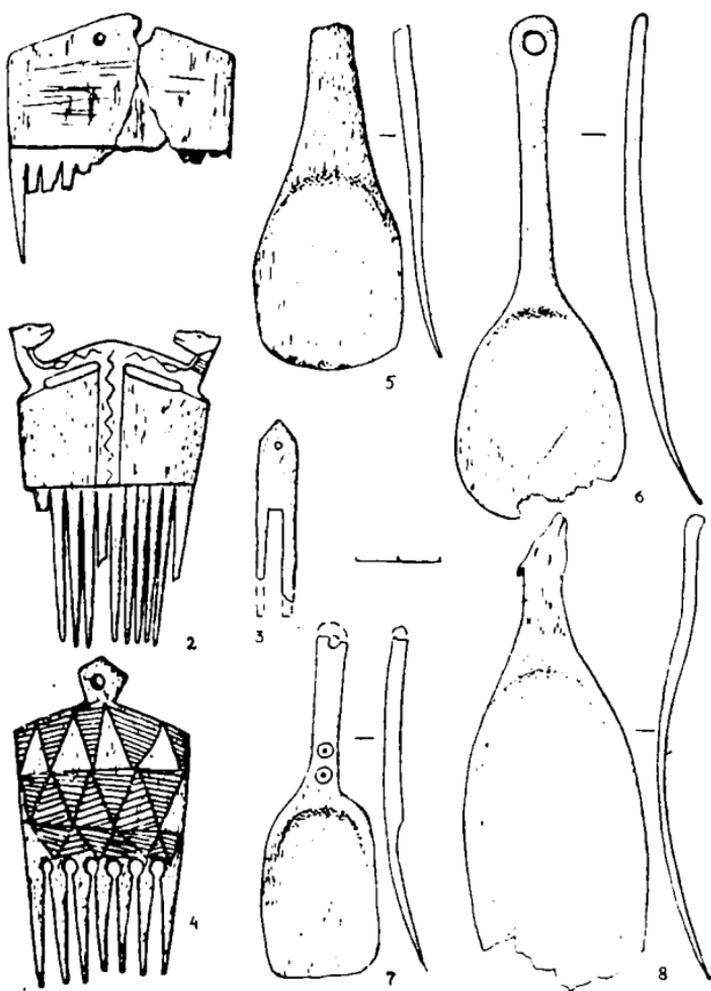

Рис. 28. Костяные гребни и ложки. 1, 2, 6 — Саровское городище, 3, 4, 5 — Дубровинский Борок 3 (по Т. Н. Троицкой), 7 — Сперановское городище (по В. А. Могильникову), 8 — Большой Лог (по В. Ф. Геннигу)

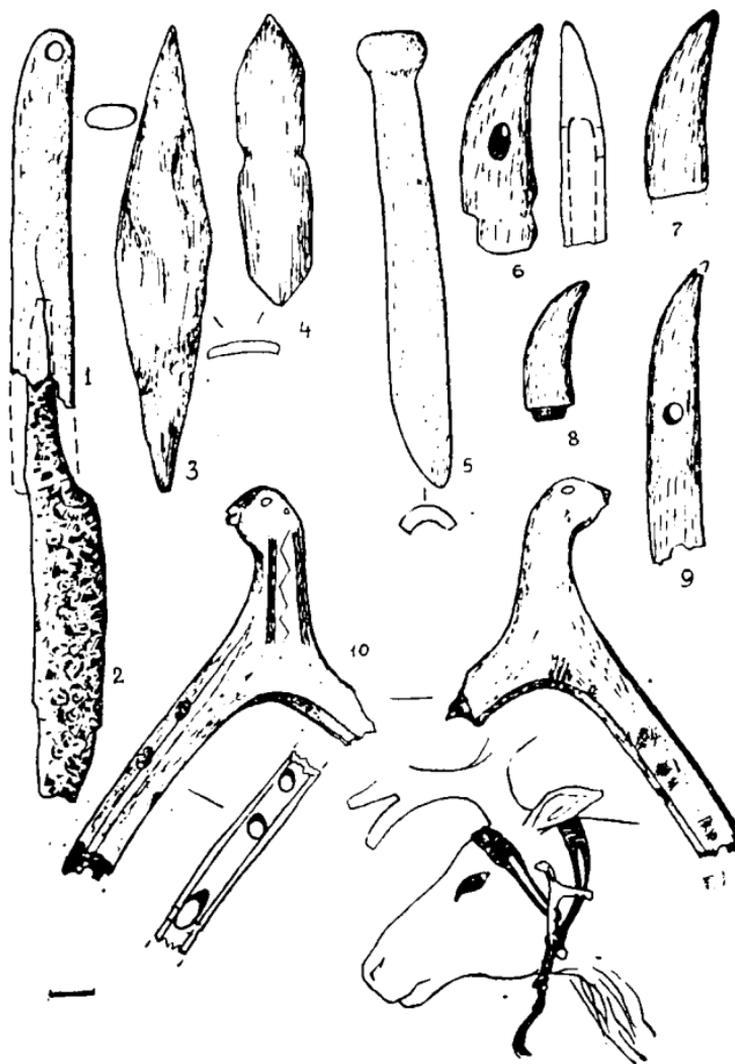

Рис. 29. Костяной инвентарь саровского этапа. 1, 2, 3, 4, 8, 9, 10 — Саровское городище, 5, 6 — Дубровицкий Борок 3 (по Т. Н. Троицкой), 7 — Шаманский Мыс

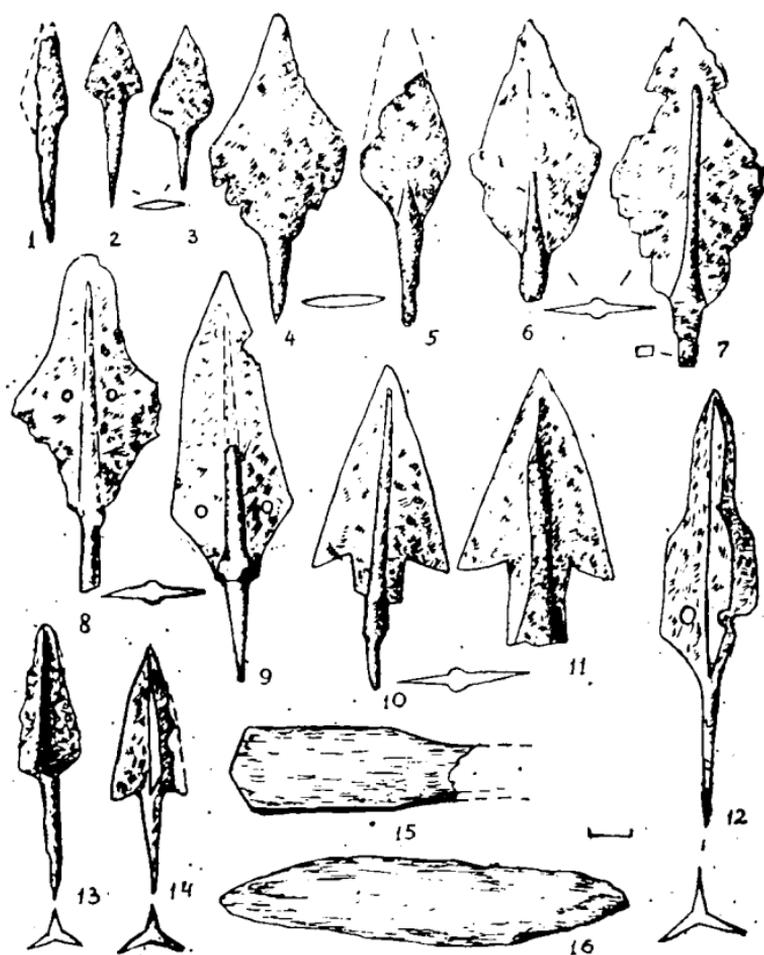

Рис. 30. Железные наконечники стрел и костяные накладки от лука. 1, 15, 16 — Саровское городище, 2—14 — Парabel'sкое культовое место

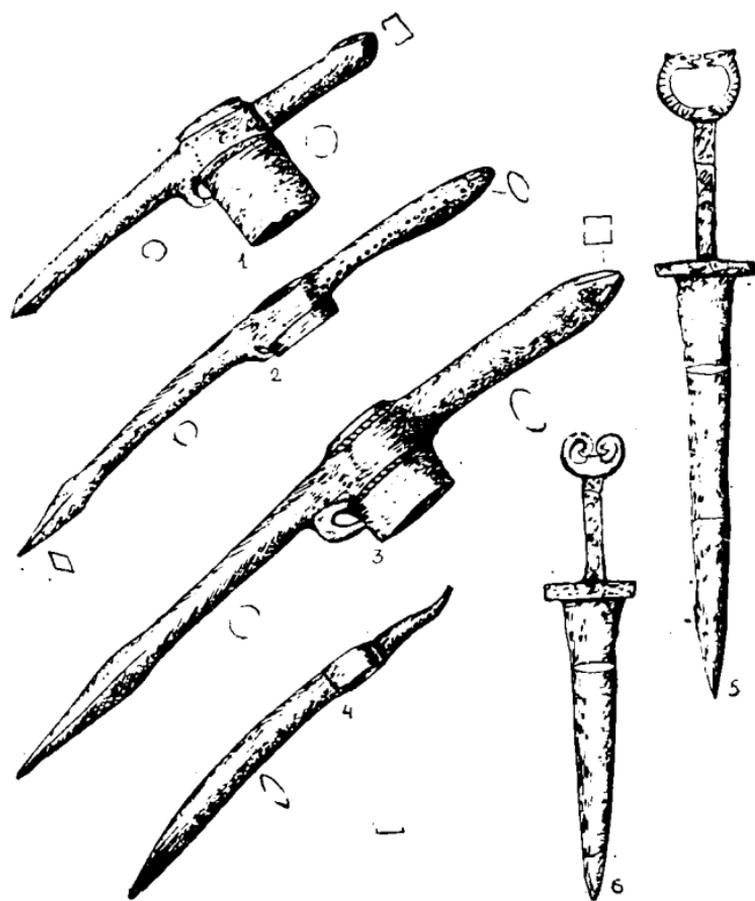

Рис. 31. Железные кевцы и книжалы. 1—4 — Парабель-
ское культовое место, 5—6 — Пшимская коллекция (по
А. П. Ермолаеву)

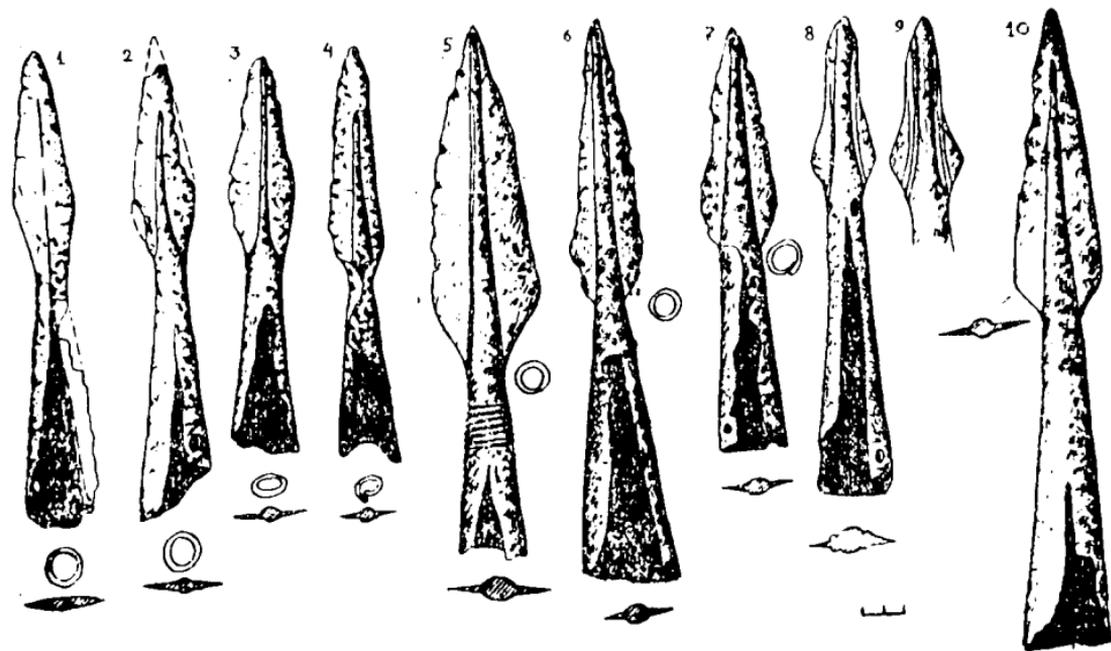

Рис. 32. Железные копья. 1-9 — Нарабельское культовое место, 10 — Потчвашский могильник

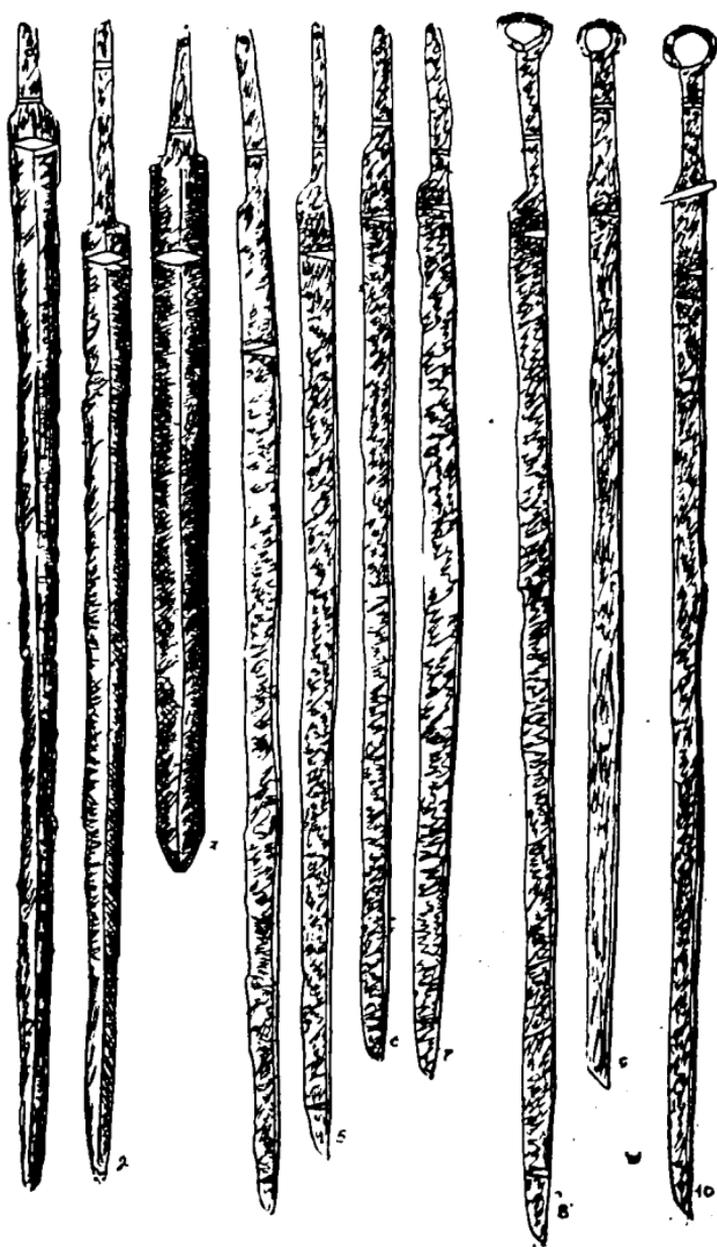

Рис. 33. Мечи и палаши с Парабельского культового места

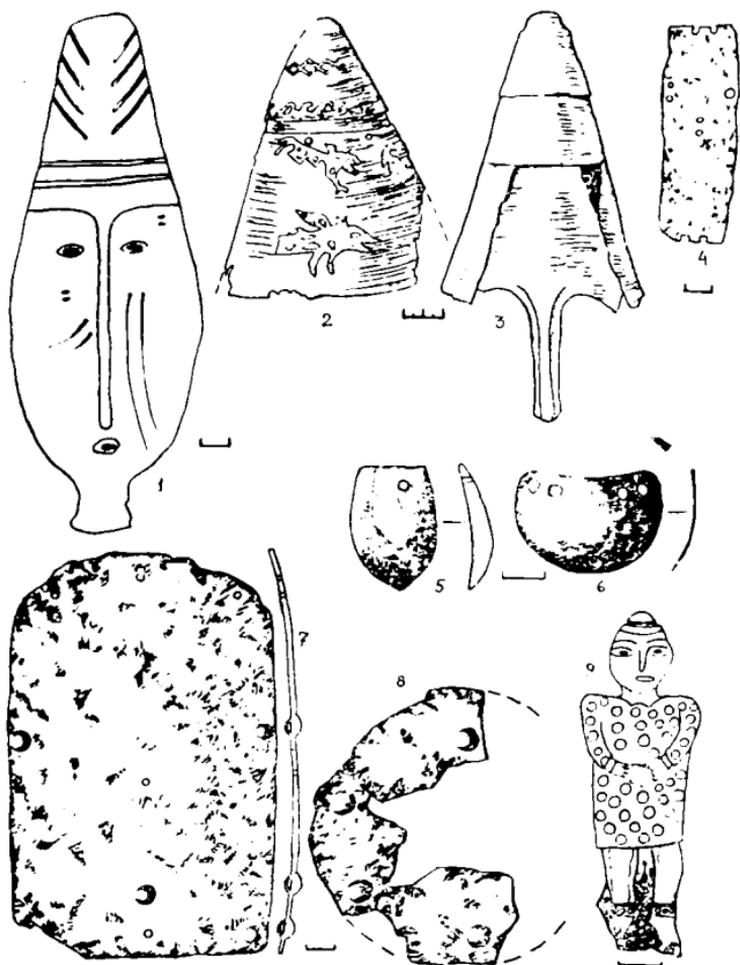

Рис. 34. Кулайское защитное оружие. 1, 4, 7, 8, 9 — Парабельское культовое место, 2, 3, — Истяжский клад (по В. Н. Чернецову), 5 — Обь-Енисейский канал, 6 — Шеркалинский могильник; 1, 6, 9 — бронза, 2, 3, 4 — железо, 5 — кость

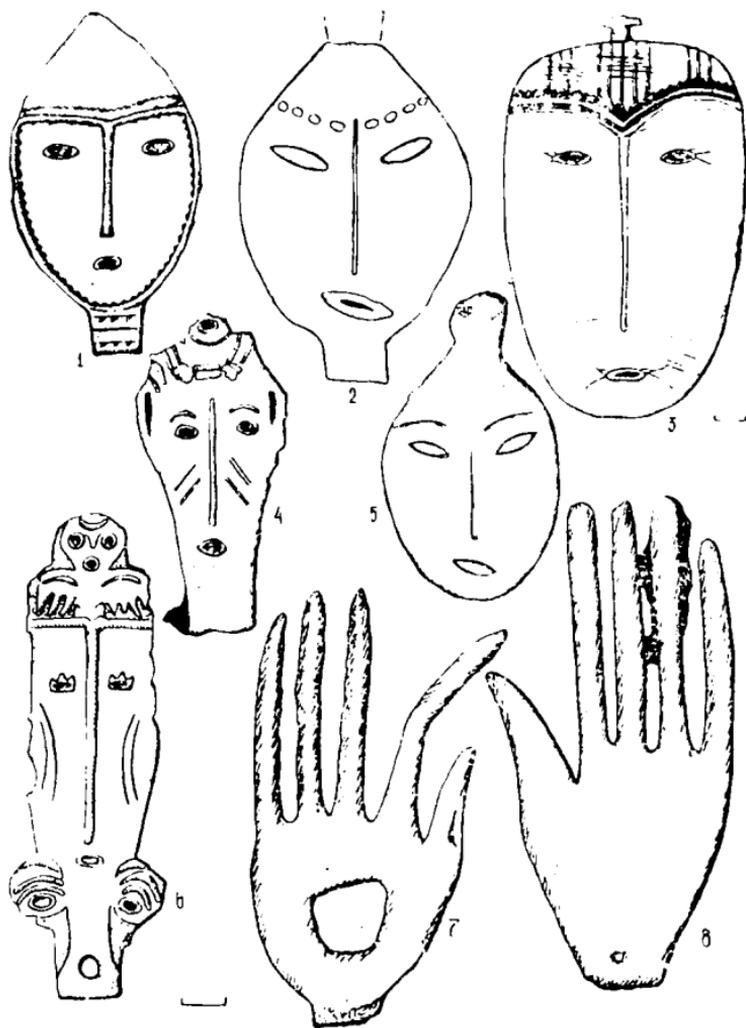

Рис. 35. Антропоморфные изображения. Саровский этап. 1 — Кулайка, 2, 5, 7, 8 — Парабельское культовое место, 3 — Колгуяк, 4 — Петяцкий клад, 6 — Холмогорский клад

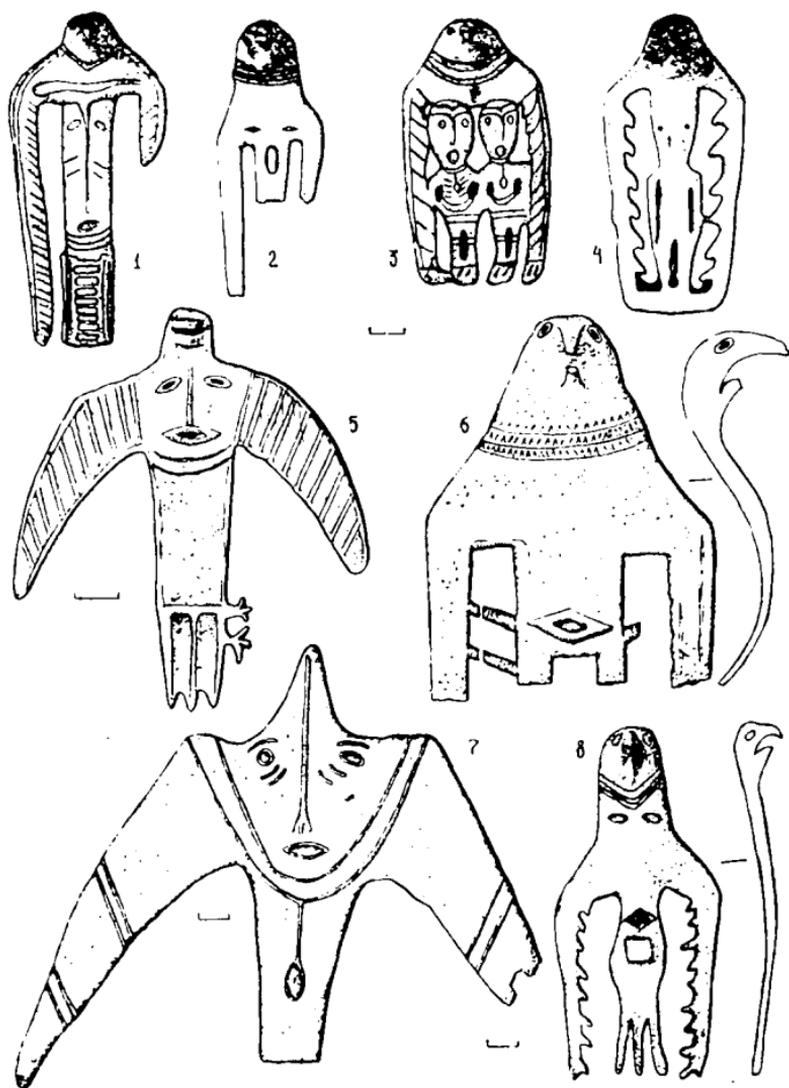

Рис. 36. Орнито-антропоморфные изображения. Тип II.
 1, 3, 8 — Мурлинский клад (по В. П. Чернецову), 2 —
 Пиковка, 4, 6, 7 — Парабельское культовое место, 5 —
 Барсова Гора III/6 (по М. В. Елькиной)

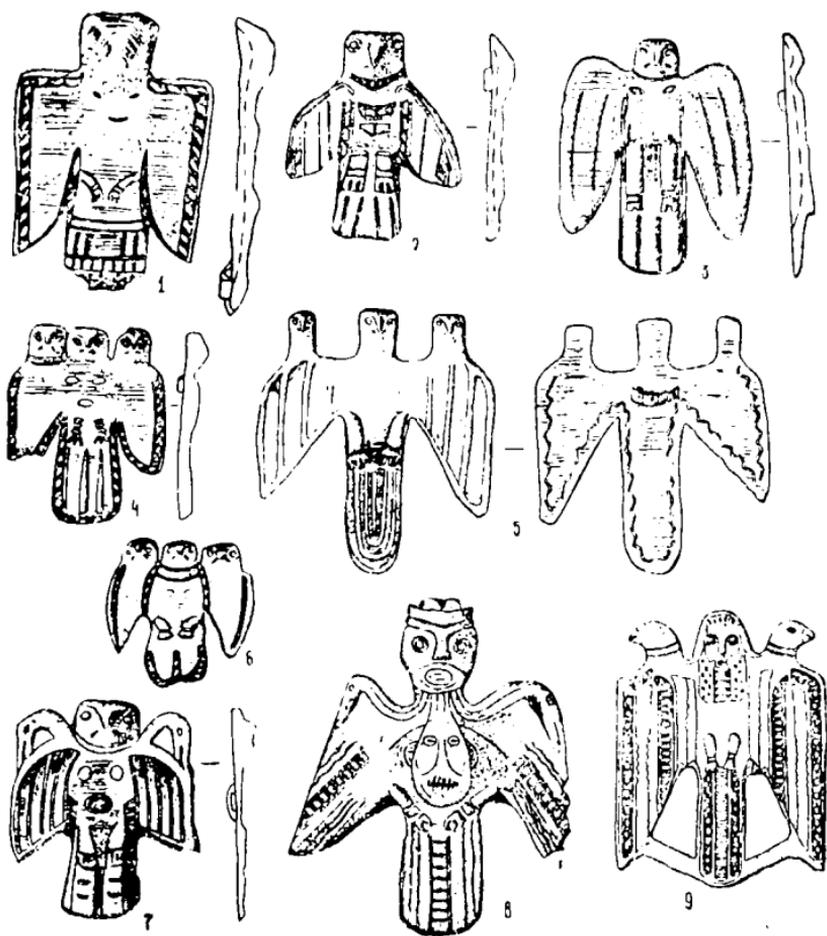

Рис. 37. Орихало-антропоморфные изображения. Тип III. 1, 2, 4, 5, 6, 7 — Парабельское культовое место, 3 — Чижапка, 8 — Пиковка, 9 — Холмогорский клад (по Н. В. Федоровой)

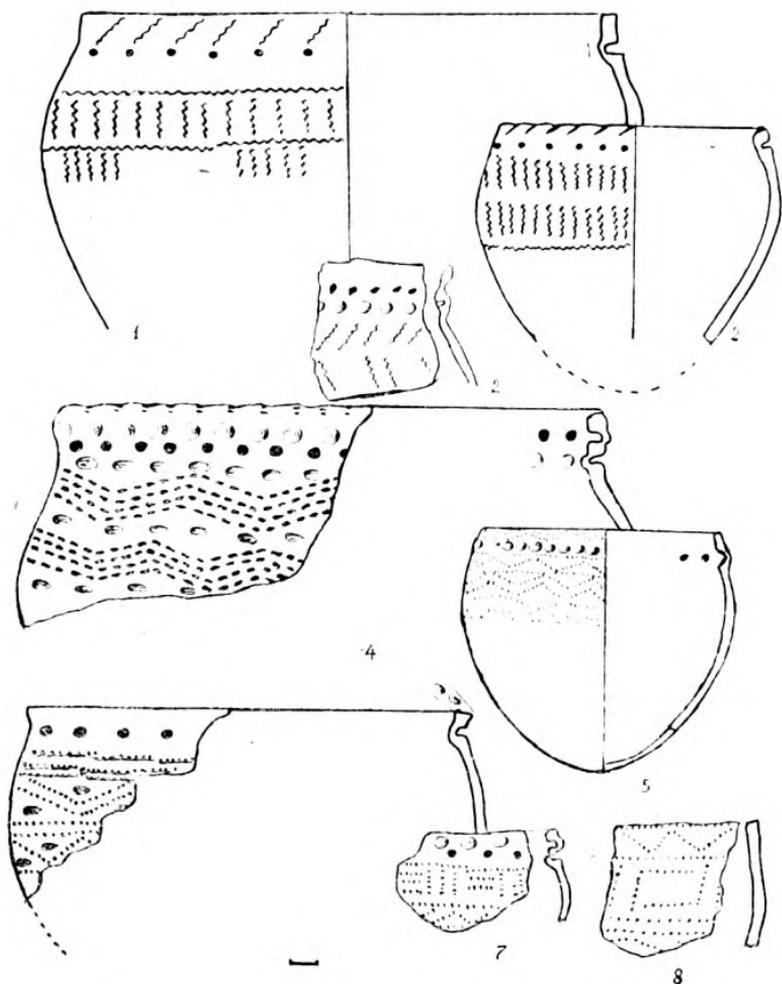

Рис. 38. Кулайская керамика 1-й и 2-й групп. 1, 2 — Барсова Гора (по М. В. Елькиной), 3 — Тух-Эмтор I, 4 — Лысая Гора, 5 — Степановское городище, 6, 7, 8 — Новый Васюган (по Ю. Ф. Кирюшину)

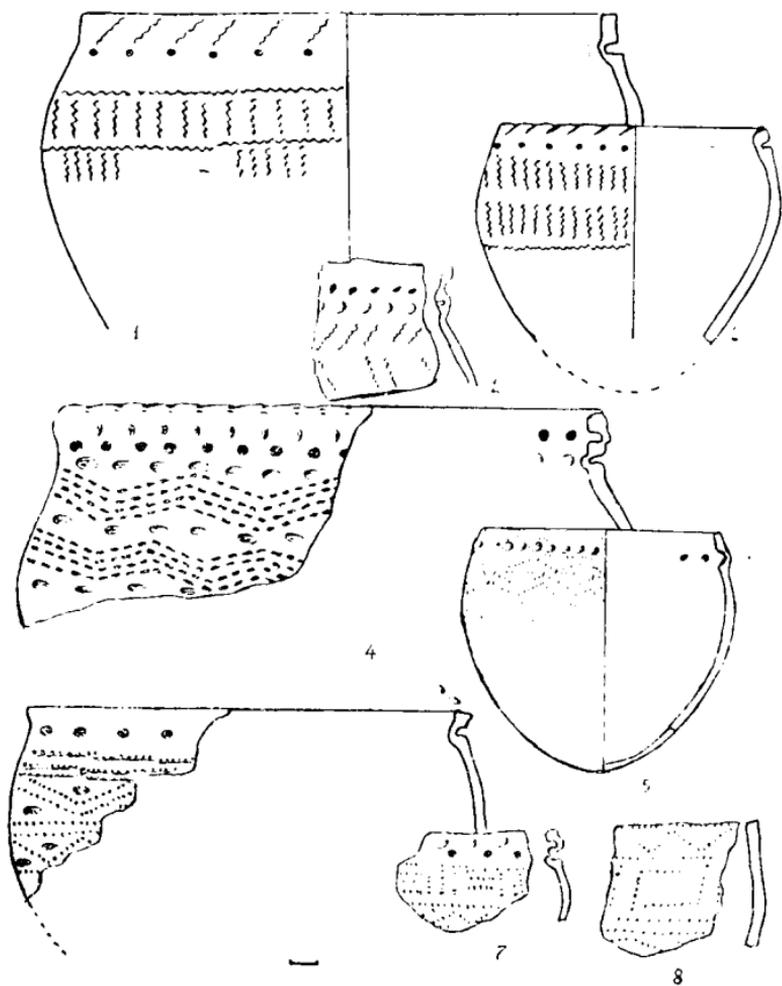

Рис. 38. Кулайская керамика 1-й и 2-й групп. 1, 2 — Барсева Гора (по М. В. Елькиной), 3 — Тух-Эмтор I, 4 — Айсая Гора, 5 — Станановское городище, 6, 7, 8 — Новый Вазюган (по Ю. Ф. Кирюшину)

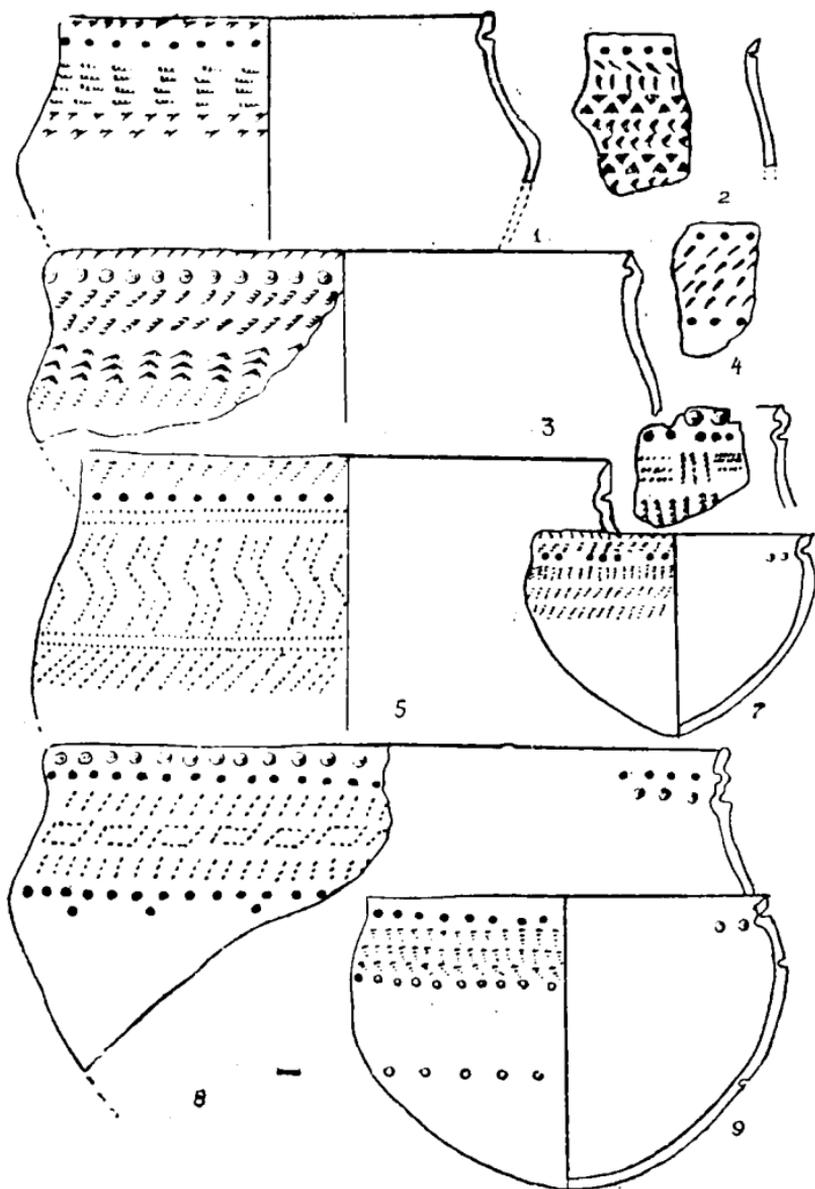

Рис. 39. Керамика васюганского этапа, группа 3. 1, 3, 7, 8 — Малгет 5; 2, 4, 6, 9 — Савельевка; 5 — Степановское городище

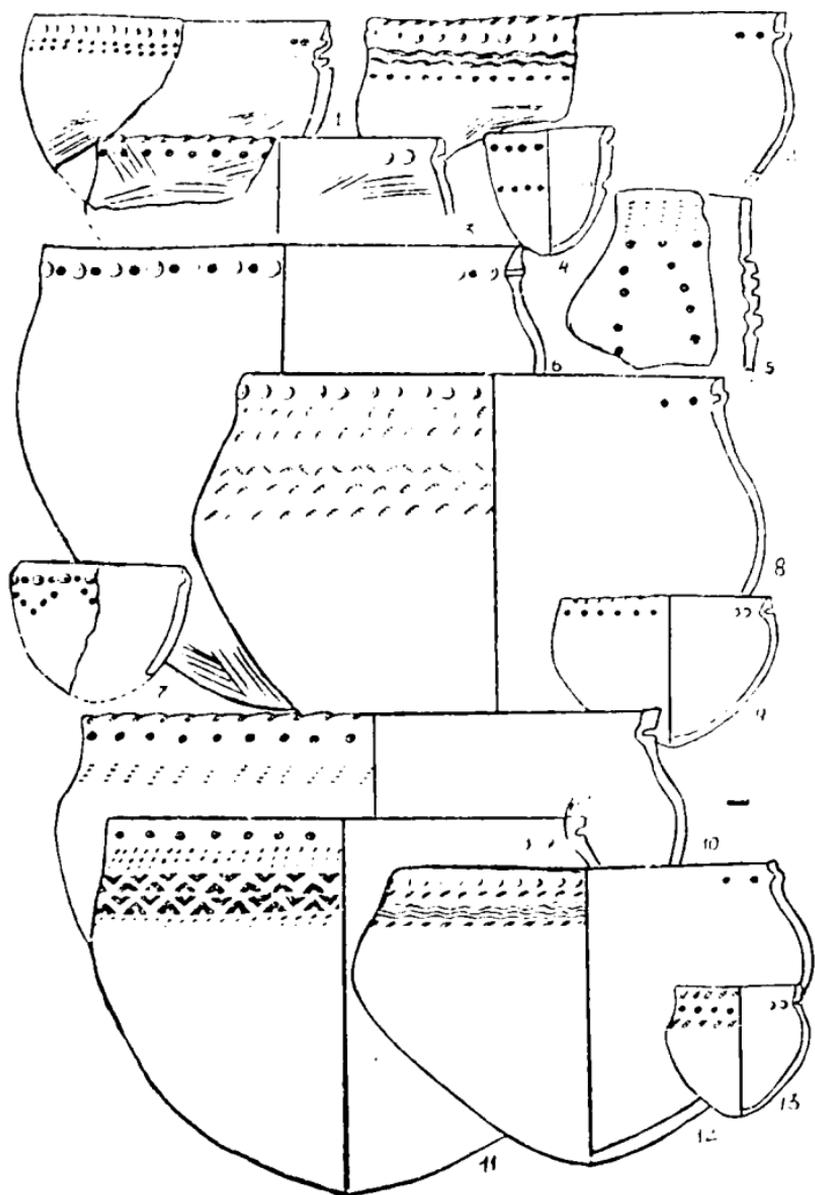

Рис. 40. Кулайская керамика, группа 4. 1, 4, 7, 9 — Степановское III поселение, 3, 6, 8, 13 — Степановское IV поселение; 11 — Лысая Гора

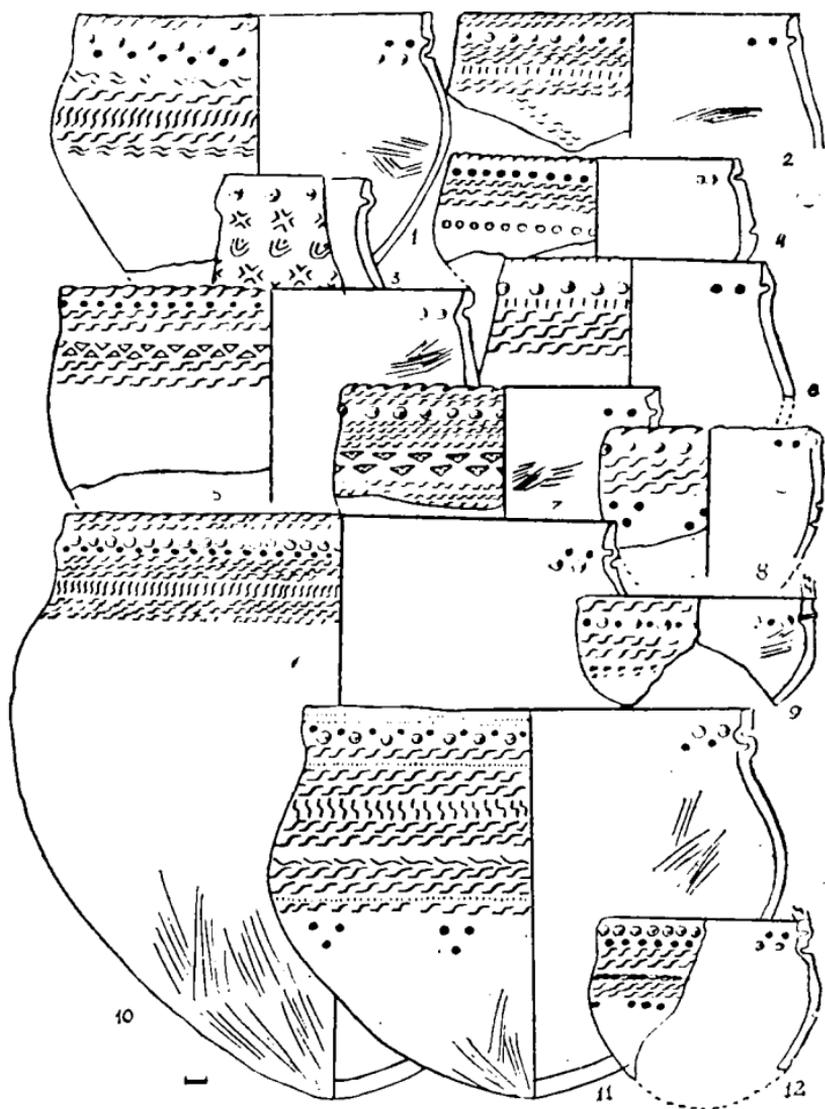

Рис. 41. Кулайская керамика, группа 5. 1, 11 — Степановское IV поселение, 2, 7 — Кижирово, 3 — Смолокурово, 4, 5, 9, 10, 12 — Степановское I поселение, 6 — Степановское городище, 8 — Степановское II поселение

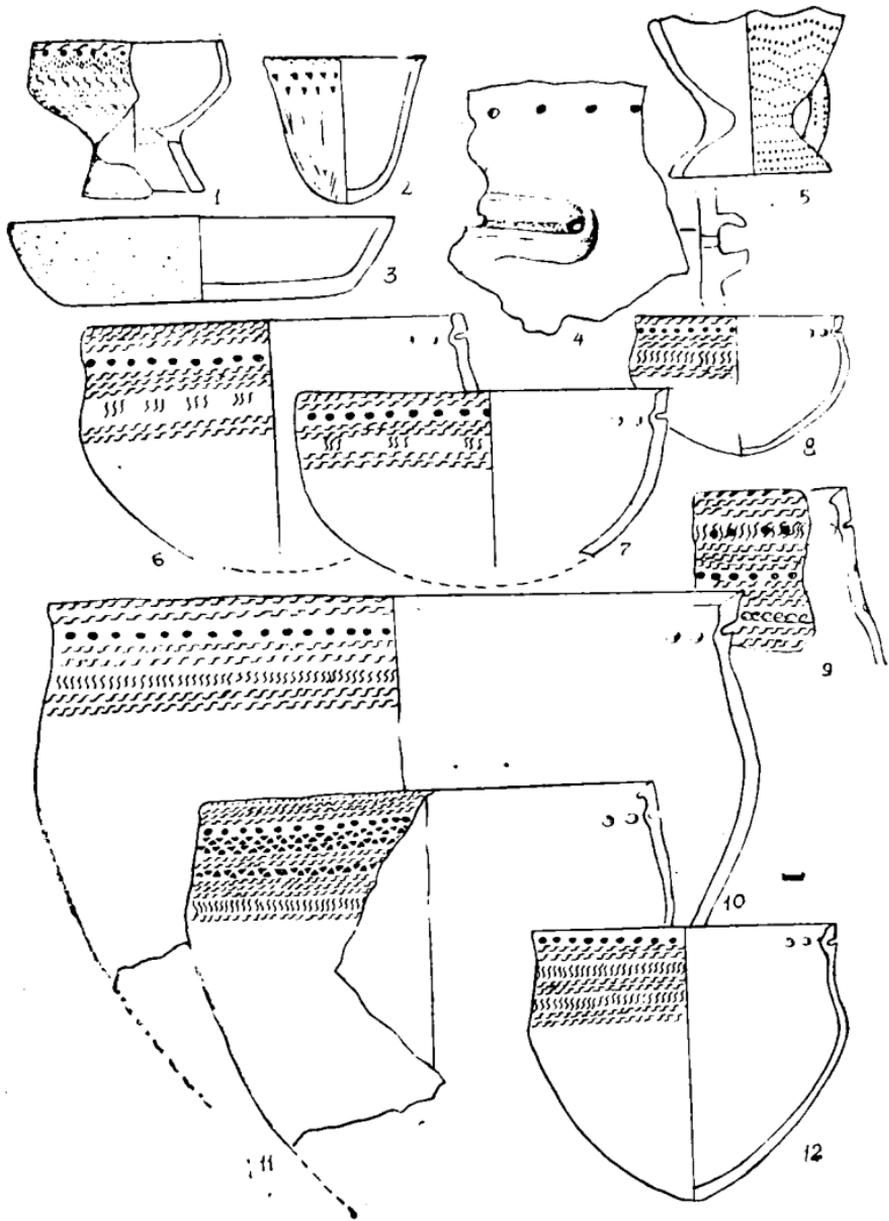

Рис. 42. Кулайская керамика. 6—12 — группа 6. 1 — Степановское IV поселение, 2 — Кондрашкина Акка, городище, 3 — Киресовское III городище, 4, 12 — Степановское городище, 5 — Степановское II поселение, 6, 7 — Красноозерское поселение, 8, 10 — Степановское I поселение, 9, 10, 11 — Саровское городище

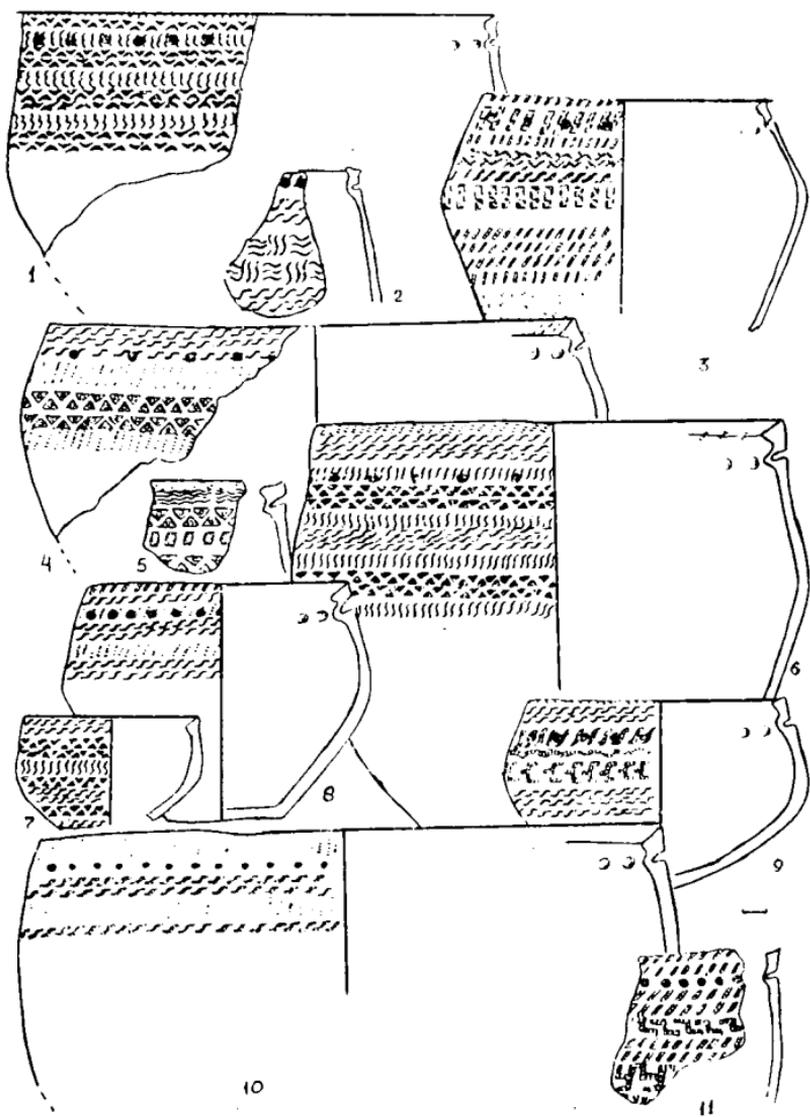

Рис. 43. Кулайская керамика саровского типа, группа 7. 1, 5, 6, 8, 10, 11 — Саровское городище, 2, 3, 9 — Маллет б, 4, 7 — Большой Лог (по В. Ф. Геннигу)

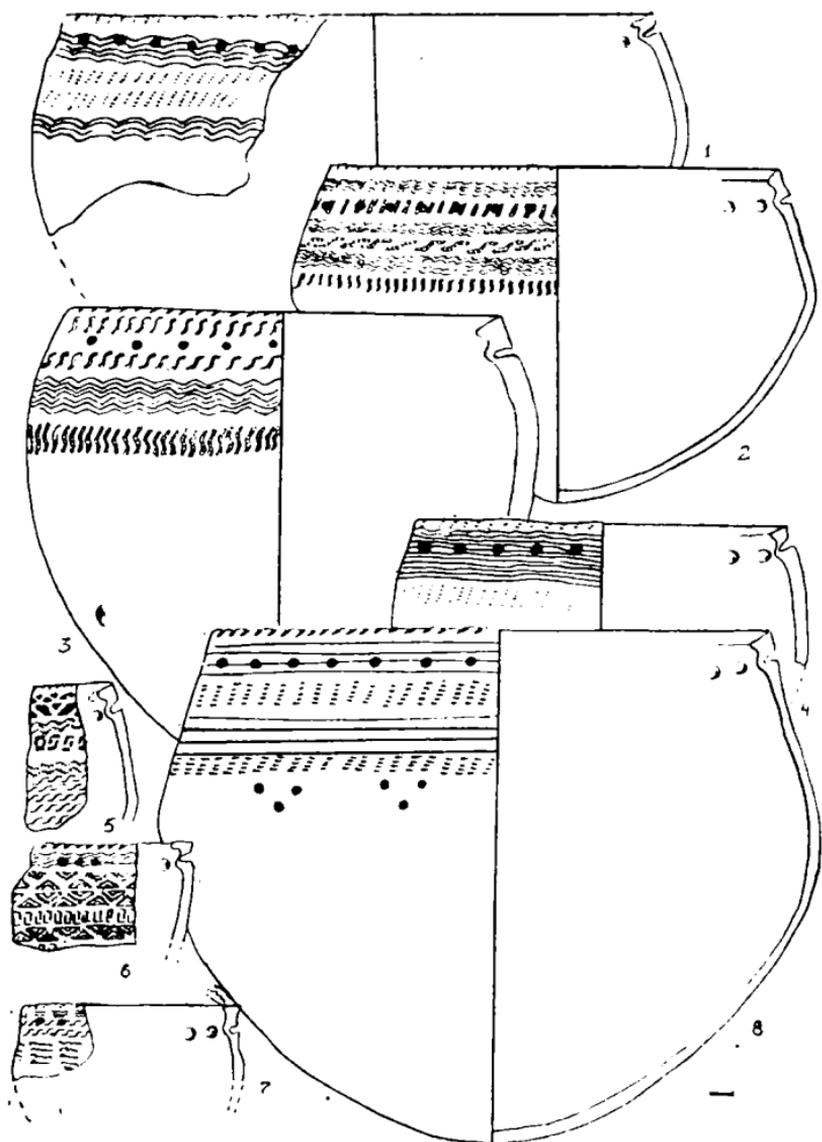

Рис. 44. Керамика саровского типа, группа 7. 1, 3, 6 — Малгет 6, 2, 4, 5, 7, 8 — Саровское городище

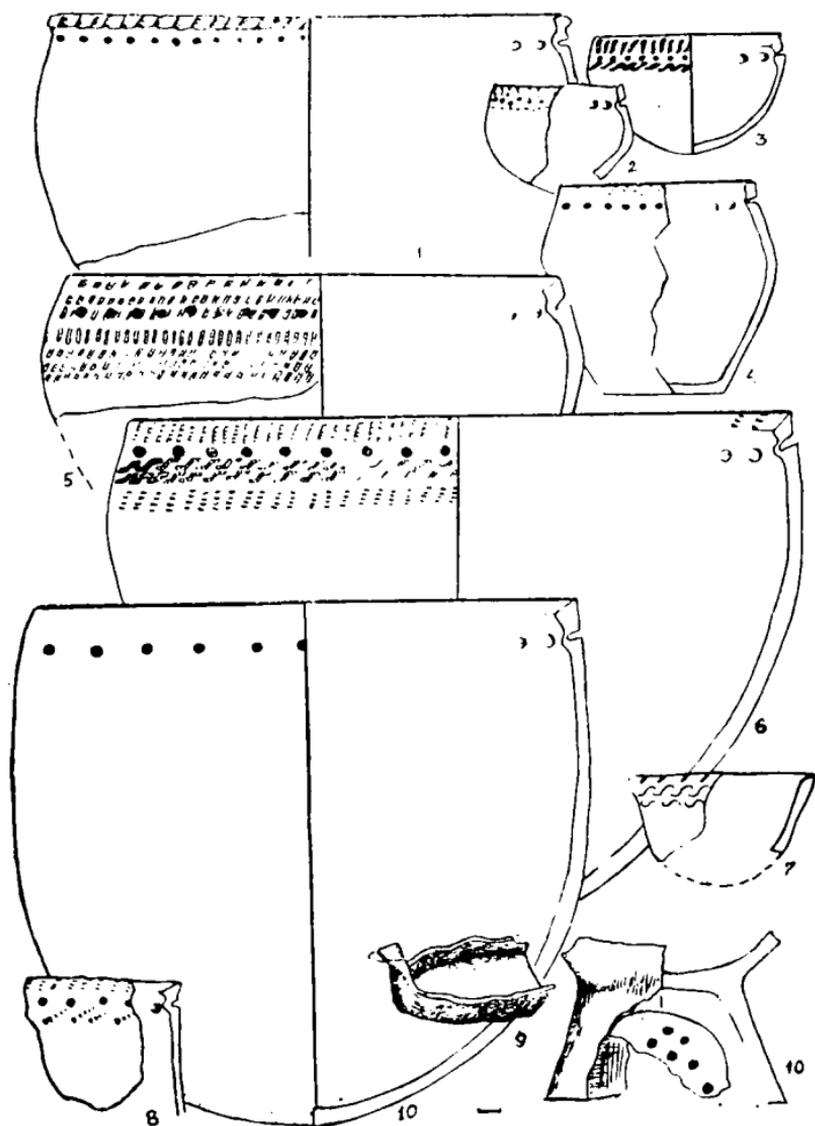

Рис. 45. Керамика Саровского городища. Группа 8

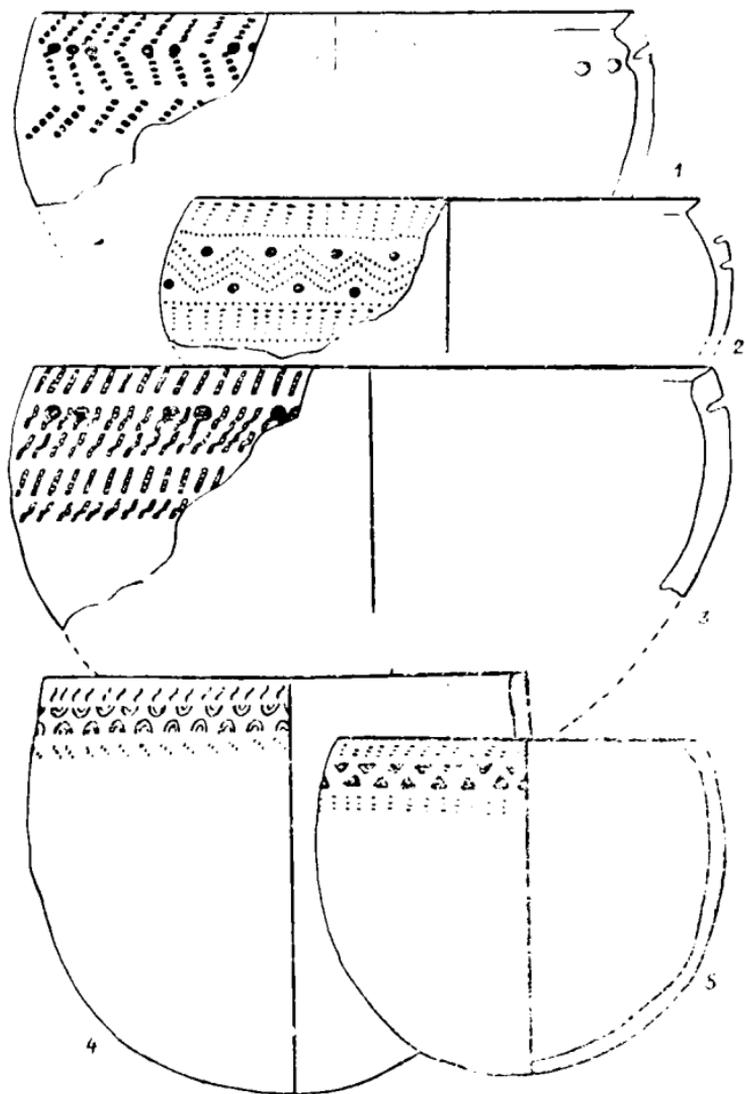

Рис. 46. Керамика Саровского типа, группа 9. 1, 4 — городище Шеломок, 2, 3 — Басандайка, 5 — БЭ-VII (по М. П. Грязнову)

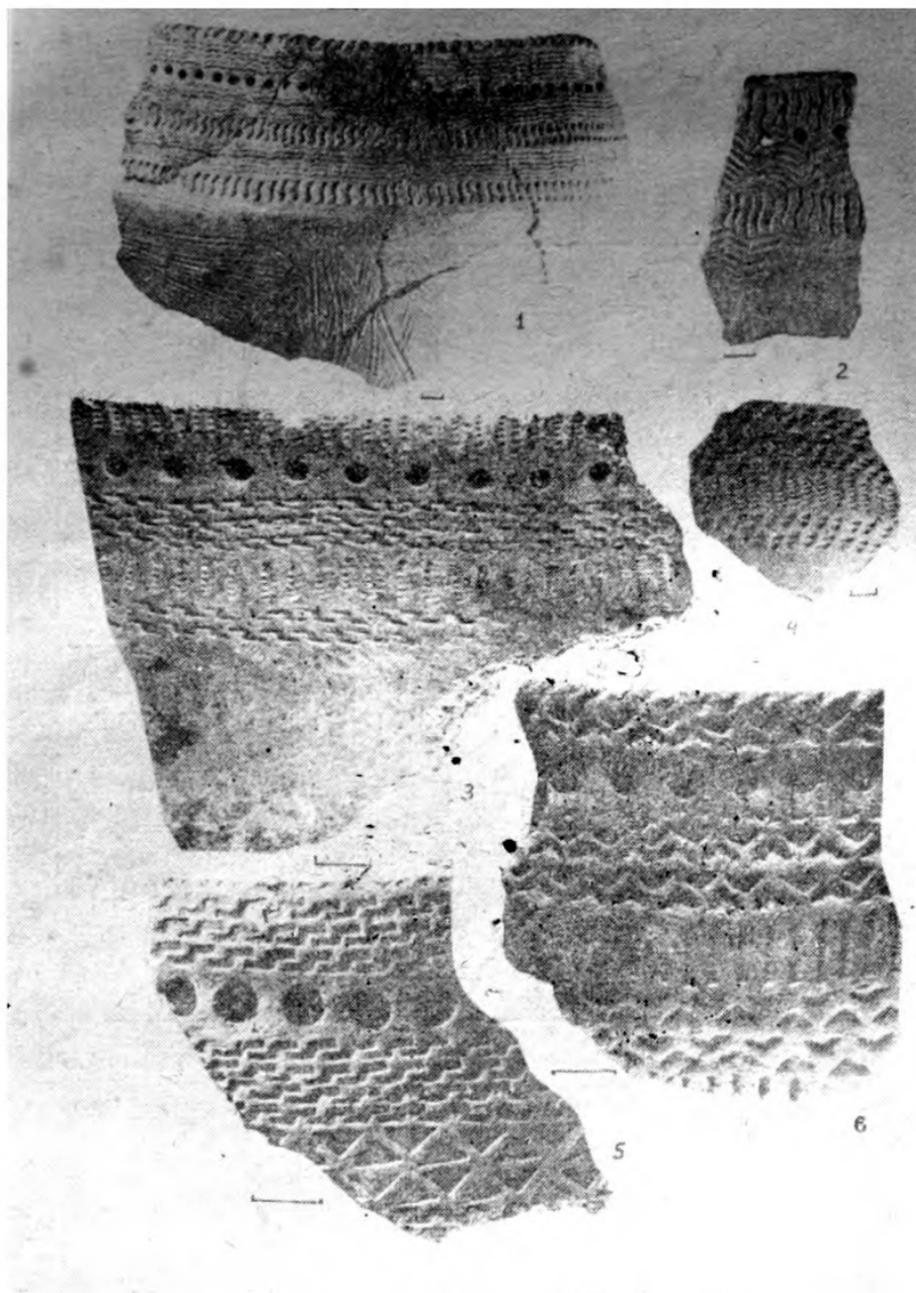

Рис. 47. Керамика Саровского типа. 1, 2, 3, 5, 6 — Саровское городище, 4 — Малгет 6

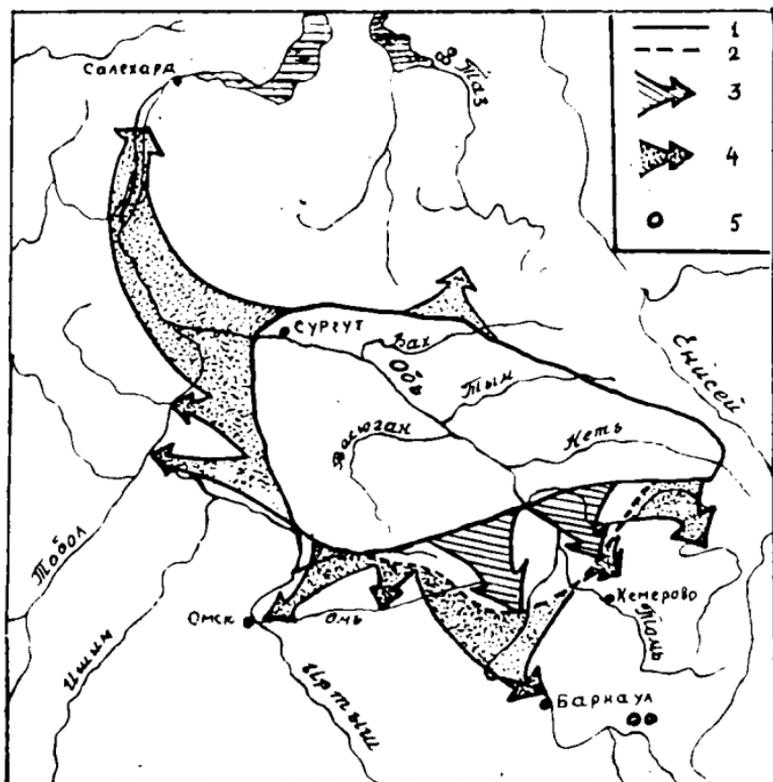

Рис. 48. Миграционные пути кулайского населения. 1 — границы формирования кулайской культуры, 2 — граница кулайской культуры на рубеже III—II вв. до н. э., 3 — направление первоначальных миграций, 4 — направление миграций кулайцев (саровцев) с рубежа II—I вв. до н. э., 5 — разрозненные кулайские памятники

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Источники по кулайской культуре	
Памятники васюганского этапа	15
Инventарь памятников васюганского этапа	24
Памятники саровского этапа	44
Инventарь памятников саровского этапа	56
Кулайская керамика	76
Культурно-исторические особенности кулайской культуры	
Хронология	95
Происхождение и особенности кулайской культуры	112
Экономика	124
Социальные отношения	146
Миграционные процессы и их последствия	156
Заключение	176
Приложения	
Приложения х	
Описание памятников Степановского комплекса	181
Коллекции	192
Архивные материалы	194
Литература	195
Сокращения	205
Рисунки	206

Людмила Александровна ЧИНДИНА

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ В ЭПОХУ
ЖЕЛЕЗА
КУЛАЙСКАЯ КУЛЬТУРА
ИБ 1274

Редактор В. А. Малаховская
Художественный редактор О. П. Карпов
Технический редактор Г. Н. Гридина
Корректор Г. Г. Иванова

Сдано в набор 3.02.84 г. Подписано в печать 10.11.84 г. КЗ02186
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типогр. № 2. Гарнитура Литературная.
Печать высокая. Печ. л. 8+2 вкл. Усл. печ. л. 13,44. Уч.-изд. л. 12,5.
Тираж 500 экз. Заказ 4792. Цена 1 р. 90 к.

Издательство ТГУ, 634029, Томск, ул. Никитина, 4.
Типография изд-ва «Красное Знамя», 634029, Томск,
ул. Советская, 47.

1 р. 90 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТОМСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

